
INSPIRIA
18+
ЛЮБОВЬ
Софи
Уорд
И ДРУГИЕ
ЛОНГ-ЛИСТ
БУКЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ 2022
МЫСЛЕННЫЕ
ЭКСПЕРИМЕНТЫ
INSPIRIA

Любовь и другие мысленные эксперименты

Софи Уорд

Аннотация
Софи Уорд. Любовь и другие мысленные эксперименты
1. Муравей
2. Переломный момент
3. Шезлонг
4. Муравительно
5. Клементинум
6. Зона Златовласки
7. Артулисс
8. Сам себе незнакомец
9. Зевс
10. Любовь
Благодарности
Список литературы
Рекомендуемая литература
Об авторе

Аннотация

«Любовь и другие мысленные эксперименты» — экспериментальный роман Софи Уорд, в 2020 году попавший в лонг-лист Букеровской премии.

Рейчел и Элиза живут совершенно обычной жизнью. Не всегда находят общий язык с родителями, сталкиваются с проблемами на работе, планируют завести ребенка. Но что-то раз и навсегда меняется в их отношениях. В ту ночь, когда в глаз Рейчел заползает муравей/В ночь, когда они обнаруживают, что за кроватью поселилась колония муравьев.

Рассказанная в главах, искусно сплетенных друг с другом, эта история — настоящее исследование любви, личности и реальности. И то, что начинается как красочные виньетки семейной жизни, оборачивается настоящим философским экспериментом.

«Головокружительный танец идей». — *Софи Кинселла*

«Трогательно, ярко и чувственно». — *THE GUARDIAN*

Софи Уорд
Любовь и другие мысленные эксперименты

Посвящается Рене

Воображение — не свойство человека, а основа его существования.

Уильям Блейк. Мильтон: поэма в двух книгах

Мне снились в жизни сны, которые потом оставались со мной навсегда и меняли мой образ мыслей: они входили в меня постепенно, пронизывая насквозь, как смешивается вода с вином, и постепенно меняли цвет моих мыслей.

Эмили Бронте. Грозовой перевал

Чтобы добиться прогресса в работе над искусственным интеллектом, нам придется отказаться от благоговения перед живыми существами.

Дэниел Деннет. Из книги «Говорящие умы: интервью с двадцатью выдающимися учеными-когнитивистами»

Рейчел подобрала в кухне брошенный Элизой журнал. На обложке было нарисовано дерево. Ветвистая зеленая крона его тянулась к солнцу, а корни врастали в голову человека. Странно, обычно то, что читала Элиза, такими иллюстрациями похвастаться не могло. Рейчел перелистнула страницу.

«Мысленные эксперименты — это инструменты воображения, необходимые нам для того, чтобы исследовать природу вещей».

«Ничего себе, — подумала Рейчел. Однако фраза ей понравилась. Мысль о том, что ученые сочиняют истории, позабавила ее. — А что, если бы я сама была мысленным экспериментом? Фантазией, которую Элиза придумала, чтобы встряхнуть свои закоснелые взгляды?»

— Как думаешь, если бы я была мысленным экспериментом, — спросила Рейчел в тот вечер, когда они с Элизой укладывались спать, — то каким именно?

— Не уверена, что мысленным экспериментом в принципе можно *быть*, — заметила Элиза. — Речь ведь идет о вымышленных ситуациях, которые помогают анализировать ту или иную проблему.

— Все, что можно вообразить, — реально.

— Это лишь одна из теорий.

— Давай же. — Рейчел отпихнула книгу, которую Элиза держала в руках, и уставилась на свою партнершу. — Вообрази меня.

Элиза, улыбнувшись, покачала головой:

— Вот что происходит, когда фантазии сталкиваются с реальностью.

— А я одно от другого толком не отличаю. Ну же, не тяни кота за хвост. — Рейчел ткнула пальцем Элизе в подмышку.

— Ну хорошо! Хочешь быть мысленным экспериментом? Тогда будешь зомби. Нет, нет, придумала! Ты — Потерянный Оттенок Синего из эксперимента Юма. Цвет, который никогда не видел, но все же можешь себе представить. Довольна?

«Потерянный Оттенок Синего из эксперимента Юма, — думала Рейчел, устраиваясь головой на подушке. — А что? Вполне может быть».

— Расскажи мне об этом еще.

1
Муравей

Пари Паскаля

Блез Паскаль, математик, живший в XVII веке, считал, что, поскольку разумом понять, существует Бог или нет, невозможно, всем нам следует раз и навсегда решить этот вопрос для себя, в определенном смысле заключив пари. Посвящая себя Богу, вы ставите на кон свою конечную земную жизнь, в случае выигрыша же получаете бесконечную жизнь в бесконечном блаженстве. Выбирая не верить в Бога, вы рискуете в случае проигрыша обречь себя после смерти на вечные муки. Таким образом, получается, что верить в Бога — разумнее, так как возможный выигрыш в данном случае значительно больше возможного проигрыша.

…но здесь ваш выигрыш — бесконечная жизнь в бесконечном блаженстве, у вас один счастливый шанс против конечного числа несчастливых, и ставка ваша тоже вещь конечная.

Блез Паскаль. Мысли.

— Ну вот, теперь муравьи и сюда приползли. — Рейчел смахнула крошечное существо и перевернула подушку.

Элиза подняла глаза от книги.

— Муравьи. Из гостиной. Притащились за нами сюда, — объяснила Рейчел.

— Уверена?

— Сама только что одного видела.

— Нет, ты уверена, что это муравей? Они такие маленькие, и как только ты разглядела? — сказала Элиза и снова уткнулась в упиравшуюся краем ей в грудь книгу в твердом переплете.

— Я-то очки не ношу.

— Это пока.

— Не знаешь, муравьи кусаются? — толкнула ее локтем Рейчел.

— Слушай, мне нужно до завтра это дочитать.

— Это точно муравьи, говорю тебе. Прошлым летом у нас в диване жили такие же. Они через

щель в оконной раме лезут, теперь вот сюда добрались. Нельзя же поселить младенца в комнате, которая кишит муравьями. Элиза?

— Да?

— Ты их раньше не видела? Когда спала на этой стороне кровати?

— Нет.

— Ой, да ты бы все равно не заметила.

— Разве что одного-двух.

— Мы поэтому сторонами поменялись?

Элиза выронила книгу.

— Что?

— Да так, ничего.

— Нет уж, говори. Ты считаешь, я попросила тебя поменяться местами, потому что на той стороне кровати насекомые?

— Ладно, читай. — Рейчел виновато покосилась на нее. — Знаю, знаю. Прости.

Читать в тот вечер Элиза больше не смогла, но лампу над кроватью не выключала, пока Рейчел не уснула. Все думала, стоит ли сходить к дезинсектору, чья контора располагалась дальше по улице, и попросить его осмотреть их квартиру. Мистер Каргин. Еще он подрабатывал ремонтом и продажей старых телевизоров. Они как-то зашли к нему купить антенну для черно-белого

«ящика» Рейчел. И он лет сто рылся в своих коробках и ворчал, что клиенты пользуются всякой рухлядью.

Рейчел старалась не смотреть на развешанные по стенам плакаты с изображениями крыс, тараканов и способов их уничтожения. Все постеры были одного формата, и оттого казалось, что термиты вполне могут вымахать размером с белку. Мистер Каргин долго изучал их обеих пристальным взглядом.

— Он на меня пялился, — сказала Рейчел, когда они вышли оттуда. — А с тобой нормально себя вел.

Антенны мистер Каргин для них так и не нашел и явно был очень раздосадован их приходом, хотя рыться в коробках его никто не заставлял. Элиза тогда подумала, что ремонт телевизоров вряд ли приносит хороший доход, зато вторая специальность для него наверняка не только дополнительный заработок, но и способ самовыражения. Рейчел она пообещала, что они к нему больше ни ногой.

Сейчас Рейчел лежала рядом с ней в постели и мерно дышала. Это Элиза предложила поменяться местами. Она купила новый стол, который точно не поместился бы в нишу возле противо-

положной стороны кровати. Поменяться было практичным решением, даже Рейчел с этим согласилась. В квартире и без того было тесно, зато теперь письменный стол она использовала и как прикроватную тумбочку. Но, может, двигая мебель, они потревожили муравейник? Или просто насекомые всегда лезли в дома в это время года? Разумеется, предлагая поменяться, она не думала о муравьях, но вот теперь ей придется решать эту проблему, чтобы показать, какая она заботливая. С тех пор как они впервые заговорили о ребенке, Рейчел словно постоянно проверяла, не начала ли ее любовь к ней остывать.

Интересно, думала Элиза, какие еще решения в своей жизни она приняла из принципа? Порой начинало казаться, что и работу в университете, и велосипед в качестве средства передвижения, и вегетарианство, и даже стрижку она выбирала с оглядкой на чье-то мнение. Да, она вошла в тот круг людей, к которым сама относилась с уважением, но выбрала ли она хоть раз за всю жизнь то, чего действительно хотела? В последний раз проверив подушку, она выключила лампу над кроватью. Ладно, с муравьями разберется утром.

program

На следующий день по пути на работу Элиза

проехала на велосипеде мимо телевизионной мастерской. В витрине, под шаткими штабелями сломанных телевизоров, виднелись уменьшенные версии плакатов с вредителями. Элиза представила, как сердитый мистер Каргин заливает их квартиру химикатами. Он и сам, казалось, распространял вокруг себя ядовитую атмосферу. Такого убийцу даже муравьи не заслужили.

За завтраком они снова вернулись к этой теме, и Элиза набрала в Гугле: «Вывести насекомых».

— Тут на фото все муравьи нормального размера. Таких крошечных, как у нас, нет.

Но Рейчел не желала читать о яйцах и муравейниках.

— Против одного муравья я ничего не имею. Но когда их сотни, к тому же в моей постели… У меня целый день в голове та песенка крутится: «Отчего же старый муравьишка…»[1]

— Перечная мята. — Элиза обернулась к ней от компьютера. Рейчел, напевая, загружала посудомоечную машину. — Тут пишут, что муравьи не выносят масло перечной мяты. Что ж, это проще простого. Вечером заеду и куплю. — Она закрыла

---

[1] Примечания: 1

Рейчел цитирует песенку «Большие надежды» из кинофильма «Дыра в голове», которую исполнял Фрэнк Синатра. — *Здесь и далее прим. перев.*

сайт и снова стала разбирать входящие письма.

— Идея интересная, только не понимаю, чем нам поможет перечная мята… — Рейчел вытерла кухонную стойку, подошла ближе и остановилась у Элизы за спиной, а мокрую руку положила ей на плечо. — Муравьи, конечно, крошечные, но как им может повредить масло на ножках?.. Или лапках?.. Или что у них там?

— Их отпугнет запах.

— А, ясно, «Большие надежды».

Здравствуймир;

По дороге домой Элиза заскочила в аптеку и купила маленький флакончик масла перечной мяты.

— Как-то жутковато показалось покупать его в супермаркете. Будто мы муравьев угощать им собираемся.

Флакончик Рейчел взяла, а пакет с остальными покупками бросила на стол.

— Я и тебе кое-что купила, — кивнула на пакет Элиза.

Рейчел же продолжила внимательно изучать этикетку на пузырьке, словно рассчитывала прочитать там что-то еще, кроме «Масло мяты перечной». Помедлив с минуту, Элиза отошла к кухонной стойке и налила себе бокал вина. Вооб-

ще-то она вовсе не собиралась покупать по дороге с работы тест на овуляцию, но в аптеке почему-то стала оглядываться по сторонам и прикидывать, какому подарку Рейчел могла бы обрадоваться. «Так вот мы жизненно важные решения и принимаем, — думала она. — Однажды просто берем вместо пены для ванны тест на фертильность». Она покосилась на лежащий на столе пакет. Рейчел уже вытащила розовую коробочку и сидела теперь, откинувшись на спинку стула и выжидательно глядя на Элизу. У той же вдруг возникло ощущение, что ожиданий она не оправдывает.

— Спасибо.

— Это начало, — сдвинув брови, сказала Элиза.

— Да.

В тот вечер они слишком устали, чтобы смазывать плинтусы мятным маслом. Ложась в постель, Рейчел покосилась на пол, а подняв глаза, заметила, что Элиза смотрит на нее.

— Ничего. — Она принужденно улыбнулась.

Элиза мысленно отметила, что это совсем не улыбка Дюшена[2], которую она с интересом изучала. Глаза Рейчел не улыбались. Однако видно было, что она старается.

---

[2] Примечания: 2

Улыбка Дюшена — искренняя, открытая улыбка, когда радость выражают не только губы, но и глаза.

Рейчел взбила подушку.

— Просто пока я засыпаю, мне все время мерещится, что они тут ползают.

— Это нормальная реакция. Стоит нам подумать о вшах, как у нас тут же начинает чесаться голова.

— О вшах? — Рейчел закашлялась. — Разве в наше время они еще бывают?

— У детей бывают. Если заведем ребенка, и у нас они будут. — Элиза отвела руку Рейчел, которой та уже чесала в затылке. — Но сейчас у тебя вшей нет!

— Зато у нас есть муравьи, Элз. Их я не выдумала.

Элиза поднесла руку Рейчел к губам.

— Знаю, милая. — Она по очереди перецеловала пухлые пальчики Рейчел и прикусила ноготь большого.

— Не все дети ужасные.

— Хм-м? — Элиза замерла.

— Так, чепуха. Не останавливайся. — Рейчел прижала ладонь к ее щеке и откинулась на подушки. — Не останавливайся.

Элиза склонилась над ней.

— Я же купила тест, не забыла? И прочла книгу. Давай-ка, закрывай глазки, а я буду целовать

тебя, пока ты не уснешь.

uses crt;

Элиза в ужасе подскочила в постели. Она была в своей комнате, вокруг царила темнота. Рядом Рейчел в остервенении переворачивала подушки.

— Рейчел? Что такое? Что случилось?

— Меня что-то укусило. Мне сон снился: мы были в поле, и солнце так ярко светило, и кругом росла трава. Ты сказала: «Лежи смирно», я послушалась, и тут… — Рейчел подняла свою подушку. — И тут меня укусили.

Элиза силилась дотянуться до выключателя. Сон с нее от крика Рейчел слетел начисто.

— Кто тебя укусил? Трава?

— В глаз.

Лампа, наконец, загорелась, и обе женщины зажмурились.

— Покажи.

Рейчел хватала ртом воздух.

— Это ты виновата. Ты уколола меня травинкой.

Элиза откинула одеяло и почувствовала, как стынет на коже пот.

— Рейчел, это был просто сон.

— Муравей. — Рейчел бросилась к большому

зеркалу, что висело за дверью.

— Тебе приснился кошмар.

— Он заполз мне в глаз.

Элиза села в постели и зевнула.

— Иди сюда, я посмотрю.

Рейчел опустилась на край кровати и развернулась лицом к Элизе. На внутреннем уголке белка виднелась багровая точка.

— Бедняжка моя, ты поцарапалась. — Элиза обвила дрожащую девушку руками.

Но Рейчел не сиделось на месте.

— Сомневаюсь.

Она обошла кровать и потянула на себя одеяло. Вместе они осмотрели смятые, влажные от пота простыни. Никаких муравьев в постели не было.

— Ничего, — сказала Элиза. — Хочешь, антисептик закапаю? Рейчел?

Рейчел опустилась на пол и встала на четвереньки. Половицы в доме были старые, покрытые тонким слоем лака. Как-то они взяли напрокат шлифовальную машину и целых три дня циклевали пол, но он все равно остался неровным, занозистым, со щелями, в которые свободно могла провалиться таблетка аспирина. И Рейчел это было отлично известно.

— Сейчас глубокая ночь. Мне в восемь нужно

быть в лаборатории. Рейч, пожалуйста. Давай утром поищем.

— Не могу я спать. — Рейчел села на холодный пол и подняла глаза на Элизу. Ее волнистые волосы свалялись на висках в тугие спиральки, из покрасневшего глаза катились слезы.

— Ох, милая. Ну что ты, что ты. — Элиза скатилась с кровати и присела на корточки рядом с ней. — Ну-ну, все будет хорошо.

Рейчел подалась вперед, уткнулась лицом ей в шею и зарыдала.

— Нет, не будет. Не будет. У меня глаз болит, мне в голову муравей заполз, а ты считаешь… Ты считаешь, что я не способна вырастить ребенка.

Элиза, отпрянув, заглянула Рейчел в лицо.

— Это еще откуда взялось?

— Сама знаешь, что это правда. Каждый раз, когда речь об этом заходит, ты говоришь, что согласна и что Хэл клевый. Твоя яйцеклетка, моя матка, его сперма — звучит прямо как рецепт какой-то или стихи. Но ничего не происходит. А потом ты вдруг берешь и будто бы невзначай вставляешь что-нибудь про то, как ужасно иметь детей. Вот и сегодня… — торопливо добавила Рейчел, заметив, что у Элизы с языка уже рвутся вопросы. — И сегодня ты не просто так сказала

про вшей.

— О, бога ради! У детей бывают вши. Это не отмазка, чтобы не заводить ребенка. Это просто факт.

— Но ты не потому это сказала. Ты так сказала, поскольку считаешь, что я ни на что не способна; что я ничего не знаю о реальной жизни и о реальном мире. И, может, так оно и есть. — Рейчел выпрямилась и всхлипнула. Плечи ее тряслись, из груди вырывались судорожные рыдания.

Элиза с минуту разглядывала ее. И видела эту расстроенную испуганную женщину словно со стороны. Будто бы не сама сидела рядом с Рейчел на полу их уютной квартиры в три часа ночи, а, пробегая мимо по каким-то очень-очень важным делам, случайно заглянула к ним в окно. За четыре года, которые они провели вместе, ее часто посещало это чувство — что она одновременно здесь и не здесь, рядом и в стороне, как бы на всякий случай. И до сих пор Рейчел все устраивало. Проблема была только в ребенке. Не в Рейчел, взбалмошной, вечно все терявшей и не желавшей строить карьеру. Это для Элизы не имело значения. Рейчел она любила, но боялась, что на ребенка у нее просто не хватит сил.

— Неправда.

Рейчел перевела дух.

— Что неправда?

— Я не считаю, что ты станешь плохой матерью.

— Честно?

Элиза покачала головой.

— Ты станешь отличной матерью. Просто чудесной. Тут скорее на мой счет стоит волноваться.

Рейчел рассмеялась и вытерла мокрые нос и губы.

— Ты! Да тебе все по плечу. Ты бы миром могла править, если б захотела. С такими-то ногами.

Обе они покосились на длинные ноги Элизы, и та, подобрав их под себя, села на пятки. У Рейчел ноги были короче, а кожа на них нежнее. Иногда вечерами Элиза пальцами чертила у нее на бедрах записки. «Невербальная коммуникация», — писала она. Или: «Сенсорное удовольствие».

Теперь они обе стояли на коленях, держась за руки.

— Видок у нас сейчас, наверное, как будто мы какой-то древний свадебный ритуал совершаем, — сказала Рейчел охрипшим от рыданий голосом.

— Точно.

— Мы же это сделаем, правда? Поженимся и

заведем ребенка? Не обязательно в таком порядке. — Каждая морщинка на ее лице сияла в свете лампы.

— Да, моя дорогая.

Они подались друг к другу и стукнулись лбами.

— Кстати, вот так вшами и заражаются. — Элиза боднула Рейчел головой.

— А разве не так? — Рейчел неожиданно толкнула Элизу, повалила на пол и забралась на нее верхом.

— Эй!

Они еще немного полежали на полу. «Вот она, жизнь, — думала Элиза. — Моя жизнь».

— У меня глаз болит.

Элиза так и видела их ближайшее будущее. Рейчел с ребенком в обнимку бьются в истерике на полу. И, кроме нее самой, некому о них позаботиться. Вся ответственность за двух абсолютно неразумных существ ляжет на ее плечи. Но вдруг она не права? Не может же Рейчел и в самом деле считать, что ей в глаз заполз муравей. Но почему тогда она так яростно на этом настаивает? Элиза сделала глубокий вдох, стараясь сохранять спокойствие.

— Давай посмотрю.

Рейчел сама как ребенок. Раз уж у них все равно будут дети, придется завести минимум двоих. Если бы Элиза свою сестру посреди ночи разбудила и принялась донимать баснями про насекомых, та огрела бы ее по голове томом отцовской энциклопедии. Поднявшись на ноги, Элиза оттянула нижнее веко Рейчел и снова заглянула той в глаз.

— Покраснел. Тебе бы завтра врачу показаться.

Рейчел икнула.

— Давай я сегодня посплю на твоей стороне, — предложила Элиза.

Они вернулись в постель, и она выключила свет. Рейчел прижала холодные ступни к ее икрам.

— Спасибо, — сказала она.

— Пожалуйста. А за что?

— За то, что поверила мне. Насчет муравья.

(*Here the main program block starts*)

Элиза накрывала на стол, стараясь не смотреть на маленькую коробочку из аптеки, лежавшую тут со вчерашнего вечера.

— Так что тебе врач сказала про глаз?

— Она меня вообще слушать не стала. Ей ты нравишься.

— Да я только раз ее видела.

— Наверно, как раз поэтому. Меня она считает странной. И пялится. Прямо как тот мужик из магазина теликов и убийств. — Рейчел, вытаращив глаза, продемонстрировала Элизе, что имеет в виду, и стянула из миски салатный лист. — Дала мне какие-то капли и велела заглянуть к ней еще раз, если не пройдет. Хотя я и сказала, что мне уже не больно.

— Прямо как дезинсектор?

— Ага. Как он.

— Но глаз-то она посмотрела?

— Ну так, чуть-чуть. Может, мне лучше к специалисту сходить?

— К специалисту по глазам?

— Ну да, к какому-нибудь глазнику. Или обратиться в больницу, где лечат тропические инфекции. — Казалось, эта идея Рейчел очень приободрила. — Может, у нас такой вид муравьев вообще не известен.

Элиза поставила на стол миску со спагетти и села. В голове крутились воспоминания о вчерашней ночи. Она пообещала Рейчел, что они поженятся и заведут детей. Но совместная жизнь по-прежнему представлялась чем-то неопределенным, вечно маячащим где-то впереди и ускользающим из рук миражом.

— Сомневаюсь, что мы найдем врача, который в таком разбирается.

— Но разве не для этого нужны специалисты? — спросила Рейчел. — Чтобы копать глубже?

— Но зачем, если с глазом уже все в порядке?

— Ну да, на вид в порядке. Но после всего, что случилось…

— А что именно случилось?

— Ты же сама все видела.

Будущее мерцало на столе. Уйма возможностей — стоит только Элизе в них поверить.

— Ладно, ешь. — Элиза разложила пасту по тарелкам и плеснула вина в бокалы. — Давай откроем тест и всласть позабавимся.

— Я и сама хочу. Очень хочу. Всегда хотела. Но мне нужно, чтобы ты была со мной.

— Так я с тобой, — нахмурилась Элиза. — Дождаться не могу. И вообще…

— Не так. Мне нужно, чтобы ты знала то, что знаю я. Чтобы ты в меня верила.

— В каком смысле?

В кончиках пальцев кололо от прилива адреналина. Рейчел не собиралась сдаваться.

— Мне в глаз заполз муравей. И теперь он живет у меня в голове.

— Правда?

Рейчел серьезно посмотрела на нее.

— Да.

— Но это же был просто кошмар.

— Я могу отличить сон от яви. И я почувствовала, как он проник мне в глаз.

— Разве такое вообще возможно?

— Значит, возможно.

Она была твердо в этом уверена. Даже терла глаз предельно аккуратно, легонько проводя кончиком пальца по линии роста ресниц, словно боялась потревожить постояльца.

— Но врач не дала тебе направление к специалисту?

— Она вела себя так же, как в тот раз, когда мы приходили посоветоваться насчет планирования беременности. Не пожелала меня слушать.

— Так что тогда насчет специалиста?

— Да я, наверное, и не хочу к нему идти. Все равно муравей уже там, внутри. — Рейчел убрала руку от лица. — Не хочется, чтобы мне вскрывали череп.

— Никто не станет вскрывать тебе череп.

— Ну раз сделать ничего нельзя, то и к врачу идти незачем.

— Верно.

Рейчел потянулась к ней через стол.

— Мне важно только, чтобы ты мне верила.

Мираж их совместной жизни внезапно приобрел четкие очертания.

— Если ты меня любишь, то поверишь мне, — продолжала Рейчел. — Правда же?

Такая мелочь. Только согласись, прими Рейчел полностью, и отношения тут же перейдут на следующий уровень. Одно слово — а сколько в нем заключено неважного и значительного.

— Да.

Она правда верила. Верила в Рейчел и во все, что получит, если уступит. В будущее. Не обязательно же понимать историю с муравьем буквально, достаточно признать, что он — часть истории Рейчел. Опасное покалывание в пальцах унялось. Бояться больше было нечего. Элиза сделала выбор.

Рейчел моргнула. Потянулась через стол и взяла пакет с тестом.

— Я прямо сейчас его сделаю. Доедай пока. — Она кивнула на тарелку Элизы. — Вернусь через две минуты.

begin

Артур родился только через год с лишним, но для Рейчел и Элизы он начался в тот вечер, пятницу 24 октября 2003 года.

— В ту ночь мы его и сотворили. — Рейчел пальцем постучала себе по голове. — В высшем смысле. Остальное было все равно что поехать за покупками в магазин рукоделия. Ты уже знаешь, чего именно хочешь, остается только приобрести необходимые материалы.

Друзья над этим подсмеивались. Говорили, что с тех пор, как родился ребенок, Рейчел стала куда спокойнее. Материнство открыло в ней самые лучшие стороны.

Рейчел, слыша это, вспыхивала, улыбалась и не вспоминала про муравья. Занятые выбором метода оплодотворения (в итоге остановились на внутриматочной инсеминации), переездом в другой дом (требовалось жилище попросторнее) и оформлением гражданского партнерства (церемония состоялась в Вестминстерском регистрационном бюро, в присутствии 20 гостей, а Рейчел была уже глубоко беременна), они редко говорили о событиях, что повлекли за собой все эти новые обстоятельства. А если речь о них все же заходила, Элиза старалась как можно скорее сменить тему.

И все же к тому времени, как Артуру исполнилось два, его появление в сознаниях обеих его матерей было по-прежнему неразрывно связано

с той ночью. Глядя на цветущих жену и сына, Элиза отчетливо осознавала, что едва не потеряла обоих. Все, что происходило до рождения Артура, казалось теперь смутным далеким прошлым. Она и сама не смогла бы объяснить, почему ей так трудно было поверить в историю Рейчел, но с тех пор произошло столько всего невероятного, что возможность существования муравья уже не казалась дикой. Конечно, она никогда бы не призналась, что муравей спас их обеих, но готова была согласиться, что он стал началом. Теперь она жила по-настоящему. Разница между прошлым и настоящим была примерно такая же, как между тем, чтобы сидеть на краю бассейна и плавать в нем.

— Что сначала вымыть, посуду или Артура? — спросила Рейчел, проходя по гостиной и собирая с пола бумажные тарелки и серпантин. — Боже, зачем только Хэл приволок хлопушки? Как теперь все это выметать?

— По-моему, ему нравится пугать Грега. Каждый раз, когда он их взрывал, тот подпрыгивал едва не на фут.

— Ну Грег хотя бы пришел, уже хорошо. Он ведь на такое не подписывался, — улыбнулась Рейчел.

Женщины на секунду остановились и оглядели разоренную оравой малышей комнату. Полы в новом доме они покрыли зеленым ковролином, чтобы Артур не разбивал коленки, но сейчас его не было видно — кругом вздымались горы оберточной бумаги и шариков. Элиза старалась не вспоминать, сколько кусков торта и пакетиков сока на ее глазах вывалилось из детских ручек.

— Все равно вечеринка получилась отличная. — Рейчел кивнула в сторону кухни, где Артур, сидя на полу, возился с использованными пластиковыми стаканчиками. — По-моему, он был в восторге.

Элиза погладила ее по щеке. После рождения Артура кожа у Рейчел стала нежнее и тоньше. Стриглась она теперь короче, и лицо обрамляли крутые завитки.

— Да, чудесная вечеринка. И все благодаря тебе.

Организацией занималась Рейчел. Собственно, она теперь вообще все делала сама — спокойно и не поднимая лишнего шума. Больше не названивала Элизе на работу, чтобы пожаловаться, что поругалась с матерью или что стиральная машина не желает сливать воду.

— Два года. — Рейчел свободной рукой накрыла

руку Элизы и крепче прижала ее к своему виску. — Вот это мы дали жару.

Элиза забрала у нее тарелки и пошла собирать остальные.

— Иди выкупай Артура. Я приберу.

Но Рейчел все не отнимала рук ото лба.

— Я иногда по-прежнему его чувствую. Как будто он до сих пор там.

Всегда оставалась опасность, что Рейчел будет относиться к этой дате не просто как к годовщине появления на свет их ребенка. В те дни, когда в разговорах вдруг всплывала тема муравья, Элизе приходилось напоминать себе, что для Рейчел он реален. Не просто фантом или метафора, которую самой Элизе легко удавалось списать на разыгравшееся воображение. Она подобрала с пола несколько пакетов из-под чипсов, от души надеясь, что Рейчел не станет продолжать.

— Но ведь этого не может быть. Он не может жить у меня в голове. И все же я его чувствую, — сказала та.

Кровь бросилась Элизе в лицо.

— Знаю, ты не любишь об этом говорить, — не унималась Рейчел. — Но я думаю, что иногда все же стоит. В такие дни.

Как будто эта тема и так не была с ними посто-

янно, не тянулась через их жизнь телеграфной лентой.

— О чем? О чем ты хочешь поговорить? О муравье? — Серпантин и пакеты из-под чипсов посыпались к ногам Элизы. — Я все сделала, Рейчел. Я тебе поверила. Все ради тебя поменяла. Мы ведь с людьми общаемся. Если ты и дальше будешь рассказывать про муравья… все подумают, что ты чокнутая.

— Мам! — В комнату вбежал Артур, по ногам его ползли струйки вылившейся из стаканчиков газировки.

Элиза подхватила его с пола и крепко обняла.

— Все хорошо, малыш.

— Правда? — произнесла Рейчел. — Элиза, пожалуйста. Останься и поговори со мной.

— Ему пора купаться. — Элиза вынесла липкого от газировки сына в коридор, поднялась наверх, посадила его в ванну, полную теплой воды и пены. И все это время лицо Рейчел стояло у нее перед глазами.

Мальчик был так похож на нее. Темные волосы, смуглая кожа и еще кое-что, унаследованное сразу и от Рейчел, и от Хэла, что-то древнее, доисторическое в очертаниях лба и выражении глаз, будто Артур был мифическим героем, восстав-

шим против богов и в наказание обреченным вести жизнь обыкновенного мальчика. Элиза вообще-то в такое не верила, но теперь, после появления ребенка, скептицизма у нее несколько поубавилось. Невозможно было отрицать важность воображения, когда сын ежедневно требовал от нее исследовать его возможности. А ведь была еще и Рейчел, считавшая свою фантазию краеугольным камнем семьи. Их семьи. Элиза провела губкой по крепкой ножке Артура. Что ж, ладно. Если у Рейчел проблемы, если ей нужно поговорить, значит, ее долг ей помочь.

writeln

Парадная дверь в доме доктора Маршалл находилась в торце здания и с улицы была не видна. Посыпанная гравием дорожка вела от ворот к чистенькому крыльцу с двумя звонками, помеченными «Дом» и «Доктор Маршалл».

— Только подумай, как пациентам хочется позвонить в другой. — Рейчел провела пальцами по обеим кнопкам.

— И тебе тоже.

— Просто интересно, что будет.

Дверь распахнулась, навстречу им вышла пожилая женщина в разрисованном турецкими «огурцами» платье с запáхом и взмахнула рукой,

приглашая войти. Рукопожатия доктор Маршалл не жаловала.

Целых полгода они искали психотерапевта, который понравился бы обеим. Сондру Маршалл им посоветовал друг Хэла. Элизу, которую волновала квалификация специалиста, устроило ее академическое образование, а Рейчел, не желавшую бесед «по Фрейду», впечатлил обещанный современный подход. К тому же доктор Маршалл была американкой, что устраивало обеих, так как исключало ее из их системы координат. Сознание терапевта было словно некой нейтральной территорией, где они могли встретиться и все обсудить.

Сегодня они пришли к доктору Маршалл впервые, раньше говорили только по телефону. Войдя в приемную, Элиза осмотрелась, пытаясь найти хоть что-нибудь, что помогло бы ей составить представление о личности женщины, которой она собиралась довериться. Пробежалась взглядом по корешкам книг на полках, развешанным по стенам дипломам в рамках, отметила, что терапевт прошла к самому удобному креслу в комнате и дождалась, пока клиентки займут места напротив. Элиза чувствовала себя так, словно попала в храм чуждой ей религии.

Доктор Маршалл села и оправила подол платья в «огурцах». Выпрямленные волосы доходили ей до подбородка, в V-образном вырезе виднелась мягкая ложбинка между грудей. «За шестьдесят, но хорошо сохранилась», — определила Элиза. Вот так и Рейчел будет стареть, а сама она превратится в костлявое чучело. Ей на мгновение представилось, какими они обе станут в старости. От мысли, что рядом всегда будет уютное тело Рейчел, становилось как-то спокойнее.

— По телефону мы говорили о поворотном пункте в ваших отношениях. — Доктор Маршалл окинула их взглядом. — Появились какие-нибудь новые соображения?

Рейчел ответила первой:

— С тех пор как родился Артур, все изменилось.

— Артур — это ваш сын?

— Да, наш сын. Но хотела его только я.

Доктор Маршалл кивнула.

— Элиза, а вы что можете сказать?

— Я поддержала ее. И я люблю его. Но она права, идея была не моя. Я боялась, что это будет слишком.

— Слишком?

— Да, для Рейчел.

Рейчел откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди.

— Почему вы так думали? — невозмутимо спросила доктор Маршалл.

— Ей приходится практически в одиночку его растить. Я всю неделю на работе и уволиться не могу, — ответила Элиза.

— Так живут множество семей: один из партнеров работает, а другой занимается домом.

— Конечно. К тому же теперь Рейчел стала более уверенной в себе. Вернее, мы обе стали.

— Значит, ваши опасения не оправдались?

— На этот счет — нет. — Элиза покосилась на Рейчел.

— Ну началось, — буркнула та.

— Мы же как раз об этом и хотели поговорить.

— Я так и сказала.

Доктор Маршалл опустила блокнот.

— Вы здесь, чтобы поговорить обо всем, что считаете важным.

— Может, ты начнешь? — предложила Элиза. — Это же для тебя.

— Нет. Не для меня, — Рейчел вскочила. — Это для нас. Для тебя и меня. Ты обещала, а теперь передумала.

— Я за тобой не успеваю. Просто не знаю, чего

еще ждать, — отозвалась Элиза.

— Рейчел, может быть, вы присядете?

— Почему это я во всем виновата? — Рейчел метнулась к большому окну, выходившему в сад. — А если бы с тобой такое случилось? Сама знаешь, я бы тебя выслушала.

Доктор Маршалл покосилась на Элизу и сказала:

— Мы слушаем, Рейчел.

Рейчел прижалась виском к стеклу.

— У меня в голове что-то живет. Оно там уже почти три года. Я пыталась не обращать внимания, но оно не исчезает. Оно там, когда я просыпаюсь, там, когда засыпаю. — Она обернулась к Элизе. — Ты мне поверила.

Элиза разглядывала силуэт жены на фоне окна. Видела ее на расстоянии вытянутой руки, совсем одну, без Артура. И думала: «Если бы только я тогда, много лет назад, решила эту проблему. Объяснила ей, что муравьев, которые могли бы заползти человеку в глаз, не бывает. Или, лучше того, выслушала бы ее и пошла к дезинсектору, наплевав на его норов и его яды. Тогда ничего бы этого не случилось».

— Ты все время его чувствовала? — спросила она.

— Да, почти все время.

— Почему же не говорила?

— А как я могла? — Рейчел шагнула вперед. — Ведь это была часть сделки.

Доктор Маршалл откашлялась.

— Похоже, нам о многом придется побеседовать.

— Ты попросила меня поверить, и я поверила, — сказала Элиза.

— Но ведь на самом деле не поверила, верно? Не поверила?

Ответить Элиза не могла. Она приняла рассказ Рейчел, как принимала ее саму, женщину, которую любила; старалась думать о муравье не как о реальном существе, а как о некой метафоре. Но как объяснить это Рейчел сейчас?

— Зачем мы пришли сюда? — Рейчел посмотрела Элизе прямо в глаза. — Ты должна принять решение. Мы не можем постоянно убегать, переезжать, начинать сначала. Ты должна принять решение.

— Рейчел, — снова указала на кресло доктор Маршалл, — сядьте, пожалуйста.

Рейчел, не сводя глаз с Элизы, подошла и остановилась у подлокотника.

— Вам обеим пришлось адаптироваться к

переменам в вашей жизни, — сказала доктор Маршалл. — Когда появляется ребенок, парам порой приходится пересмотреть свои отношения, свои роли в семье.

— Мы заключили сделку, — ровно произнесла Рейчел. — И я свою часть выполнила.

— Я думала, ты счастлива. Ты и была. До дня рождения Артура.

Доктор Маршалл перевела взгляд с Элизы на Рейчел.

— А что случилось на дне рождения Артура?

— Я сказала правду, — ответила Рейчел. — Только и всего.

— О том, что у вас в голове что-то живет?

Рейчел молча кивнула.

— Вы это услышали, Элиза?

— Я думала, мы с этим покончили.

— Рейчел вам сообщила, что ей кажется, будто у нее в голове что-то живет, и некоторое время вы ей не противоречили. — Доктор Маршалл черкнула что-то в блокноте и снова подняла глаза на женщин. — Что изменилось?

Элиза уставилась на терапевта. Этот вопрос следовало задать Рейчел, у нее лично ничего не изменилось.

— Между нами больше нет доверия, — сказала

Рейчел.

— Я тебе доверяю, Рейчел. Дело не в этом.

— Ты притащила меня сюда, чтобы задурить мне голову. Чтобы меня вылечить. Как мне любить тебя, если ты хочешь, чтобы я была кем-то другим?

Элизу захлестнула паника. Она попыталась было ответить, но слова не шли с языка. Это Рейчел ей не доверяла. Рейчел, которая в любой момент могла сбежать, как сбегает зверь, завидев капкан. Элиза чувствовала на себе взгляд терапевта. Нет, ее кабинет не был храмом, наоборот, он был местом, где вера умирала.

— Я думала, тебе нужна помощь, — пробормотала она.

Рейчел схватилась за голову.

— Она нам нужна, нашей семье.

Доктор Маршалл подалась вперед.

— Рейчел, вы в порядке?

— Да пустяки, — отмахнулась Рейчел. — Муравьиная музыка.

(‘Здравствуй, мир!’);

О диагнозе из больницы сообщили письмом. Супратенториальная глиома.

— Вот как это теперь называется, — сказала Рейчел. — Глиома.

— Тли-у-ма, — повторил за ней Артур.

Элиза протянула ему кусок банана.

— Когда тебе к врачу?

— Завтра, — бросила Рейчел, уставившись в бумаги.

— Так скоро?

— Я им не перезвонила. — А на следующий вопрос Элизы она ответила: — Спешить некуда.

Элиза сосредоточила все свое внимание на Артуре, методично поглощавшем банан. Она училась не слишком остро реагировать на нарочитое спокойствие Рейчел. С тех пор как той поставили диагноз, у них так и повелось: Рейчел обрела невозмутимость фаталиста, Элиза же рвалась помогать и поддерживать. Это выматывало обеих. Элиза обсуждала с доктором Маршалл, как изменить сложившееся распределение ролей, но научиться игнорировать инстинкты было не так-то просто.

— Я схожу с тобой. А Хэл заберет Артура.

— Папа, — сказал Артур.

— Опять меня будут изучать. Эта штука похожа на адронный коллайдер. Суют тебя в трубу, просвечивают насквозь, а найти все равно ничего не могут.

— Знаю, — кивнула Элиза. — Как ты себя чув-

ствуешь?

Рейчел достала Артура из детского стульчика.

— Со мной все в порядке. — Она стукнулась с ним носами. — Верно, эй?

Артур посмотрел на мать и повторил:

— Муравей.

readkey;

Теперь Элиза ходила к Сондре Маршалл одна. Раз в неделю оставляла Артура и Рейчел валяться в обнимку на диване, садилась на велосипед и ехала к дому с дверью в торце. Каждый раз в ожидании, когда терапевт ей откроет, она смотрела на звонок с табличкой «Дом» и думала о Рейчел.

— Как ваши дела? — Доктор Маршалл уселась в свое кресло.

— У Рейчел в понедельник заканчивается химия. Она совсем притихла. Но чувствует себя лучше.

— А вы?

— Я скучаю по ней.

— Как это?

— Она же умирает.

Элиза перевела взгляд на окно на противоположной стене кабинета. И вспомнила, как Рейчел наклонилась к нему, когда они впервые сюда пришли. Прижалась лбом к стеклу.

— И это меняет то, что вы к ней чувствуете?

— Все, что мы делали вместе, теперь в прошлом, — ответила Элиза.

— В каком смысле?

— Ей недолго осталось. Может быть, год. И каждый прожитый день никогда не повторится.

— Разве не у всех так? — кивнула доктор Маршалл.

— Да, но мы больше не можем позволить себе роскошь закрывать на это глаза.

— Думаете, было бы лучше, если бы вы не знали?

Элиза пожала плечами.

— Ведь нет какой-то другой версии Рейчел, которая не ходила бы к врачу или у которой не было бы опухоли.

Терапевт разгладила на коленях подол. Все ее платья были одного фасона, от недели к неделе менялась лишь расцветка. И только то первое, в «огурцах», она никогда больше не надевала. Оставалось гадать, есть ли в этом какой-то подспудный смысл.

— Это то, чего бы вы хотели? Другую Рейчел?

— Я бы хотела, чтобы ничего из этого не случалось.

— То есть вы бы хотели стереть прошлое. Начи-

ная с какого момента?

Элиза отвела глаза. Вопрос был с подвохом, но она знала, как ответить. Она бы начала с того дня, когда Рейчел впервые заговорила о муравьях. Сходила бы к дезинсектору и попросила его их вывести. Как ученый она, конечно, не думала, что это муравей спровоцировал у Рейчел рак. Но если бы он не встал между ними, они были бы свободны.

— Элиза?

И к чему бы это их привело? Неужели сейчас перед ней маячило бы одинокое будущее? Нет, конечно, нет, Артур появился бы на свет в любом случае, вне зависимости от того, случился бы какой-то воображаемый укус насекомого или нет. Элиза потрясла головой, словно мысль о том, что в голове Рейчел живет муравей, что-то сделала и с ее собственной головой. Может, так и было. Не в физическом смысле, конечно, а в ином. В том, где таился ответ на вопрос, как все это взаимосвязано.

— Не важно, — ответила она. — Мне нужно думать о ребенке. О сыне, которому предстоит расти без матери.

— Да, это будет нелегко, — согласилась доктор Маршалл. — Но у него есть вы. А у вас есть Рейчел,

чтобы помочь вам подготовиться. Это как раз то, чем вы можете заняться, — вместе подготовить будущее, которого вы обе для него хотите.

— Но я не хочу жить с призраком, — возразила Элиза. — Мне нужна Рейчел.

— Сейчас Рейчел здесь, — без малейшего промедления произнесла доктор Маршалл. — А что насчет вас?

«Здесь, да не здесь», — подумала Элиза.

end.

В тот вечер Элиза вернулась домой в начале десятого. Рейчел и Артур к тому времени уже спали. Она укрыла ножки сына одеялом и вышла в коридор.

Дверь в спальню была открыта, на ковре лежал луч света от ночника.

Элиза постояла в проеме, глядя, как вздымается и опадает во сне грудь ее жены. Во время беременности Рейчел немного набрала вес, но после он стремительно исчез вместе с волосами. Неизбежные потери. Вторую из них, впрочем, она оплакивала куда горше.

Элиза окинула взглядом ее впалые щеки и бледное лицо, выглядывающее из-под шерстяной шапочки. Химиотерапия не помогла, однако им пообещали период ремиссии, прежде чем рак

снова возьмется за свое. Это значило, что Рейчел ненадолго станет лучше. Как сказал врач: «У вас будет время привести дела в порядок». Но какой мог быть порядок в том, чтобы умереть раньше своих родителей? Раньше, чем вырастет твой ребенок?

Элиза не сказала этого Рейчел. Молча слушала, как та строит планы. Выбрать Артуру школу, подготовить разные мероприятия; Рейчел хотела быть частью их будущего. «Сейчас Рейчел здесь, — сказала доктор Маршалл. — А что насчет вас?»

Она стояла, привалившись к дверному косяку, и смотрела на Рейчел. Та во сне почесала рукой под шапочкой. Может, ей снилось, что муравей бегает у нее в голове? От этой мысли у Элизы перехватило дыхание. С тех пор как Рейчел поставили диагноз, она при каждом взгляде на жену видела муравья. Насекомое стало частью их жизни, движущей силой их отношений, причиной образования их семьи. «Если ты меня любишь, ты мне поверишь», — сказала Рейчел. И Элиза поверила. Через столько лет все же поверила в муравья.

Здравствуй, Мир!

Третий Артуров день рождения они провели в Диснейленде.

Хэла и Грега с собой не взяли.

— Надо было им тоже поехать, — сказала Рейчел. — Артур был бы рад загнать Грега на американские горки.

— Это сюрприз, — напомнила Элиза.

Они покосились на мальчика, разглядывавшего раскинувшийся внизу парк через стеклянную стену лифта.

— Видела, какое у него было лицо, когда мы только приехали и та собака вручила ему подарочный пакетик? — спросила Элиза.

— Плуто.

— Точно.

— Мы с Артуром навели справки.

— Плюсы домашнего обучения. — Элиза взяла Рейчел за руку. — Если устанешь, сразу скажи.

— Как можно устать в самом счастливом месте на земле? — улыбнулась Рейчел.

Они прошлись по парку, освещенному мягкими лучами ноябрьского солнца.

— Всегда нужно приезжать во Францию на его день рождения, — сказала Элиза.

— Да, всегда.

Добравшись до карусели «Чашки», Артур с Элизой встали в очередь, а Рейчел, отойдя в сторону, присела на скамейку. День был будний, занятия

в школах шли вовсю, но народу все равно было много. Очередь кругами огибала ограждение, примерно каждые пять минут сталкивая тебя с одними и теми же людьми.

— А где мамуля? — Ручка Артура сжалась в ладони Элизы, мальчик силился рассмотреть Рейчел за толпой.

— Вон там, ждет нас. — Она махнула в ту сторону, где под навесом кафе виднелась фигурка Рейчел.

Элиза взвалила сына на закорки, повернула вслед за очередью и случайно задела локтем мужчину, двигавшегося в противоположном направлении. Тот отшатнулся.

— Excusez-moi, — по-французски извинилась Элиза.

И, покосившись на мужчину, мельком разглядела его угрюмое лицо. Загорелый, с седой щетиной и блестящими редеющими волосами. Элиза узнала его, узнала, хоть он и не обернулся, — по сердитому норову. Тот самый мужик из конторы по ремонту телевизоров. Каргин, вот его фамилия. И что же мистер Каргин, дезинсектор с Грин-лейн, делал в Диснейленде?

— Мам! — Артур толкнул ее в бок, напоминая, что нужно двигаться.

Чашки остановились, и очередь потекла вперед. Артур улыбнулся женщине за оградой. Они прошли сквозь воротца, Элиза обернулась в поисках Каргина, но тут народ хлынул к карусели, и Артур, вырвавшись, рванул занимать место.

— Синяя! — вопил он на бегу.

Семья, что стояла впереди, заметив, что к синей чашке несется Артур, а за ним по пятам бежит Элиза, повернула к другой.

— Mercі! Спасибо! — крикнула Элиза на ходу, хотя, судя по виду, они были скорее уроженцами Пеории, чем парижанами.

Они с Артуром закрыли дверцу и заняли свои места.

— Смотри, Артур, тут можно вертеть руль, тогда чашка будет крутиться.

Объявили отправление, заиграла музыка. Чашка двинулась по широкой дуге, постепенно набирая обороты. Артур во все глаза смотрел на несущийся вскачь мир.

— Мамуля.

— Она подойдет посмотреть на нас. Крути руль, Артур. Вот так.

Мальчик нерешительно тронул руль, но, почувствовав, что чашка подчиняется, удвоил усилия и навалился на него всем телом. Элиза заметила,

что на лице его проступила ее собственная решительная гримаска.

— Молодец, Артур. А вон и мамуля, смотри.

Чашка развернулась, и Артур с Элизой помахали Рейчел, которая, улыбаясь, стояла у ограды.

— Так быстро!

Рейчел скрылась из поля зрения, и Артур снова занялся рулем. Элиза перевела взгляд на соседнюю чашку и увидела, что в ней в одиночестве кружится дезинсектор. Детей рядом с ним не было. И возле аттракциона его, похоже, никто не ждал.

— Артур, погоди-ка минутку. — Она попыталась остановить чашку, но та все вертелась и вертелась, и вскоре они снова увидели Рейчел — та шла прочь от ограды.

— Еще! — закричал Артур. — Быстрее, быстрее.

Ни Рейчел, ни того мужчины больше не было видно. Элиза опустилась на сиденье и задумалась. Мистер Каргин, их бывший сосед, человек, из-за чьего скверного нрава они не решились обратиться к нему за помощью и вывести насекомых, проводил отпуск там же, где и они. Что бы это значило? Элиза ухватилась за край гигантской голубой чашки, к горлу подкатила тошнота. Да ничего это не значило. Что с ней такое? Поду-

маешь, совпадение. Такому только мать Рейчел значение придает. И все равно рот наполнился слюной, а плечи задрожали, несмотря на то что осень в Париже стояла теплая. Прошло больше четырех лет с той ночи, когда Рейчел в глаз заполз муравей, и вот они тут, отмечают день рождения Артура — и всему положил начало тот случай.

Она взглянула на сына. Мальчик изо всех сил вцепился в руль. Неужели он обязан своей жизнью муравью? Элиза посмотрела на его крошечные порозовевшие от напряжения ручки. Они были связаны навеки — Артур и муравей. Она зажмурилась и тут же увидела его. Муравей теперь жил не только в голове у Рейчел, но и у нее тоже. И у всех остальных, кто был в курсе их истории, подумала она. Стоит лишь рассказать ее кому-то — и ему от муравья уже не избавиться.

Карусель замедлила ход, и Артур закричал:

— Еще!

— Давай попозже. — Элиза толкнула дверцу и, стараясь не потерять равновесия, выбралась наружу. — Меня немного укачало. А тебя нет?

— Мы ездили по кругу. — Они двинулись к выходу, Артура шатало из стороны в сторону. — По кругу, по кругу, по кругу…

— Артур, пожалуйста, хватит. — Она огляну-

лась на соседнюю чашку, но там уже было пусто, мистер Каргин исчез.

— А где мамуля?

Элиза кивнула в сторону скамейки, где они оставили Рейчел. Та сидела, сгорбившись и подпирая кулаком голову. Артур вырвал руку у Элизы и кинулся к ней.

— Мамуля, я вертел нас в чашке!

— Я видела. — Рейчел раскинула руки навстречу сыну. — Ты такой умный.

Мальчик вывернулся из ее объятий, влез с ногами на скамейку и принялся увлеченно наблюдать за жизнью парка. Рейчел перевела дух, заправила отросшие волосы за ухо и улыбнулась Элизе:

— Привет.

— И тебе привет. — Элиза взяла лицо жены в ладони, приподняла подбородок и заглянула ей в глаза. На роговице по-прежнему виднелась появившаяся четыре года назад красная точка, а за белком вдруг мелькнула крошечная тень. Элиза моргнула, и тень исчезла.

Она не отняла рук от лица Рейчел. Так они и сидели. По небу бежали облака, рядом топотал их маленький сын.

— Это не больно, — сказала Рейчел. — Совсем не больно.

2
Переломный момент

Дилемма заключенного

В эксперименте описываются двое узников, заключенных в одиночных камерах. Им предлагают более комфортные условия в обмен на согласие предать друг друга. Было доказано, что в краткосрочной перспективе одному заключенному выгоднее выдать другого, однако если известно, что им предстоит взаимодействовать на протяжении долгого времени, то они достигают большего успеха, действуя в интересах друг друга.

> Если люди отказываются верить в простоту математики, то это только потому, что они не понимают всей сложности жизни.
>
> ***Джон фон Нейман. Из выступления на заседании Ассоциации вычислительной техники в 1947 г.***

I Сотрудничество

Все звали его Ал. Родители были не против. Сами видели, что сын их — мальчик популярный и с каждым может найти общий язык: с ровесниками и стариками, с пацанами и девчонками, с греками, турками и даже британцами. Недоволен был только дедушка. Но Али это не трогало. Просто у baabanne[3] был дурной характер.

— От него и молоко скиснет, — говорила Али мама. — Не обращай внимания.

Али привык относиться к дедушке как к одной из коз, которых ему приходилось пасти, — милый, конечно, но лучше от него держаться подальше. Родители его владели гостевым домом чуть севернее Ларнаки, а заниматься козами поручали детям. До и после уроков Али с сестрой гоняли их по пастбищу, а к вечеру приводили домой. Летом детей еще посылали собирать апельсины или белить стены. А в свободные дни Али хвостом таскался за Костасом. Тот был мастером на все руки, все мог починить — и духовку, и машину, и люстру, и пылесос. Али нравилось наблюдать, как сломанные вещи оживают в его руках при по-

---

[3] Примечания: 3
Baabanne — дедушка *(тур.)*.

мощи обычного мотка провода или банки лака.

Летом, покончив с домашними делами, Али всегда отправлялся с друзьями на пляж. Надевал футболку, натягивал шорты поверх плавок, утаскивал из кухни холодный börek[4] и стремглав бросался к двери, надеясь, что сестра за ним не поспеет.

— И сестру с собой возьми. — Мать словно обладала особым чутьем: в любое время суток точно могла сказать, где находятся ее дети. — Ханифе, ступай с братом.

Это означало, что Али придется подождать, пока сестра соберет сумку.

— Не нужна она тебе, — убеждал он.

— А вот посмотрим.

Али мысленно клялся, что на этот раз ничего у сестры просить не станет. Ведь если бы сумки у нее не было, убеждал он себя, пока они пробирались по ведущей к дюнам горной тропинке, ему из нее ничего бы и не понадобилось. Но уже давая себе эти обещания, он знал, что проиграет. Сестра была права: к вечеру что-нибудь из лежащего в сумке поманит его, и он не выдержит.

Солнце стояло в зените, дети спешили по ка-

---

[4] Примечания: 4

Börek — бурек, вид несладкой выпечки *(тур.)*.

менистой тропке к берегу моря. Али цеплялся пальцами босых ног за края особо гладких булыжников и пригибался к самой траве. Знал, что там, где стрекочут цикады, на змей не напорешься. Когда камни под ногами сменялись песком, Ханифе сбрасывала обувь. Происходило это каждый раз в новом месте. Али подпрыгивал от нетерпения, ожидая, когда же она, наконец, решит, что песка в кожаных сандалиях стало слишком много, остановится и начнет разуваться. Он вообще не понимал, чего ради идти на пляж в туфлях, но спорить с сестрой на эту тему было бесполезно — это только еще больше оттягивало выход из дома. Если он убегал, не дождавшись Ханифе, она потом жаловалась отцу, и Али ждали неприятности. И то, что они были одного возраста — сестра даже на пять минут старше, — не имело никакого значения, все равно он обязан был ее ждать.

— Да хватит скакать, Али. Ступай, не жди меня.

Али не смог бы объяснить, почему ему так трудно стоять спокойно. Задумываясь о своих ощущениях, он мог сказать лишь, что в такие моменты все у него внутри начинает дрожать и ему срочно нужно рвануть куда-нибудь, чтобы не взорваться. Учительница в школе как-то обвяза-

ла ему ноги шарфом, чтобы он не ерзал на уроке.

— Это просто знак, символ, — объяснила она матери, когда та пришла ругаться. — Чтобы он не забывал.

Али до сих пор считал, что символы бывают лишь письменные, вроде иероглифов. Учительница могла бы нарисовать ему шарф — он был бы не против. Впрочем, мама в любом случае считала, что она не права. Али пытался ее расспросить, но она в ответ бросила только, что он для этого класса слишком умный. Однако Али все равно понял, что она имела в виду. Истинный смысл ее слов следовало читать между строк, как всегда со взрослыми.

Мало ему было говорить на трех языках, так еще приходилось гадать, что же именно подразумевали родители. А теперь, когда им с Ханифе сравнялось девять, и с ней стало так же.

— Не жди меня, беги к друзьям.

Али не хотелось бросать сестру одну. Дома ему нравилось играть с ней — печь песочные пирожки во дворе или кататься на ослике, который жил в поле за домом. Эх, если бы только она снова стала такой, как раньше, до того, как появились сандалии и сумка, бежала бы рядом с ним вприпрыжку. Тогда она от него не отставала.

— Abla[5], ну пошли уже, пожалуйста. Давай наперегонки.

В тот день Ханифе в итоге рванула вперед и обогнала его. Он выбежал на пляж на несколько секунд позже нее, и они тут же рухнули в наметенные у дальнего края дюн песчаные сугробы.

— Догоняй, Али, eşek![6] — задыхаясь от смеха, кричала Ханифе. — Скорей, скорей, мой ослик.

В бухте, широким полумесяцем огибавшей прозрачное море, уже собралось несколько десятков девчонок и мальчишек. Этот пляж они называли Kalos[7] — он и в самом деле был очень хорош, особенно в начале лета, пока не понаехали туристы, и вся бухта принадлежала им. Своих друзей Али увидел у самой воды — те гоняли мячик в прибрежных волнах. Рядом, пытаясь остановить их, метался мальчишка по имени Деймон — мелкий, тощий, этакий siska[8]. Мяч был его.

— Все нормально, eşek. Иди займись Деймо-

---

[5] Примечания: 5
Abla — сестра *(тур.)*.

[6] Примечания: 6
Eşek — осел *(тур.)*.

[7] Примечания: 7
Kalos — хороший, красивый *(гр.)*.

[8] Примечания: 8
Siska — слабый, тощий *(тур.)*.

ном. — Ханифе села и принялась вычесывать песок из волос. Али вдруг показалось, что она унеслась от него далеко-далеко — не дотянешься, как ни старайся.

Он вынул из кармана бурек и разломил пополам.

Ханифе, даже не взглянув на пирожок, вытащила из сумки бумажную салфетку и протянула брату:

— Обмахни. Не обязательно, чтоб песок на зубах скрипел, Ал.

Али вытер бурек и в три укуса одолел свою половину. Она и правда похрустывала на зубах, но он уже к этому привык. Летом песка во рту всегда было полно. Он улыбнулся Ханифе и проглотил последний кусок.

— Iğğ![9] Мерзость какая, — отпихнула его Ханифе.

Али пожал плечами, встал и принялся за вторую половину. Друзья призывно махали руками из воды. Он обернулся к сестре.

— Я вон там буду, с Селеной. — Она указала подбородком на дальний край бухты. — Увидимся.

В той части пляжа всегда собирались девчонки,

---

[9] Примечания: 9
Iğğ — фу *(тур.)*.

валялись на берегу, время от времени залезая в воду, чтобы не перегреться. А на другом краю бухты, покуривая, грелись на солнышке ребята постарше, которым пока не нужно было ходить на работу. Изредка они вставали и принимались вышагивать по мокрому песку, демонстрируя девочкам свои только начавшие формироваться мышцы. Центральная же часть бухты принадлежала банде Али.

Он показал сестре язык и побежал прочь, с каждым шагом все сильнее забывая, что долг велит ему о ней заботиться.

— Ал! Ал! Ал! — кричали ребята, раз за разом уводя мячик у Деймона из-под носа. — Становись в ворота!

Воротами для них служил весь пляж, а Деймон все силился вытащить мяч из воды. Али дружил с Деймоном, но, честное слово, лучше бы тот вообще не брал мяч на пляж, раз так за него боялся. Чем сильнее Деймон над ним трясся, тем отчаяннее мальчишки его дразнили. Обычно им приходилось играть надувными мячиками, забытыми на пляже кем-нибудь из туристов, или сбитой в комок и перевязанной веревкой одеждой. И этот сшитый из восемнадцати полос превосходной кожи красавец, подаренный

Деймону отцом на десятый день рождения, безусловно, привел бы всю банду в восторг, если бы хозяин так над ним не дрожал. Оказалось, что гонять Деймона по пляжу туда-сюда куда веселее, чем играть в футбол «его мячом» и «по его правилам».

Али отбил мяч обратно в воду — в сторону Деймона — и принялся стягивать футболку и шорты.

— Эй, Стелла, будь паинькой! — Крепкий мальчишка по имени Андрас, обхватив себя руками за плечи, изобразил киношный поцелуй. В то лето самой популярной греческой актрисой считалась Мелина Меркури, и весь остров пестрел ее снимками в роли злополучной Стеллы. Фильма никто из ребят не видел, но все знали, что Стелла вышла замуж за футболиста.

Деймон и шевельнуться не успел, как Николай вытянул ногу из воды и пинком отправил мяч дальше в море. Компания бросилась следом, с каждым ударом отгоняя мяч все дальше от берега, Али же прошлепал по воде к Деймону.

— Им скоро надоест. — Он положил руку другу на плечо. — Пускай поиграют.

Деймон покачал головой.

— Смотри! — За головами резвящихся в воде мальчишек виднелся покачивающийся на вол-

нах коричневый шар. — Отец меня убьет.

Пару недель назад Деймон, взбираясь на дерево, сорвался, полетел вниз и зацепился шортами за ветку. Висел над землей и ревел, не решаясь перерезать перочинным ножом петлю для ремня. Али тогда отломил ветку и освободил рыдавшего друга. Остальные же только смеялись над ним и потом долго еще не желали брать в игру.

— Он малыш, пусть играет с nepioi[10], — говорил Андрас.

— У него родители слишком строгие.

Али не знал, правда ли это, но вообще было похоже. С чего бы иначе Деймону так бояться, что они скажут? Родители самого Али всегда были слишком заняты, чтобы переживать о его одежде и игрушках. Его могли шлепнуть за хамство, наорать, чтобы побыстрее заканчивал свои дела и помог сестре, но в остальном он оставался совершенно свободен. В то, что родители-греки могут быть строже турок, как-то не верилось. И у одних, и у других были свои странности — вот и все. И все же Деймон был из тех друзей, за которых вечно приходилось вступаться.

— Дайте ему еще один шанс.

---

[10] Примечания: 10
Nepioi — дитя, ребенок *(гр.)*.

Ребята Деймона простили, а после того, как тот получил на день рождения футбольный мяч, даже перестали дразнить его, называя klápse moró[11] всякий раз, когда он им надоедал. Али, однако, подозревал, что от мяча будут неприятности, и уговаривал Деймона оставить его дома, но устоять перед шансом приобрести хоть немного власти над приятелями непопулярный мальчишка не смог.

— Ал, пожалуйста. Останови их.

Бросив взгляд на тощего Деймона, который, теперь, когда начался отлив, весь дрожа, топтался на обмелевшей прибрежной полосе, Али кинулся в воду и поплыл за мячом. Плавал он лучше всех в компании, но забираться на глубину детям не разрешали. Позапрошлым летом одного постояльца родителей Али унесло в море. Береговой охраны на пляже не было, взрослых обычно тоже, только иногда сюда выходили прогуляться старики из расположенной неподалеку деревни. Когда с берега заметили, что отдыхающий попал в беду, было уже поздно. Тела его так и не нашли. Несчастный случай списали на незнание гостем особенностей местных течений. Однако в школе

---

[11] Примечания: 11
Klápse moró — плакса-вакса *(гр.)*.

детям еще долго твердили о том, какая опасность подстерегает их совсем рядом.

Стоило Али отплыть чуть дальше от берега, туда, где вода сменяла нежнейший рассветно-голубой оттенок на чернильно-синий цвет дедушкиного жилета, как течение усилилось. Он прокатился на нескольких больших волнах, чувствуя, как они утягивают его назад и вниз. За волнорезом море лежало ровной гладью, и лишь покачивание кожаного шара на его поверхности выдавало, что глубоко внизу бушует течение. Али прищурился, стараясь оценить расстояние, отделявшее его от мяча. За спиной грохотали волны, гомонили оставшиеся у берега мальчишки. Он отплыл уже очень далеко, приближался к выходу из бухты, но стоило ему подобраться ближе, как мяч вынесло в открытое море. Али решил попробовать нырнуть, доплыть до мяча под водой и вынырнуть чуть в стороне, чтобы толчком нечаянно не отбросить его еще дальше.

Под водой видны были только мелькавшие у лица руки. Глаза щипало, в горле пекло от соленой воды. Али взял чуть правее мяча, решив, что вложит в рывок все оставшиеся силы. Сглотнув, он резко ударил ногами и выпрыгнул из воды. Али удалось коснуться мяча лишь кончиками

пальцев, тот отскочил в сторону, но он извернулся, ухватился руками за ступни и поймал мяч в образованный собственным телом маленький бассейн. Задыхаясь, он дотянулся до своего плавучего сокровища и повис на нем всем телом.

Мяч мягко покачивался у него под животом. Али вдруг вспомнил тот день, когда дядя возил его на своей машине в бани в Никосию. Привычный к костлявой спине ослика Гри, на обратном пути он разнежился на мягком сиденье дядиного «Мерседеса» и уснул, пропустив запланированную экскурсию по ночному острову.

— Боец из него никудышный, — сказал после amca[12]. — Остается надеяться, что его не призовут.

Слова эти крепко задели Али, показались одновременно и несправедливыми, и очень обидными. Дяде будто каким-то образом удалось раскопать тщательно скрываемый ото всех секрет Али. Становиться солдатом он не собирался, но хотел быть смелым и надежным. И знал, что однажды сможет принести людям пользу. Он всегда испытывал удовлетворение, когда удавалось помочь Костасу что-нибудь починить, и тот

---

[12] Примечания: 12
Amca — дядя (тур.).

хвалил его, говорил, у него отлично получается. Неужели дядя как-то прознал про его страшную тайну? Про то, как он прятался от Аполлона, который учился на класс старше, чтобы тот не отнял у него завтрак? Целую неделю Али ел в одиночестве, а потом ему это надоело, и он предал свои любимые пирожки с мясом. Зная, что овощи Аполлон ненавидит, стал просить маму давать ему с собой только буреки с цветной капустой. Али и сам ее недолюбливал, зато Аполлон сразу оставил его в покое, как и других мальчишек, тоже резко заделавшихся вегетарианцами. Получается, в тот раз он струсил?

Глаз Али не открывал, вокруг колыхалась морская вода. Он знал, что его уносит все дальше от берега. Но ведь с Аполлоном проблему он однажды решил, значит, сможет разобраться и с этой. Дядя ошибся, из него бы вышел хороший солдат. Ему, конечно, неизвестно было, сколько раз по ночам Али писал из окна своей комнаты, боясь выходить во двор, потому что как-то видел там скорпиона. Но ведь это было разумно. Кто захочет, чтобы его ужалил скорпион или укусил паук? Однако Али понимал, что со стороны такое выглядит как трусость. Быть смелым означало не бояться рисковать, и Али решил, что отныне

перестанет быть осторожным.

Над головой завыл военный самолет, летящий в Никосию. Раньше мальчишки всегда грозили им кулаками, но с недавних пор к самолетам присоединились вертолеты, и военная техника стала мелькать в небе слишком часто, чтобы тратить на нее время. Али обернулся посмотреть, чем заняты его друзья. По ту сторону волнореза остался лишь Андрас, остальные лепили что-то из песка на берегу. Али огляделся по сторонам.

От бухты его отнесло далеко, отсюда хорошо виден был горный кряж, обрамлявший его любимый пляж. Вдалеке слева белел пассажирский лайнер — наверное, шел в порт Ларнаки. Али еще никогда не отплывал так далеко от берега. Правда, как-то раз он на спор добрался до одной из пещер на южной стороне залива, чтобы добыть морскую звезду. Но уступ, по которому он надеялся залезть в горную расселину, оказался слишком высоким и крутым. Нелегко было без отдыха плыть обратно.

— В следующий раз попробую с другой стороны. Или дождусь прилива, — объявил он, вернувшись к ребятам. Но больше добраться до пещеры не пытался. Не хотел снова пережить то, что испытал на обратном пути — тошнотворный ужас,

охвативший его, когда вдруг почудилось, что он все гребет и гребет, не двигаясь с места. Вся суть этой выходки была в том, чтобы друзья признали его бесстрашным. Вот почему сейчас они просто смотрели на него с берега и не думали бить тревогу. Все знали, что Али отличный пловец.

Конечно, он помнил про приливы и отливы. «Мягкие средиземноморские приливы и отливы», как было написано в школьном учебнике. У каждой здешней бухточки имелся свой характер, на каждом пляже подстерегали свои опасности. И Калос не был исключением. Али заработал ногами, начиная двигаться к берегу, и тут же почувствовал, как болезненно отозвались икроножные мышцы. Впереди вздымалась и покачивалась пронизанная полуденным солнцем масса воды. В это время суток опасно было заплывать далеко. А пока он отдыхал, его отнесло еще дальше.

Теперь, когда в руках был мяч, грести Али мог только ногами. Он оттолкнулся и сильнее перегнулся через мяч, чтобы освободить руки. Но, подаваясь вперед слишком сильно, он сразу же терял равновесие, а когда сползал назад, руки переставали доставать до воды. Тогда Али сунул мяч под мышку и погреб к берегу второй рукой.

Теперь, когда на грудь ничего не давило, дышать стало легче, зато трудно стало сохранить равновесие и развить хорошую скорость. Несколько раз он швырял мяч вперед и догонял его, но к четвертому броску руки сделались тяжелыми как камни, и мяч отлетел лишь на пару метров. А с каждой остановкой Али относило назад.

Он сильно обгорел, глаза щипало от соли, но он продолжал рваться вперед. Там, на мелководье, виднелось теперь больше стоящих людей. Он видел их словно сквозь стекло, водный мир лежал по одну его сторону, а мир земли и воздуха — по другую. Как же они сейчас были нужны ему, хватило бы и одного человека, чтобы помочь. Заметят ли его с берега? Услышат ли, если он позовет на помощь? Кто откликнется на его зов? Уж точно не заносчивые старшие ребята с умащенными маслом волосами. Уж точно не девчонки — те боялись ослушаться родителей, хотя и могли бы его спасти. Кто из друзей осмелился бы рискнуть? У Али засосало под ложечкой, он понял, что время на исходе. Если он продолжит цепляться за свой трофей, то до берега уже не доберется.

Он стал толкать мяч вперед головой. Оставалось только добраться до более спокойных вод бухты, но плечи уже сводило. В голове навязчиво

замаячила мысль, что можно бы уцепиться за мяч и поспать немного. Али знал, что так делать нельзя, но все равно думал о том, что сон помог бы восстановить силы. Устав толкать мяч лбом, он перевернулся на спину и зажал его под подбородком. Так и лежал, восполняя запас энергии, пока не заболела шея. Мяч скатился с груди, и Али поймал его в воде. Нужно бы его бросить. Без мяча у него еще оставался шанс добраться до берега. Али повернул голову, пытаясь разглядеть, не спешит ли кто ему на помощь, но дрожащие на воде белые блики слепили глаза. И все же бросать мяч было нельзя. Он представлял, как стыдно ему будет, что он потерпел неудачу и заставил кого-то прийти ему на помощь, как разочарованно взглянет на него Деймон, как станут куражиться друзья. Ну нет, он — смельчак Али. А дядя ошибся.

Мальчик снова перевернулся на живот и, крепко держась за мяч, забил ногами. Жмурился, чтобы не так щипало глаза. Старался дышать через нос. Горло драло, страшно хотелось пить. Тело словно все изломали. Али подумал о Ханифе, наверняка сидевшей сейчас где-то на пляже и болтавшей с подружками. Заметит ли она, что с ним стряслась беда? Мама бы точно поняла,

где бы ни находилась. Звал ли он на помощь? Махал ли руками? Тот, кто решился бы броситься к нему, сам рисковал утонуть. Но если никто не сделает этого, все просто будут смотреть с берега, как он умирает. Али слишком устал, сил осталось лишь на то, чтобы снова, снова и снова двигать ногами. Он должен решить эту задачу и добраться до дома!

Плыть быстро с мячом в руках не получалось, бросить его тоже было нельзя. Окажись у него веревка, можно было бы обвязать мяч и волочь за собой. Впрочем, мяч все равно тянул бы Али назад. Вот что: нужно выпустить из мяча воздух. Только как?

Мячи надувают и спускают специальным насосом. У Али был велосипедный, он тоже сгодился бы. Но сейчас насос лежал в ведре с гаечными ключами и другими инструментами Костаса, а ведро стояло в сарае за домом. Будь здесь Костас, он придумал бы, как сдуть мячик без всякой иглы. Ведь Костас умел соединять оборванные электрические провода, замазывать клейстером щели в стенах, латать сеном прорехи в черепичных крышах. Али раз видел, как он взрезал живот беременной козе, достал детенышей, а затем зашил разрез, использовав вместо нити кусок козьих

кишок. И час спустя коза встала на ноги. С тех пор Али считал, что на свете нет ничего невозможного. Он попытался восстановить в памяти это чувство. Подумал о финишах и пьедесталах, о солдатах и полковниках. Ведь он Каргин. Он может добиться всего, чего хочет, стать тем, кем мечтает.

По ступне и руке скользнуло что-то мягкое. Али резко дернул ногами. Это рыба. Просто рыба, снова и снова повторял он себе. Где он? Кажется, задремал на секунду. Берег снова отступил, его опять отнесло прочь из бухты. Этот мяч убьет его. Нужно спасать свою жизнь, пока не поздно. Али соскользнул со своей плавучей тюрьмы и погрузился в воду. Дыхание он восстановил, но тело отказывалось держаться на поверхности. Распростершаяся под ним бездна тянула вниз, Али тщетно силился высунуть голову и глотнуть воздуха. И вдруг ногу его что-то схватило, вокруг шеи обвилась чья-то рука. Собрав последние силы, он врезал призраку.

— Ой! Али! Прекрати. Это же я. Хватит, не то мы оба утонем.

Уши Али был залиты водой. И ничего, кроме плеска и звука собственных ударов, он не слышал. Зато видел. Рядом с ним, одной рукой удерживая

мяч, а вторую выставив вперед, не то пытаясь защититься, не то увещевая его, плыл Деймон.

В первые минуты Али не мог понять, что происходит. Деймон сюда никак не вписывался. Это было все равно что увидеть учителя в баре или мать на ветке дерева. Может, он все еще спал? Или уже умер? Он перестал отбиваться и позволил Деймону удерживать его голову над водой. В плечо уперся Деймонов перочинный нож.

— Медуза, — сказал его друг. — Отдышись, а потом поплывем назад.

Никакой лодки поблизости не было. Как же Деймон сюда попал? И как они доберутся до берега? Ноги у Али стали слабенькие, как у новорожденного. И руками он едва двигал. А Деймон держал мяч. Теперь они оба утонут.

— Али, ты должен расслабиться. Не мешай мне грести.

Обвив его торс одной рукой, а во второй зажав мяч, Деймон попробовал было плыть к берегу. Но с места они не сдвинулись.

— Мяч. — Али попытался забрать его и тут же снова ушел под воду. Кашляя, он повис на нем, прижимаясь к Деймону. — Нужно… бросить его.

Мальчики повернулись к далекому берегу. В их сторону уже смотрело несколько человек, но

все равно они были еще слишком далеко. Али совсем обессилел, и Деймону трудно было его удерживать, ведь мяч постоянно выскальзывал из-под мышки.

— Давай же! — Али выпустил мяч и ухватился за Деймона. Мячик запрыгал по воде. Оба они уставились на него, завлекшего их так далеко в море и сделавшего все, чтобы они остались тут навсегда.

— Подожди. — Деймон, одной рукой держась за Али, другой поудобнее перехватил нож. А затем в одно движение добрался до мяча и с силой проткнул лезвием кожу. — Вот, возьми. — Он подтолкнул к Али мяч, теперь сложившийся в форме полумесяца. — Держи его.

И мальчики двинулись в долгий обратный путь.

* * *

Свою шаферскую речь Деймон подготовил очень тщательно. Это неправда, сказал он, будто много лет назад, там, на родине, он спас Али жизнь. На самом деле все было наоборот — это Али его спас. Он и без него наверняка придумал бы, как добраться до берега. И с медузой бы справился, хотя, надо признать, опасность была

велика.

— Ал всегда умел решать проблемы, знал, как выпутаться из неприятностей. Если у меня когда и были сомнения на этот счет, во время *раскола* они окончательно рассеялись.

Услышав упоминание о разделе острова, гости-турки со стороны Али и греки со стороны Селены согласно закивали.

— Если бы в те времена, когда мы были paidiá[13], Али не научил меня быть смелым, я бы здесь просто пропал. — Деймон кивнул на лежащую за окном улицу и взмахнул рукой, словно желая охватить и парк, и весь Северный Лондон. — Он вступался за меня, когда другие поворачивались ко мне спиной. Взбирался на деревья, чтобы не дать мне упасть. Ал — первый человек, к которому я прихожу с любым вопросом, и последний, с кем мне хотелось бы расстаться. Дорогая Селена! — Деймон поднял бокал. — Ты сделала отличный, мудрый выбор. Живите долго, любите друг друга. И пускай тебе никогда не придется выбирать между своим лучшим другом и футбольным мячом. Sağlığınıza![14]

---

[13] Примечания: 13
Paidiá — дети *(гр.)*.

[14] Примечания: 14
Sağlığınıza — ваше здоровье *(тур.)*.

II Предательство

Болтавшегося на спасенном мяче Али уносило все дальше в море. Он подумал об оставшейся на пляже Ханифе. О том, как нетерпелив был с ней по утрам, все рвался бросить ее и умчаться вперед. Теперь его ноги больше не зудели от нетерпения. Постоять бы с ней рядом еще разок, ощутить песок между пальцами босых ступней, и пусть хоть до скончания веков расстегивает свои сандалии.

Времени не осталось. Он посмотрел в сторону берега. И увидел на пляже группку людей — разглядеть их отсюда было невозможно, но видно было, что стоят они рядом. По его сторону волнореза не было никого.

Али соскользнул с мяча и ушел под воду, мышцы слишком устали, чтобы удерживать его на поверхности. Перед глазами мелькнула струя воды — нет, не струя, это было щупальце, прозрачное щупальце. Он рванулся в сторону. Медуза проплыла мимо. По плечу проехался мяч. Али не стал за него хвататься. Раз тут есть одна медуза, значит, есть и другие. Если его сейчас обожгут, он рухнет на дно океана так же быстро, как Деймон рухнул на землю, когда зацепился петелькой для

ремня за ветку дерева. Вместо того чтобы перерезать ее, этот siska стал пытаться вывернуться и потерял равновесие. Деймон не был солдатом, но сломанная рука не шла ни в какое сравнение с тем, что сейчас ждало Али.

Настал момент, о котором говорил его дядя. Али призвали, прямо сейчас, из глубин Средиземного моря. Он мог собрать оставшиеся силы и поплыть к берегу. А мог просто сдаться. Тело его никогда не найдут, но мама все равно будет знать, где он. И до конца своих дней станет думать о том, как он лежит на дне моря. А Ханифе навсегда останется близняшкой без близнеца.

Али никогда еще не доводилось такого переживать. Ему было всего девять. Ближе к смерти он находился лишь в момент рождения. Конечно, ему и раньше случалось бояться — но не за свою жизнь. До сих пор главными его врагами были кишащие в саду существа, однако даже они не собирались его убивать. И Аполлон со своими прихвостнями тоже не грозил ему смертью. Но здесь, в открытом море, он действительно мог умереть, а на помощь ему никто не спешил. Ведь никто же не бросился спасать того человека в лодке, хотя все и видели, как его уносило все дальше.

Али запрокинул голову к ослепительному небу, набрал в грудь побольше воздуха и приказал рукам и ногам двигаться.

* * *

— Казалось, это длилось вечность, — сказал Али на превосходном английском. — Время будто остановилось. А потом меня волнами выкинуло на берег, я словно заново родился.

— Ваши друзья, должно быть, очень испугались, — нахмурилась молодая женщина. Она все еще верила в лучшее в людях.

— Ц-ц. Их волновал только мяч. В общем… — Он посмотрел на море, силясь вспомнить, чего ради вообще затеял этот неловкий разговор. — Вы, пожалуйста, будьте поосторожнее, не забывайте о течении. Этот наш пляж Калос — с виду он спокойный, но может сыграть с вами злую шутку.

Оба опустили глаза на ласковый прибой, что вымывал из-под ступней песок, а затем окатывал их водой. Народу в бухте почти не было — дети еще в школе, родители на работе. Али не часто приводил туристов на этот пляж, на свой пляж.

— А кажется, тут прямо как в ванне, на грозную стихию совсем не похоже, — сказала она. — Но в любом случае спасибо. За предупреждение.

Она улыбнулась, и Али решил, что это намек: ему пора. Сезон только начался, Селена и Костас вот-вот должны начать подавать обед в гостевом доме.

— Вас Али зовут, верно? — Она протянула ему руку. — А я Элизабет. Вы торопитесь?

На вид она была ненамного старше его. Может, на пару лет. Приехала сюда пару дней назад, одна, и до сегодняшнего утра из номера не выходила. А тут вдруг в соломенной шляпе спустилась к завтраку на террасу и спросила, как пройти на пляж.

— Справьтесь у Али, — посоветовала Селена. — Он у нас пловец.

Похоже, ему о том позорном поражении до самого путешествия к звездам забыть не дадут. Покосившись на Селену, Али пожал плечами, но все же предложил проводить англичанку на пляж, если она согласится подождать его пару часов. Туристические агентства твердили про «индивидуальный подход» и «лояльность к клиентам», но Али помогал лишь тем, кому хотелось помочь. Женщина согласилась подождать, и пускай Али никогда бы в этом не признался, но в то утро он старался покончить с делами поскорее.

Летом в доме особенно некому было работать.

Оставались лишь Селена и Костас, Али с отцом да девчонка, что приходила для них стирать. Ханифе переехала в Лондон и устроилась там на работу в редакцию турецкой газеты, располагавшуюся неподалеку от Финсбери-парка. Она сбежала с острова при первой же подвернувшейся возможности, сказала, что это место убило ее мать, а теперь убивает и ее. Вообще-то их мать убила опухоль мозга, Али не совсем понимал, какая тут связь с местом жительства, но Ханифе ничего не желала слушать.

— Я больше не хочу быть тем, кого захватывают, — сказала она. — Я сама хочу стать захватчиком.

В общем, в Англию она уехала, чтобы поквитаться с островом. Али не спрашивал, удалось ли ей завоевать Британию, но, похоже, жизнью в Северном Лондоне она была вполне довольна. Гостевой дом — теперь уже скорее отель — она бросила на отца и брата, но все уговаривала Али подумать о будущем. На остров она приезжала раз в год, а еще как-то прилетала на свадьбу Селены и Костаса. Помнится, во время торжества она подошла к Али и взяла его руки в свои.

— Не мучай себя, Али, eşek. Бог с ними, начни новую жизнь.

Селена на его глазах поклялась любить другого, а он ничего не сказал. Али казалось, что жизни в нем осталось совсем немного.

Все силы он бросил на то, чтобы привести дом в порядок — поменять сантехнику, вывести пауков, скорпионов и змей, избавиться от муравьев в кухне и плавающих в раковинах чешуйниц. И вскоре обнаружил, что ему отлично удается перехитрить изворотливых вредителей, с которыми в других, менее добропорядочных заведениях не было никакого сладу. В маленькую гостиницу теперь со всей Европы слетались туристы, желающие изучить «настоящий, реальный» остров, а не его туристическую версию. Эти самые местные реалии, как уяснил Али, заключались для них в личной ванной с горячей водой и завтраке, который подавали под оплетенным виноградными лозами навесом, — да еще чтобы за все это брали вдвое меньше, чем в больших отелях. Задумай гости наведаться в сельскую местность, «реальность» шокировала бы их до мозга костей. Али решил, что в следующий раз, когда очередной хиппи в футболке-варенке начнет жаловаться на скудость винной карты, он предложит организовать ему такое развлечение.

Но эта англичанка, Элизабет, была не похожа

ни на хиппи, ни на капризулю. Они отошли от кромки воды к дюнам, тут она расстелила полотенце, распаковала сумку и теперь, облаченная в аккуратное черное бикини, лежала на животе с книгой в руках. По дороге они поболтали о природе и истории острова. Али неожиданно обнаружил, что ему с ней на удивление легко, потому и предупредил гостью об опасном течении — скорее из личной симпатии, чем из чувства профессионального долга. Он искоса взглянул на нее. Очень хороша собой — пышные формы, нежная кожа, темные кудри до плеч. И вдруг задумался, какой окажется на ощупь ее спина, если он проведет пальцем вдоль позвоночника.

— Побудете со мной немного? — Она взглянула на него, приставив ладонь козырьком к глазам. — Или мне придется весь день читать тут наедине с собой?

— Вам не нравится книга?

— Нет, книга хороша, а вот компания так себе.

Раздумывая, что бы это могло значить, Али опустился на песок рядом с ней.

— Не любите быть одна?

— Не очень, — сдвинула брови она. — Хотя я сюда как раз для этого и приехала.

— Вы решили… прожить жизнь в одиноче-

стве? — На память пришли монахини из монастыря Святого Мины.

— О! — рассмеялась она. — Как раз наоборот. Но у моей матери пунктик, что нужно быть независимой, а я не очень-то ему соответствую, вот, наверное, и пришла пора научиться.

— Похоже, у вашей мамы очень современные взгляды.

— Полагаю, да. Но сама она своим убеждениям не следует. Вот-вот выскочит замуж в третий раз. Извините. — Элизабет прикрыла рот рукой. — Вы, наверное, очень религиозны?

— Вовсе нет. У моей матери тоже были современные взгляды, хотя и не такие, как у вашей, так что нас в религиозной традиции не воспитывали.

— А я думала, тут все религиозны. У вас здесь столько красивых церквей.

— Это да, но я-то не грек, а турок.

— О, я поняла.

Али кивнул. Разумеется, ничего она не поняла, но как ей было объяснить? С чего начать? С того дня, когда он спросил родителей, почему должен ходить в воскресную школу, а они велели ему не нарываться? Или с того, как все мальчишки, которых он считал друзьями, встали на сторо-

ну Деймона, а от него отвернулись? Обвинили его в том, что он позволил тощему греческому парнишке свалиться с дерева, а потом украл его футбольный мяч и утопил в море? С тех пор он перестал быть Алом, стал Али, и понял, что имела в виду мать, когда говорила об учительнице, обвязывавшей его ноги шарфом. Он был иным. Но нет, религиозным он не был, как не был и греком.

— Все нормально, — сказал он Элизабет. — Тут на острове все сложно. Но скоро это изменится.

Она взглянула на него — просто, открыто. И впервые с тех пор, как смирился с тем, что Селена его не любит, Али ощутил надежду, разгорающуюся внутри. Так бывает, когда вдруг понимаешь, что ты кому-то нравишься.

— Значит, — спросил он, — вы намерены стать независимой женщиной, как ваша мать?

Элизабет вздохнула.

— Ну почти. Надеюсь только, что обойдусь одним мужем. — Она продемонстрировала ему левую руку, на безымянном пальце ярко выделялся ободок более светлой кожи. — Он художник. Через месяц у нас свадьба.

Надежда угасла так же быстро, как и вспыхнула.

— Вы уже успели загореть, — сказал он. — Это

ваш второй отпуск?

— А? Ах да. — Она, казалось, опешила. — Я больше не могла, мне просто необходимо было от них удрать. Ну от матери, ее жениха, моего жениха. Мы отдыхали во Франции, в отеле, где всегда останавливались в дни моей юности. Более ранней юности. — Она поиграла бровями. — Знаете, такой весь шикарный, с шезлонгами и коктейлями у бассейна. И мне вдруг показалось, что все предопределено. И изменить уже ничего нельзя, да и вообще никогда ничего не изменится. Захотелось убедиться, что я правда делаю выбор.

Они посмотрели на сверкающее море.

— Просто выбор? — уточнил он. — Не обязательно правильный выбор?

— Ну это стало бы приятным бонусом.

Она достала из сумки две бутылки апельсиновой газировки и протянула одну Али.

— Решение вроде бы разумное. — Она сковырнула с бутылки металлическую крышку и, очевидно, поранив большой палец, сжала руку в кулак. — В смысле, вот мы с Николасом поженимся, встанем на ноги, заведем детей — лучше бы мальчика и девочку, — и жизнь будет продолжаться. А мы займем свое место в мире…

— Но?..

— Вот именно. Но.

Прихлебывая газировку, он смотрел, как она погружает руку в чистый белый песок.

— Значит, вы сняли кольцо и сбежали. Если бы вы были моей невестой, я бы забеспокоился.

Она улыбнулась:

— Он не из тех, кто беспокоится. Разве только о своих картинах. Над ними он просто трясется.

Али вдруг захлестнула злость. Да кем этот парень себя возомнил? Надо же, какая важная персона! Он снова поднес бутылку ко рту и сильно стукнулся зубами о горлышко.

— Bok! — негромко выругался он.

— Ой! Осторожнее. — Элизабет забрала у него бутылку. — У вас губа кровит.

Она была так близко, что можно было рассмотреть, как дрожат на щеках солнечные блики. Макияж она не нанесла, и темные волосы мягкими локонами обрамляли прекрасное в своей естественности лицо. Али накрыл ее лежавшую на горлышке бутылки руку своей, спрятав невидимое кольцо.

— Вы куда ценнее, чем все, что может создать человек, — сказал он и поцеловал ее.

— О, — выдохнула она, и он почувствовал, как на виске ее забилась жилка.

— Этого вы хотите? — спросил он, вытерев капельку своей крови с ее нижней губы.

Она взглянула на него, и он увидел свое отражение в ее глазах. Увидел, как они соединяются — на кратчайший миг в мировой истории, увидел свое будущее — не с ней, но где-то рядом, увидел, как нечто, возникшее здесь, на пляже Калос, на его пляже, остается в ней навсегда.

— Да, — сказала она. — Вот что я выбираю.

III Поражение

Футбольный мяч, который Али хотел спасти, вынесло из бухты в открытое море. Теперь он подпрыгивал на волнах так далеко, что до него было не добраться. В общем-то, мяч ему и не был особо нужен, он поплыл за ним только желая доказать, что может его вытащить, но его бывшая компания не обратила на него внимания. Мальчишки остались далеко позади, резвились на мелководье, толкали друг друга и перебрасывались надувным мячом, который взяли у туристов. Вслед ему смотрел только тощий Деймон.

Он заплыл слишком далеко. Перевернулся на спину, чтобы восстановить дыхание. Медлить нельзя, нужно как можно скорее возвращаться на берег. Али вспомнил тот день, когда поплыл

к обрамлявшим бухту скалам, чтобы забраться в пещеру, все лето манившую к себе их банду. У него одного хватило смелости заплыть так далеко. В ушах до сих пор звенели дядины слова. Тому еще лучше дедушки удалось заставить его сгорать со стыда. После той памятной поездки на машине в Никосию дядя заклеймил его слабаком и лентяем.

— Он никогда не станет бойцом, — заявил он. — На него нельзя положиться.

Али хотел доказать ему обратное. Но когда добрался до скалы, которая с пляжа казалось такой таинственной и манящей, стало ясно, что пещера — всего лишь узкая расщелина, забраться в которую невозможно. Он разодрал в кровь ладони, пытаясь ухватиться за острые камни и забраться на уступ, но в итоге сдался, развернулся и поплыл обратно, так и не отдохнув и не восстановив дыхание. Добравшись до оставшихся на берегу друзей, он призвал на помощь всю выдержку, чтобы не расплакаться. Али отлично помнил, как разревелся Деймон, свалившись с дерева, и как другие мальчишки стали винить его в том, что он ему не помог. С тех пор ничего уже не было как прежде.

Над головой выл самолет, летевший на британ-

скую военную базу. Солдаты. Али хотел помахать им — я тут, спасите. Но знал, что сколько бы ни кричал, его не услышат. Ни с самолета, ни с пляжа.

Он тонул. Мальчик выпрямился и попытался заработать ногами, но те отказались подчиняться. Он вспомнил, как тяжело было возвращаться к пляжу от пещеры. Тот момент, когда вдруг осознал, что может и не доплыть. Можно добраться до самого волнореза и все равно утонуть, потому что не останется сил. Именно это случилось с тем туристом, что уснул в лодке. Он потерял весла, спрыгнул в воду, но не смог доплыть до берега. Местные его видели, того англичанина. Тело потом выбросило на пляж. Ужасный случай.

Али слышал воду, слышал ее рев, чувствовал, как она вздымается и опадает, когда набирал в легкие воздух только для того, чтобы погрузиться еще глубже. Теперь, задыхаясь и всхлипывая, он временами выкрикивал:

— Yardim! Yardim et![15]

Время замедлило ход. Он уже не видел друзей, не видел других мальчишек, не мог понять, спешит ли кто-то ему на помощь. Ждала ли его

---

[15] Примечания: 15

Yardim! Yardim et! — На помощь! Помогите *(тур.)*.

сестра? Почувствовала ли она, что пришла беда? Как бы он хотел еще хоть раз полежать у ее ног в дюнах, попросить воды или полотенце, или еще что-нибудь из той сумки, которую она всегда брала с собой, что-нибудь, за что он мог бы быть благодарен.

Глаза омыло соленым, тело пропиталось водой, как старая губка в бане, куда его водили в детстве, стало таким же большим и тяжелым, как тела беременных женщин, что мыли рядом с ними своих детей. Он подумал о матери, которой пришлось вынашивать сразу двоих. Должно быть, она в те времена была громадная и жутко неуклюжая. Может, тогда ее и начали мучить головные боли? Он все время гадал, виноват ли в том, как она устает, мечтал, что однажды сумеет помочь ей, починить ее, как Костас чинит испорченную проводку. Теперь ясно было, что это «однажды» никогда не настанет.

Что скажет дядя? Назовет ли его смельчаком? Он уплыл в открытое море и не вернулся назад. Не справился с задачей, и никто не пришел ему на помощь. Права была учительница, которая обвязывала его ноги шарфом; он иной. Он больше не Ал, не часть банды. Он в стороне, смотрит на друзей издали. Али в последний раз рванулся

вверх, но смог выпростать из воды одну только руку. Он в стороне, он всегда будет в стороне. Он стал частью воды. Будет теперь лежать на дне морском днями и ночами. Там, наверное, холодно? Нет, когда мертв, холода не чувствуешь. Это тонуть холодно, наполняться и падать, медленно, безмолвно опускаться на дно. Холодно только, пока ты не умер. Пока не умер. Пока не…

3
Шезлонг

Быть летучей мышью

Томас Нагель утверждал: если допустить, что у летучих мышей имеется сознательный опыт, значит, существует и некое состояние — быть летучей мышью. Но представить его себе мы не можем, так как наш собственный опыт бесконечно далек от опыта летучих мышей. То же самое можно сказать и обо всех остальных обладающих сознанием живых существах, включая других людей. Мы можем знать все о физических аспектах жизни другого человека, но можем ли мы понять, каково это — иметь его опыт?

> Но я хочу знать, как чувствует себя изнутри *сама* летучая мышь.
>
> ***Томас Нагель. Философское обозрение***

Элизабет Прайс обернулась к мужу ровно в тот момент, когда тот закрыл глаза.

— Ты что, спать собираешься?

Николас вздрогнул и ухватился за подлокотник

плетеного кресла, в котором любил дремать, когда над Атлантикой начинали сгущаться сумерки. Но до этого часа было еще далеко.

— Что?

— Ты засыпаешь. Еще и шести вечера нет, нас Оливеры ждут в гости к семи. В самом деле, Ники, — Элизабет поднялась на ноги и забрала у него стакан, — мы же пока не умерли.

Она поставила стаканы в раковину и пошла в спальню собираться, на ходу включив в гостиной телевизор и прибавив громкость — вот-вот должна была начаться очередная серия мыльной оперы. Она, в общем, не имела ничего против, чтобы Николас немного подремал; он вечно был такой расслабленный, что отключиться мог в любую минуту. Просто недавно она подсчитала, какую часть суток проводит, бодрствуя в одиночестве, и пришла в ужас.

Подсев к туалетному столику, Элизабет кончиками пальцев нанесла на щеки кремовые румяна и, подняв глаза к зеркалу, принялась растирать их. С тех пор как они переехали из Англии сюда, ей особенно не с кем было поболтать. Конечно, она и здесь находила себе занятия — тренировки, дом, Ники, за которым нужен был глаз да глаз. Да и многие ли женщины на пороге шестидесяти

могут похвастаться тем, что они по-прежнему достаточно привлекательны и стройны, чтобы брать уроки капоэйры? И все же дни ее по большей части проходили либо в одиночестве, либо в обществе мужа. И временами — особенно по вечерам — трудно становилось противиться ощущению, что она постепенно выцветает, вымывается, как пятно с простыни, что бледнеет с каждой стиркой, пока не исчезнет окончательно, не оставив после себя даже воспоминаний.

«Я существую, — мысленно произнесла Элизабет, проводя тушью по редеющим ресницам и все больше распаляясь. — Я вовсе не какая-то безвкусная героиня Аниты Брукнер, увядающая в Мейда-Вейл в окружении мебели красного дерева. Я по-прежнему горячая штучка».

— Неужели я настолько скучная? — Элизабет уставилась на отразившегося в зеркале мужа, который забрел в спальню в тщетной попытке найти в изножье кровати свои носки. — Настолько скучная, что ты и пяти минут со мной проговорить не можешь, не начав клевать носом?

А ведь так и есть, внезапно поняла она и развернулась на табурете, чтобы обращаться к мужу напрямую. Ее присутствие стало для него сигналом, означающим, что можно расслабиться и

задремать. За работой-то он не засыпал — ну еще бы, ведь он создавал произведения искусства. Огромные прекрасные полотна, наполненные теплом и цветом. Не случалось ведь ему отрубаться, рухнув лицом в свои масляные краски, заморгав, сообразила она. А за обедом случалось, и не раз.

Николас Прайс замер на минуту, ожидая, пока жена закончит свою мысль.

— Я страшно виноват, дорогая. Ты, кстати, не видела мои носки? Уверен, что положил их на кровать.

Говорил он подчеркнуто спокойным и рассудительным тоном.

— Думаю, они отправились на поиски твоего кардигана — чтобы вместе поболтать о старых добрых временах. На улице восемьдесят один градус[16].

— Правда? — Николас поцеловал жену в макушку и направился к ванной. — Не сомневаюсь, любовь моя, если бы я следил за собой так же хорошо, как ты, я бы так не мерз.

Он прошел в ванную и закрыл за собой дверь. Элизабет вынула из шкафа платье и натянула

---

[16] Примечания: 16
По Фаренгейту; примерно 28 °C.

его через голову. Николас всегда предпочитал негативное внимание. Мать чересчур властная, отца вовсе нет, думала она, разглаживая на бедрах шелковую ткань. Ее собственная мать была психоаналитиком. Фрейдисткой. В те времена от женщины требовалась немалая смелость, чтобы посвятить жизнь психоанализу. К материнским друзьям Элизабет с детства привыкла относиться с некоторым пренебрежением — все сплошь эгоисты, нарциссы и одержимы эдиповым комплексом. Казалось, классифицировать человеческие психотипы не сложнее, чем разные виды ткани. Один нарочито грубый, другой нежный — словно отрезы твида на витрине.

Интересно, это Николас насчет ее фигуры высказался? Элизабет вывернулась, пытаясь рассмотреть себя сзади. Конечно, за последний год она слегка располнела — это и по одежде чувствовалось, и по тому, как тяжко стало ворочаться в постели. Гормональная перестройка. Ее предупреждали, что она скажется на обмене веществ. Дамы-эмигрантки, собираясь за чаем в единственном пляжном отеле на ближайшие сорок миль, часто об этом говорили. «В Форталезе есть чудный доктор, он вам поможет, когда придет время. Только натуральные препараты,

bien sûr[17]». «Кокаин тоже натуральный, Беатрис», — вставила Элизабет. А та улыбнулась и экстравагантно потянула носом: «И разве это не чудесно?»

Элизабет, решительно отказывавшаяся принимать аспирин даже при головной боли, фамилию доктора все же запомнила. А теперь, когда минуло уже больше полугода с ее последних месячных, радовалась, что все прошло для нее относительно безболезненно. Она что-то не помнила, чтобы мать сетовала по поводу менопаузы, а у той до самого конца оставалась превосходная фигура. Она и умерла с изящными лодыжками.

В гостиной страстно гомонили бразильские актеры, с одинаковым пылом набрасывавшиеся и на своих возлюбленных, и на картонные декорации. В Каноа-Кебраду Прайсы переехали по множеству причин, но единственной, до сих пор не утратившей актуальности — по крайней мере для Элизабет, — оставалась ее любовь к португальскому языку. Мать все детство рассказывала ей байки о далеких предках, сколотивших состояние на каких-то портовых делах. А стоило на телеэкране появиться рекламе портвейна,

---

[17] Примечания: 17
Bien sûr — конечно, понятно *(фр.)*.

как она тут же объявляла: «Смотри, это твой прапрадедушка. Ты принадлежишь к древнему пиратскому роду». Связи между креплеными винами и морскими грабежами Элизабет как-то не улавливала, и поскольку из материальных свидетельств существования того человека был лишь мелькавший в вечернем телеэфире расплывчатый силуэт, Элизабет он запомнился как некий воображаемый дедушка из детства. Однако чем старше она становилась, тем заметнее делалось ее средиземноморское происхождение: взрывной нрав и мгновенно прилипающий загар, крупный нос и кудри, которые позже унаследовала ее дочь в каком-то совсем уж буйном варианте.

Вспомнив о Рейчел, Элизабет нахмурилась.

— Есть хочу, — выходя из ванной, объявил Николас. — Во сколько выезжаем? — И замер, заметив на лице жены выражение, означавшее, как он усвоил за прошедшие годы, что она думает о дочери, и грозившее выгравировать у нее на лбу карту выпавших на ее долю невыносимых страданий. — В Англии сейчас как раз время пить чай. Думаю, можно и позвонить ей, если тебе хочется.

— Николас, не глупи. Я ведь уже оделась.

Муж пожал плечами и, прежде чем выйти из

комнаты, в последний раз покосился на кровать. Тридцать пять лет брака внушили ему, что носки — равно как и секс, и хорошее настроение — должны быть доступны без предварительных просьб с его стороны. Нужно только сохранять спокойствие — и все устроится.

Дверь за ним захлопнулась, и бразильские мыльные страсти притихли. Элизабет вывалила содержимое дневной сумки в вечерний клатч и постаралась сосредоточиться на грядущем вечере. О Рейчел думать не хотелось. Если происходящее во внутреннем мире мужа доходило до нее только в виде разнообразных шумов — этакой душевной азбуки Морзе, то дочь о том, что происходит у нее в голове, вообще никак не семафорила. К телефонным разговорам с ней — тем более теперь, когда они были так далеко друг от друга — Элизабет предпочитала готовиться заранее, чтобы не разрыдаться в процессе.

Она сунула мобильник поглубже в сумку и обернулась к зеркалу, чтобы уложить волосы. Мелирование, сделанное, чтобы замаскировать седые пряди, придало волосам ухоженный вид, но нисколько ее не омолодило. К тому же локоны, так круто завившиеся от влажности, когда они только приехали в Бразилию, теперь

сникли от краски и вместо того, чтобы задорно подпрыгивать при ходьбе, безвольно липли к трикотажным блузкам, которые Элизабет носила днем. Собственное отражение, подсвеченное лишь тусклой настольной лампой, глянуло на нее из зеркала, словно из-под толщи воды. Элизабет пристально уставилась на него. «Ты все еще там», — без особой уверенности сказала она себе. Из сумеречной глубины на нее смотрело лицо дочери. Элизабет прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Такая тихая спокойная малышка. Даже не поймешь, дышит ли. Подкрадешься, бывало, к колыбельке и потянешь легонько за подол крошечного платьица. Изящное личико, обрамленное влажными от пота спутанными кудряшками. Берешь ее на руки и прижимаешь к себе крепко-крепко. Ты так ей нужна. У нее целая жизнь впереди. Все только начинается.

Дочь росла послушной, даже в подростковом возрасте особенно не доставляла хлопот. Ну так, немного боди-арта, легкие наркотики — все настолько невинно, что даже удивительно. Юность самой Элизабет пришлась на эпоху Ронни Лэйнга, известного шотландского психиатра. «Мне просто кажется, что если хочешь удолбаться и

разукрасить себя, есть способы поинтереснее, чем марихуана и татуировка-бабочка». Такой вот она была матерью — веселой и невозмутимой. И, уж конечно, толика юношеского бунтарства ее не пугала. Лишь после того, как Рейчел съехала из родительского дома и стала проявлять признаки независимой личности, Элизабет вдруг осознала, что совсем не понимает дочь.

Она была скрытной, вот в чем дело. Элизабет тайны никогда не жаловала, считала, что ревностно оберегают личное пространство лишь аморальные типы. Вот у нее же не было никаких секретов. А если и были, то хранила она их исключительно в интересах тех, кого любила. Ведь общаться и делиться — лучшие человеческие порывы. Разве величайшие произведения живописи, поэзии и научные достижения не увидели свет потому, что их авторы мечтали стать известными? Самой Элизабет всегда хотелось разузнать как можно больше обо всех своих знакомых, и подробностями своей жизни она в ответ делилась охотно. «Только соединить», как говорил Форстер. Но дочь ее, создание, которому она дала жизнь, желала исключительно разъединять. По крайней мере, так казалось со стороны.

Примерно через год после того, как дочь пере-

ехала в съемную квартиру в паршивом квартале Северного Лондона, Элизабет узнала, что она лесбиянка. Притом узнала не от самой Рейчел, которая могла бы довериться ей в любой момент и получить в ответ лишь поддержку, а от Элен, подруги, сын которой как-то столкнулся с Рейчел на вечеринке. Элизабет тогда заверила Элен, что ее сын обознался, ей было известно, что еще совсем недавно Рейчел сильно переживала из-за отношений с каким-то мужчиной постарше. Но позже, проводив подругу и сидя в сырой гостиной своего Девонского дома в ожидании, когда Ники принесет почту, она вдруг осознала, что дочь ее с этим мужчиной так и не познакомила. Она лишь раз видела его из окна той ужасной лондонской квартиры, когда гостила у Рейчел на выходных, — он подвез ее до дома. Рейчел потом плакала, а Элизабет, стараясь быть чуткой, держала ее за руку, твердя, что все мужики козлы, и готовила ей кофе с ромом.

Когда Элизабет передала мужу слова Элен, тот так разъярился, как будто они с подругой нарочно сговорились, чтобы его расстроить. Элизабет заверила его, что все это неправда, что она в Лондоне видела парня Рейчел собственными глазами, а после утешала дочь, когда та

плакала. О своей ремарке про мужиков-козлов она предпочла умолчать. Николас весь вечер был бледен, сжимал губы в нитку, спать лег одетый и отвернулся от нее в постели, когда она до него дотронулась. Элизабет в ту ночь так и не уснула — сидела в кровати, пока утреннее солнце не позолотило края бархатных штор.

Она долго ломала голову, как завести разговор с Рейчел. О таком ведь не спросишь по телефону. «Кстати, мне тут Элен сказала, что ты лесбиянка». А когда, наконец, все же решилась — очень деликатно — затронуть эту тему, то сразу поняла: сын Элен, очевидно, уже предупредил Рейчел о том, что мать «вышла на тропу войны».

— Абсолютно точно нет.

Осознав, что села в лужу, Элизабет решила больше никогда не верить подруге, тем более раз та постоянно важничает и задирает нос, хотя не имеет на это ровным счетом никаких оснований: ведь всем известно, что муж бросил ее ради какой-то африканки с тюрбаном на голове.

— Я просто беспокоюсь за тебя.

— Знала, что ты так отреагируешь, — рассмеялась Рейчел.

Элизабет, конечно, ожидала, что дочь будет защищаться, но едкое замечание задело ее за жи-

вое. Она всего лишь хотела, чтобы Рейчел была счастлива, а у этих людей — против которых она лично ничего не имела — полноценной жизни быть не могло.

— Это cul-de-sac[18], милая. — Так однажды сказала женщина в передаче «Час ответов» на Радио-4, и к Элизабет это выражение привязалось намертво.

В трубке громко вздохнули.

— Это в каком же смысле? В плане детей? Ты же сама последние пять лет только и твердила мне: «Смотри не забеременей».

Рейчел всегда выбирала самый очевидный пусть из одной точки в другую. Что такое ребенок? Никаких нюансов, никакого воображения.

Прижавшись лбом к зеркалу в своей спальне, Элизабет позволила себе ненадолго погрузиться в воспоминания. О том, как тот прекрасный турецкий — или греческий? — юноша ловко расстегнул ее бикини. Вот он от отсутствия воображения точно не страдал. Она поскорее затолкала воспоминание подальше, на самое дно памяти — пускай лежит там, погребенное под годами жизни добропорядочной женщины. В Рейчел от

---

[18] Примечания: 18
Cul-de-sac — тупик *(фр.)*.

того юноши не было ничего — потому что она никогда с ним не встречалась и даже не знала о его существовании. Она была дочерью Николаса и похожа была на Николаса. Мать Элизабет не верила в то, что личность определяет генетика, не желала верить и она. «Мы — нечто большее, чем сумма всех наших частей», — твердила она, стоило кому-то высказать при ней свое мнение об эволюционной биологии. А иногда и вовсе без всякой причины.

Клатч, лежавший на туалетном столике, вдруг завибрировал, помогая ей отрешиться от того кипрского приключения. Элизабет с трудом выудила мобильный из набитой вещами сумки, растерла пальцем пятнышко помады у застежки и прочла сообщение:

Поехали уже, пока я сиденье в машине грызть не начал.

Николас взял моду писать ей из разных уголков дома. Чаще всего просил подойти, а иногда присылал сообщения, которые она решила считать знаками любви. Сейчас он, очевидно, в шутливой форме намекал на ее медлительность. Элизабет пробовала было высказать недовольство этой его привычкой, он же ответил: «На литературу ты всегда откликаешься лучше, чем на жизнь».

Пришлось признать, что в этом он прав.

— Что это ты такое делаешь? — спросила Элизабет, выйдя из дома пару минут спустя. Уголок сада был окутан лиловой дымкой догорающего над океаном заката. Николас сидел в джипе, зажав в зубах фонарик и пристроив книгу на руле.

— То же, черт побери, что и всегда, — буркнул он, вытащив фонарик изо рта, и добавил: — Мой ангел. — А следом до Элизабет донесся тяжкий вздох. — Слушай, нам не обязательно туда ехать. — Еще один вздох. — Если ты волнуешься.

— Она и твоя дочь тоже.

Николас включил передачу и выехал с подъездной дорожки. Когда они добрались до вершины холма, Элизабет оглянулась на дом. Бассейн отсюда казался подсвеченным снизу прямоугольником из голубого стекла. Шезлонги издали выглядели какими-то игрушечными, стояли рядком, будто только и дожидались, когда нагрянет толпа крошечных туристов. Элизабет смотрела на сад, пока машина не свернула. Это она придумала расставить шезлонги вокруг бассейна в память о каникулах, проведенных на юге Франции. В Тивертоне шезлонги никому не были нужны. И в Бразилии, как выяснилось, тоже.

И все же она их купила и по-прежнему счи-

тала, что у бассейна они смотрятся очень мило, несмотря на то что лежать на них на таком солнцепеке оказалось невозможно. «Но суть и не в этом, — сказала она Николасу, когда тот отказался помогать ей выбирать подушки для новой мебели. — Они тут для красоты, стоят себе и словно обещают что-то». «Меланому», — отрезал муж, и до Форталезы ей пришлось добираться на такси.

В любом случае на шезлонгах и не должен был никто лежать, это была фантазия, которую она вынашивала со времен школьных каникул. В то лето, восседая на шезлонге в своем целомудренном слитном купальнике и с материнской сумочкой, она разработала собственную теорию. Отдыхающие плавали, прохаживались вдоль бассейна, блестя мокрыми от воды глазами и загорелой на солнце кожей, курили, читали, пили коктейли, флиртовали. Целыми днями они дефилировали от бара к бассейну и обратно, а к лежакам возвращались подзарядиться энергией, отдохнуть, захватить сигареты, крем от загара, шляпу или книгу. Получалось, что шезлонг словно позволял украдкой заглянуть в душу его обитателя, и Элизабет грезила о том времени, когда и у нее появятся идеальные вещи, отражающие ее истинное «я». А когда это произойдет,

мимо непременно пройдет правильный мужчина, увидит их и влюбится в нее без памяти только потому, что у нее безупречный вкус. Самой ей даже не обязательно будет в этот момент лежать на шезлонге.

В те дни, когда ей удавалось сбежать от родителей к бассейну и занять собственное место на этом празднике жизни, она разглядывала пустующие шезлонги, пытаясь вообразить, что за люди их занимают. И даже присваивала самой себе очки за верные догадки. Три очка за правильно угаданный возраст, два — за красоту и стиль, для оценки которых у нее имелись собственные строгие критерии, одно — за пол, что было проще всего, хотя пару раз и случалось, что, к ее изумлению, откровенно женскую сумочку или брюки приходил забирать мужчина. Тогда она и поняла, как сильно средиземноморцы отличаются от британцев: некоторые женщины, например, даже не брились.

Может, вот откуда это в Рейчел — от того мужчины из прошлого? В семье Элизабет гомосексуалистов не было, а если и были, то на всех углах они о своих предпочтениях не кричали. Попробуй-ка объясни свекрам, дамам из книжного клуба и даже почтальону, который частенько

справлялся о Рейчел, что твоя дочь — лесбиянка. Элизабет, впрочем, старалась не использовать это жуткое слово, ассоциировавшееся у нее со здоровенными мужеподобными бабами. Какое оно могло иметь отношение к ее дочери, такой женственной, нежной, за всю жизнь ни разу и голоса не повысившей? Подумаешь, дурацкий ярлык. Рейчел, однако, отчего-то вставляла его при каждом удобном случае.

— Ой, мам, просто скажи, что я лесбиянка, — сказала она, когда Элизабет спросила, что ответить парикмахеру, интересовавшемуся, отчего ее давно не видно.

— Бога ради, какая связь? — спросила Элизабет. — И почему тебе так хочется, чтобы весь мир был в курсе твоей личной жизни?

— Ты ведь не боишься сообщать людям, что натуралка? — отозвалась Рейчел. — Твоя дочь лесбиянка. Понимаю, тебе сложно это произнести. Может, попробуешь потренироваться в одиночестве? Для начала попытайся произнести это слово мысленно. — Дочь набрала в грудь побольше воздуха. — Или… хотя бы представь себе, как ты его произносишь.

Элизабет помедлила. Когда на Рейчел накатывало такое настроение, урезонить ее не

представлялось возможным.

— Ах, милая, какая ты у меня шутница.

Впрочем, ни одна из них не рассмеялась.

— Выше нос, горлица моя! — Николас вырулил на главную дорогу и резко вильнул, чтобы не попасть колесом в выбоину. — Старушка Бет умеет устраивать вечеринки.

Элизабет вообразила, что за вечер их ждет. Ей не давала покоя мысль, что англичане определенного типа предпочитают догнивать не в Хэмпстеде или Лайм-Реджисе, а здесь, на северно-восточном побережье Бразилии. Уже в первые недели по приезде в прибрежных зарослях они столкнулись именно с теми буржуазными нравами, от которых она стремилась сбежать. Откуда ж ей было знать, что тут, среди дюн, образовалась альтернативная арт-сцена? Впрочем, Николас-то должен был слышать о перебравшихся сюда художниках и писателях. А вот Элизабет полагала, что они придумали очень оригинальное решение. Теперь же вынуждена была признать, что ее до крайности раздражала престарелая обеспеченная богемная публика, прибывавшая сюда в погоне за уходящей молодостью. И хотя судить людей она не любила, ее неотвязно преследовала мысль, что все эти со вкусом убранные дома и

шумные обеды — лишь свидетельства того, что племя это вымирает.

«Те, кто не в силах забыть прошлое, — подумала она, когда они, повернув к дому Оливеров, обнаружили, что к воротам стройными рядами шествуют тучные пары в сандалиях, — обречены его повторять. Нужно быть изобретательным, постоянно интересоваться чем-то новым, а не то придется попросту сдаться».

— Если я когда-нибудь отращу себе такую же необъятную задницу, пристрели меня, — сказала Элизабет мужу, когда они проезжали мимо Доркас Ноулс. — Можешь подъехать к самому входу?

В конце аллеи возвышался дом Оливеров, обращенный фасадом к Северной Атлантике. В густой листве разросшегося на отвесном утесе сада прятались многочисленные фонари, освещавшие колонны и облупившиеся стены. Казалось, буйные тропические джунгли уже захватили дом и вот-вот столкнут его в бушующий внизу океан.

У Элизабет закружилась голова, и она крепче сжала набалдашник трости, которую, по счастью, сообразила прихватить с собой. Не то чтобы трость в самом деле была ей нужна, скорее это был реквизит, необходимый, чтобы занять одно

из немногих имевшихся у Оливеров удобных кресел. А за такое внимание Элизабет готова была поплатиться небольшим дискомфортом. Трость была идеей Ники. Как-то они обедали в Аракати, в единственном итальянском ресторане в часе езды от дома, и после Элизабет попросила его подогнать припаркованную в переулке машину к самому входу. У нее немного ныло колено. И да, возможно, она слегка драматизировала ситуацию, ведь Николас прямо из себя выходил, когда она просила его о помощи. Он вернулся полчаса спустя — на машине, с каким-то громоздким инвалидным приспособлением на колесах — «чтобы помочь тебе добраться до автомобиля, дорогая».

— Как остроумно. — Элизабет не знала, смеяться или плакать.

— Я неустанно о тебе думаю, милая.

— Что ж, можешь отвезти его обратно.

Так они и поступили. Однако позже в магазине ей попалась на глаза симпатичная тросточка с полированной рукоятью, и Ники ее купил — целое представление из этого устроил, поцеловал Элизабет и заставил поклясться, что она не станет поколачивать его этой палкой.

— Можешь брать ее на свои уроки танцев. На-

верняка одному из твоих латинских любовников не помешает пара затрещин.

— На капоэйру. Однако, — загадочно улыбнулась она, — в остальном ты, возможно, прав.

Она нарочно подогревала его ревность. В студию муж никогда не заглядывал, а значит, и незачем ему было знать, что немногие посещавшие занятия мужчины были чуть старше его самого. А единственный молодой парень из группы теперь звался Софией и щеголял пышным бюстом.

Николас так лихо затормозил у крыльца Оливеров, что стоявшая на ступеньках женщина с уставленным бокалами подносом в руках подпрыгнула от неожиданности.

— Достаточно близко?

— Пойдет. — Покачав головой, Элизабет вышла из машины. Николас никогда не упускал шанса подчеркнуть, сколько хлопот она ему доставила. Теперь вот ему пришлось выходить из автомобиля, извиняться перед официанткой, а после искать, где припарковаться. Вернулся к дому он под ручку с Доркас Ноулз, которой не терпелось представить его какому-то недавно открытому ею скульптору, творившему шедевры из человеческих экскрементов.

— Он истинный певец даров природы.

— Да уж, очевидно, даровитый парень.

— Творит исключительно из подручных материалов, Николас. Мастер от Бога.

Элизабет уже сидела на скамеечке в холле. С двумя бокалами красного вина в руках.

— Прошу прощения, моей жене нужна помощь.

Отделавшись от навязчивой Доркас, муж с улыбкой принял из ее рук бокал.

— Только не хвати лишку, Ники. Я больше с Аталантой домой не поеду.

— Давай позовем ее жить с нами. Непьющий водитель в доме всегда пригодится.

— Она не пьет по одной-единственной причине — потому что она алкоголичка, так что не считается. К тому же ты отлично знаешь: я сама в последнее время почти не употребляю.

— Это верно. Но ты и за руль не садишься.

— Хотя могла бы. Я отлично вожу. — Мимо прошел официант с подносом, и Элизабет ухватила новый бокал.

— Но водительских прав у тебя нет, любовь моя, так что без разницы.

— Потому что у инструктора во время экзамена случился нервный срыв.

— Как ни прискорбно, формальности в этих вопросах очень важны.

— Мне прислали письмо с извинениями.

— Давай будем возить его с собой. Ну а что, ведь человек высадился на Луне, а Кит Чегуин сделал карьеру на телевидении. Выходит, на свете нет ничего невозможного. Так отчего бы полицейским не принять твое письмо за водительские права?

— Кит Чегуин? Николас, бога ради.

— Чеггерс для друзей, к числу которых я, к сожалению, не принадлежу.

— Ясно, виски тебе больше не наливать.

— И отлично. — Николас смотрел мимо нее, в раскинувшийся позади сад. — Хочу немного поболтать с Аталантой. Может, у нее найдется для меня парочка трезвых советов. Тебе что-нибудь нужно?

— Разумеется, нет.

Элизабет поудобнее устроилась на скамейке и улыбнулась пожилому джентльмену в бархатном костюме. Все-таки у Оливеров собирается пугающе древняя публика. Нехорошо, когда ты начинаешь ассоциироваться у людей с такими стариками. Она достала очки, чтобы получше рассмотреть украшающие холл многочисленные

картины без рам. Седовласый мужчина в бархатном костюме кивнул в ее сторону и обернулся к своей спутнице, облаченной в какой-то кафтан. И почему полные всегда так отвратительно одеваются? Не обязательно же носить необъятные хламиды. Как там этот покрой называется? Муумуу? Точно! Как корова. Элизабет кивнула своим мыслям и вдруг обнаружила, что Бархатный Костюм искоса поглядывает на нее. Она отсалютовала ему бокалом, заметила, что он почти опустел, и осмотрелась в поисках официанта.

Вот и Рейчел во время беременности носила что-то подобное. Сколько раз, заглянув к дочери, Элизабет обнаруживала, что та бродит по дому в тряпье, на фоне которого и покрывало показалось бы верхом изящества. В первый раз она даже спросила Рейчел, когда та думает начать одеваться. А дочь в ответ раскинула руки в стороны и крутанулась вокруг своей оси.

— Я одета, мам. Свобода — вот как это называется.

— Ясно. Очень смело.

— Понимаю, на что ты намекаешь. Но мне так удобно.

— И в этих туфлях тоже?

Рейчел вспыхнула, и Элизабет отпрянула, ис-

пугавшись, что дочь ее ударит. Конечно, она бы так не поступила, Элизабет знала это. Но щеки ее порозовели, глаза потемнели от ярости, а кожа, казалось, заискрила электрическими разрядами.

— Я ношу под сердцем ребенка. Твоего внука. С чего бы мне упаковываться, как курица в магазине?

— Думаю, это не только тебе решать, Рейчел. Неужели Элизе нравится твой наряд?

— Мы на вашу патриархальную гетеронормативную модель отношений не равняемся. Она видит во мне личность.

— Чтобы в тебе видели личность, не обязательно выглядеть безобразно.

— Безобразно? — тоненько, как в подростковые годы, вскрикнула Рейчел.

— О, я не о тебе. Ты не можешь выглядеть безобразно. Почему ты всегда неверно меня понимаешь?

В бедра впился край деревянной скамьи. Чуть раньше, когда они с Николасом пили вечерние коктейли, Элизабет приняла мизерную дозу валиума, но эффект уже выветрился, и она полезла в сумку в поисках чего-нибудь посильнее. Куда вообще все подевались? Официант не объявлялся, а вина в бокале осталось так мало, что едва

хватит запить таблетку. Нужно бы пройтись, посмотреть, что да как, она ведь еще даже Оливеров не видела. В холле остался только тот старик и его полная спутница, а у нее не было ни малейшего желания заводить с ними разговор. Забыв о трости, Элизабет поднялась на ноги и взглянула на оставшийся на скамейке клатч. Похоже, пятно от губной помады расползлось.

Было жарко, шея под влажным валиком волос сделалась липкой от пота. Доносившийся из сада легкий ветерок поманил Элизабет за собой, и она решила, что за клатчем вернется позже. Одернув подол приставшего к ногам платья, она вдруг почувствовала, что Бархатный Костюм смотрит на нее. И пусть он был немолод и по-дурацки одет, Элизабет все равно это польстило. Она расправила плечи и прошла в сад, стараясь держать спину как можно прямее и воображая, как Беатрис Оливер позже шепнет ей: «Дорогая моя, ты просто заворожила джентльмена, которого я пригласила для своих одиноких приятельниц. Они все в ярости. И как только тебе это удается?»

Элизабет напомнила себе, что в учебном заведении для девушек, куда мать отправила ее после пансиона, она всегда получала призы за идеальную осанку. Не выйди она за Николаса, могла

бы стать моделью и сделать отличную карьеру. Может, и сейчас еще не поздно начать. Элизабет обернулась на ходу, искоса бросив взгляд на своего нового поклонника, но тот уже смеялся над чем-то вместе с женщиной в кафтане. Толстая и жизнерадостная. Одно, по мнению Элизабет, без другого не имело особого смысла. Между тем Бархатного Костюма, несмотря на его преклонный возраст — а может, как раз благодаря ему, — в отсутствии хороших манер упрекнуть точно было нельзя. Элизабет решила, что непременно поболтает с ним после, когда побольше разузнает о нем у Беатрис.

Сад сиял в свете фонарей. В жарком ночном воздухе пахло сигаретным дымом и горным лавром. Остановившись на террасе, Элизабет окинула взглядом собравшихся. При виде других гостей ее захлестнуло волной тепла, подбиравшаяся к вискам головная боль унялась. Возможно, не так это и ужасно — находиться среди людей, подобных тем, с которыми ты общалась всю жизнь. Доркас и Аталанта, занявшие место у столика с напитками, раскачивались под мелодию доносившейся с балкона португальской баллады. Николаса Элизабет заметила в дальнем конце террасы: он стоял, держа в одной руке сигарету, а в другой

— шампур с шашлыком из куриной печенки, и с жаром говорил что-то мужчине в мятых льняных брюках. Элизабет и раньше встречала его у Оливеров, кажется, это был известный в определенных кругах керамист. У обоих собеседников на оттененных сединами лицах застыло выражение полнейшего блаженства. «Если бы любовь измерялась радостью, получаемой от общения, — подумала Элизабет, — можно было бы сказать, что они без ума друг от друга».

Беатрис Оливер помахала ей из-за плеча обнимавшего ее за талию мужчины с забранными в хвост седыми волосами. Затем поцеловала его в бородатую щеку и со встревоженной улыбкой направилась к Элизабет.

— Элизабет! Где ты пропадала? Душечка моя, ты даже вина не выпила.

— Что-то не хочется, — отозвалась Элизабет. В конце концов, разве это не было правдой? Да и Беатрис, если на то пошло, стоило бы встретить ее в холле с приветливой улыбкой и бокалом чего-нибудь вкусненького. — Сама понимаешь.

Беатрис растянула губы еще шире, хотя минутой раньше казалось, что это невозможно.

— Ох, дорогая моя. Но тебе ведь сообщили, что Рейчел уже лучше? Все прошло, верно?

— Да-да. Почти прошло, — ответила Элизабет, выразительно поиграв бровями. Боже, ну что за идиотка!

— Тогда нужно отпраздновать. Тут есть кое-кто, с кем мне не терпится тебя познакомить.

Беатрис подхватила Элизабет под руку и потащила прочь с террасы. У Элизабет от такого резкого старта хрустнуло колено, но, не желая посвящать хозяйку в свою проблему, она постаралась не подать виду и удержать равновесие. Беатрис была старше ее на пять лет, однако лифчик под длинное платье с воротом-петлей не надела. Нельзя ведь было позволить, чтобы тебя жалела женщина с полным отсутствием вкуса, пускай и ближайшая подруга.

Она ожидала, что Беатрис поведет ее обратно в холл знакомиться с Бархатным Костюмом, и очень удивилась, когда та повлекла ее к крытой арке, под которой стоял какой-то высокий человек и смеялся, обернувшись к своему спутнику. Только когда они подошли ближе, Элизабет разглядела, что одет высокий был в женское платье и туфли на каблуках. Да это же София с капоэйры!

Беатрис сжала ее руку.

— Ну разве она не чудесная? Мы несколько недель назад познакомились в отделе кружев.

София! Это моя подруга Элизабет, я тебе о ней рассказывала. Та, у которой дочка. Боже праведный, ну и жара сегодня!

Элизабет стояла очень ровно и думала о трости, оставшейся на скамье в холле. Ей срочно требовалось присесть, но в обозримом пространстве не было ни одного стула, а Беатрис, похоже, собралась уходить — выдернув тощую загорелую руку из-под локтя Элизабет, она теперь принялась помахивать ею, будто надеялась за неимением крыла поднять ветерок пальцами.

Морфиновое спокойствие испарилось.

— Дочка? — улыбнулась София. — Она тоже танцует? Мы в группе по тебе скучаем.

Спутник ее молчал в ожидании, когда его представят. С землистого цвета лица на Элизабет смотрели темные глаза. «Больная печень», — определила она мысленно. Захотелось влепить ему пощечину. Вот, значит, с кем Беатрис намеревалась ее познакомить, с этой пестрой публикой, с которой Элизабет, по ее мнению, должна была найти общий язык из-за того, как решила устроить свою жизнь ее дочь. Изгои. Женщины с бородами и мужчины с грудью, вечно занятые организацией своих унылых парадов, одетые во что-то уродливое, постоянно подчеркивающие,

что они не такие, как все, озабоченные и злые. А ведь если кто-нибудь здесь и имел право злиться, так это она сама. У нее украли дочь. Ее девочка бросила ее ради женщины, носящей почти такое же имя. Тут без всякого Фрейда ясно, что произошло.

София положила руку на плечо своему спутнику.

— Элизабетта?

— О, что ж, моя дочь в Англии, — начала Элизабет. — Она… Я… Мне немного нездоровится. Извините. — Она развернулась и усилием воли заставила себя направиться к дому.

Колено болело. Казалось, будто с каждым шагом дом отползает от нее все выше по склону холма. Элизабет пошатнулась, судорожно ловя ртом душный ночной воздух. Сзади громко охнули, и прежде чем нога под ней подломилась, чья-то сильная рука обхватила ее за талию.

— Элизабетта! — София сжала ее бедро и повлекла к задней двери. — Тебе нужно отдохнуть. Пойдем посидим, расскажешь мне о своей девочке.

Элизабет, прихрамывая, ковыляла к дому, стараясь отыскать глазами Николаса. И наконец увидела: тот с шампуром в руках стоял на стуле,

запрокинув голову, а на подбородке у него балансировал цветочный горшок.

— О Ники! — вопила Доркас, размахивая фотоаппаратом. — Чуть левее, свет идеальный.

— Мой муж… — Элизабет махнула рукой в сторону террасы.

— Подхватим его позже.

Женщины вошли в дом. В холле тянуло сквозняком, в стены над светильниками бились мотыльки. Элизабет с трудом прохромала до скамейки, которую так легкомысленно покинула. Рядом с ней энергично шагал бойкий транссексуал, а впереди виднелись склонившиеся над книжкой Бархатный Костюм и Кафтан.

— Огромное спасибо. — Она ухватилась за спинку скамьи. — Теперь со мной все будет в порядке.

Элизабет рухнула на сиденье, а София ровно в тот же момент склонилась вперед. И тут же что-то мелко застучало по полу, бухнуло, треснуло — зазвенела покатившаяся по плитке бутылка. Элизабет ахнула и схватилась за грудь. Ей показалось, она вот-вот потеряет сознание. Или согнется в приступе неудержимой рвоты. Глядя в потолок, она попыталась отдышаться, а затем, опустив глаза, увидела три склонившиеся над ней головы.

— Это, наверное, ваше, — сказал Бархатный Костюм и протянул ей выпачканный клатч, все содержимое которого теперь валялось на полу. На растянутых туфлях темнели брызги красного вина. Но постепенно рассыпанное имущество стало возвращаться к ней — все предметы аккуратно подбирали и складывали на край скамьи. Упаковки таблеток, косметика, очки, пустой стакан. Последней явилась трость — ее церемонно возложили на колени Элизабет утиным клювом вверх.

— Кажется, это все. — София встала и одернула кружевную юбку, подол которой теперь был оторочен темно-розовой бахромой. — Пойду позову твоего мужа.

Другая пара отошла к книжному шкафу. Элизабет сидела посреди разложенных на скамейке вещиц, держа спину очень прямо. Все тело болело. Внутри испорченного клатча мигал огонек. Она достала из сумки мобильный и посмотрела на экран. Пропущенный вызов от Рейчел. «Как будто мне мог звонить кто-то другой, — подумала она. — Если бы я тут умерла, то никогда бы не узнала, что будет дальше. И мне не пришлось бы пережить собственную дочь».

Перед глазами внезапно возник образ ново-

рожденной Рейчел, и Элизабет зажмурилась. Вот она, лежит у нее на руках, чудная малышка с румяными щечками и темными кудряшками. В первые дни она была так похожа на своего отца, юношу с пляжа, в жилах которого текла морская вода. Элизабет прижимала ее к себе покрепче, чтобы Николас ничего не заметил, прятала дочь в бесчисленные пеленки и одеяльца. Но никакой нужды в этом не было, Ники видел в дочери-пиратке лишь девушку с картины, которую когда-нибудь непременно напишет. Элизабет же продолжала рассказывать басни о португальских предках, а об Али почти не вспоминала. Разве что изредка, уловив запах крепкого кофе или услышав рокот морских волн в каком-нибудь артхаусном фильме. И уж точно никогда не думала о нем как о мальчике, который вырос без матери. Не гадала, почему так случилось. Да и как ей вообще такое могло в голову прийти?

Николас, вернувшись из сада, нашел ее на той же скамье. Элизабет спала, уронив голову на грудь. Он тронул ее за плечо, и она, вскрикнув, схватилась за сердце.

— Я все еще здесь, — выговорила она. Без разочарования в голосе.

— Похоже на то, любовь моя.

— Правда?

— Правда ли, что ты здесь?

— Правда ли, что я — твоя любовь, Ники?

— Да уж надеюсь, — ответил он без раздражения. И протянул Элизабет руку. — Видела мой танец с цветочным горшком?

— Куда бы я делась. — Элизабет поднялась на ноги. — Ты выглядел просто смешно.

— Ага, смешно получилось, верно? — улыбнулся Николас. — Не хочешь забрать свои вещи? — Он махнул в сторону разложенных на скамейке предметов.

Телефон по-прежнему подмигивал сообщением.

— Да не особенно, — ответила Элизабет, отворачиваясь. — Все они, в общем-то, не про меня.

4
Муравительно

Философский зомби

Считается, что понятие «философский зомби» (или «пи-зомби») ввел Дэвид Чалмерс. Под философским зомби подразумевается существо, неотличимое от человека, однако не имеющее сознательного опыта. Чалмерс утверждал: поскольку мы можем представить существо, полностью повторяющее человека в физическом смысле, однако лишенное способности ощущать (даже если в реальности его существование невозможно), это доказывает, что человеческое сознание имеет не физическую, а совершенно иную природу.

> Если допустить, что где-то существует мир, точно повторяющий наш, однако населенный зомби, то это очевидно доказывает, что сознание — дополнительный не физический факт в нашем мире.
>
> ***Дэвид Чалмерс. Зомби в Сети***

Моя жизнь делится на две части, отличающиеся одна от другой так же сильно, как вы отличаетесь от незнакомца, который как-то летним днем сидел напротив вас в автобусе или брал в библиотеке книгу, которую вы уже прочли. До и после для меня — не половинки одного целого, как обычно бывает: молодость и старость, детство и родительство. Моя жизнь не перешла из одной фазы в другую естественным путем, а просто распалась на две части. Конечно, если бы вы увидели меня своими глазами, то не заметили бы во мне ничего необычного — разве что небольшой изъян. Но такое знакомство — знакомство посредством встречи наших сознаний — позволит вам понять, какая великая перемена со мной произошла. Мы говорим «знакомство сознаний», хотя на самом деле это только вам предстоит познакомиться с моим, обоюдного открытия тут не предполагается.

Итак, добро пожаловать.

Вполне вероятно, вам трудно будет осмыслить мою историю. Между моей трансформацией и той, что ожидает вас, есть сходство, однако совсем небольшое. Ведь вам предстоит совершить открытие с помощью традиционных средств, а мой способ, насколько я могу судить, был уни-

кальным. Вас ждут удары и потрясения, а ваши устоявшиеся знания о мире и его физических свойствах будут временами мешать вам постичь новую противоречащую им информацию. И все же вы здесь, готовы начать. Возблагодарим же наши пытливые умы!

Начнем с той ночи, которая изменила все.

Первая трудность заключается в том, чтобы доходчиво объяснить вам, как все произошло, не сбив вас с толку моей теперешней формой существования. Однако вы все поймете гораздо лучше, если мы начнем с того момента, когда я еще находилась в своем первоначальном воплощении. А потому представим теплую июньскую ночь, спальню в домике Викторианской эпохи. Хозяева спят, а наш маленький отряд выходит из сада, привлеченный запахом чего-то сладкого.

program TimeDemo;

Топ-топ-топ по облупившемуся краю полированного стола. По следу сладкого. На запах сахара. Позади Ка и Ича, впереди Ки и Эки. Идем друг за другом, никуда не сворачивая, ведь дорогу нам указали. Мы уже бывали здесь раньше. Приходили, привлеченные тошнотворным запахом павших сородичей. Нас заводит смерть и то, что она обещает.

Щелк-щелк-щелк несется над нашим строем. Спускаемся вниз по ножке стола, и тут становятся видны человеческие тела — на кровати спят две женщины. Комнату окутывает их запах. Сладкий, но с металлическим привкусом. Одна из них умирает.

Все отчетливее слышен зов разведчика. Крик. Крик-крик. Крик.

Источник сахара. Вижу на столике у кровати стакан. Круглый сладкий след возле донышка. Движемся к нему, Ки возглавляет колонну. Она обожает сахар, но там внутри жидкость. Это опасно, первыми должны пройти разведчики. Ки не терпится, дождей давно не было. Высохло все — и гравий, и бетон, и трава, что пробивается между кирпичной стеной и асфальтом. Ки умирает от голода и жажды и, рискуя, приближается к жидкости, которая не так красива, как сок, но все же может стать для нее ловушкой.

Разведчики рядком идут за ней.

Ожидая их, стою и смотрю на спящих человеков. Вижу, как раздуваются и сдуваются их тела. Простые создания. Грудная клетка и брюшко слиты воедино, всего четыре конечности, а усиков нет. Даже самцы не способны летать. Из интересного в них только гигантский размер и

способность производить сахар. Мне они кажутся похожими на сказочных зверей — только не диких, вроде птиц и лис, которых мы часто видим возле колонии. Служа королеве, мы нередко слушали истории о людях и том, как они живут, но вот такие, спящие в темноте, они удивительны.

Добравшись до верхнего края стакана, Ки оборачивается. Мы обе работаем на королеву и потому чувствуем друг друга. Разведчик обходит ее и замедляет шаг у кромки сладкой воды. Мы умеем прокусывать поверхность, чтобы добраться до жидкости, а разведчики знают, как донести капли до гнезда. На этот раз нам всем достанется по капле. Из-за засухи. Таков план, но меня тянет назад запах спящих зверей. И еще кое-чего — смерти.

Во сне они переговариваются на языке китов. Звуки издают ротовыми полостями, ведь щелкать и чпокать им нечем. Это то, что мы знаем. Днем мы видим их длинные тени, слышим их голоса, а еще нас к ним тянет — и не только из-за сахара. В детской многие увлекаются историями о себе подобных. Нам хочется знать о Дракулах, которые кормятся собственными личинками, при этом не убивая их. И о королевах, которые улетают, бросив свои колонии. Но некоторые

любят слушать сказки о людях, существах с мягкими панцирями, запрограммированных на самоуничтожение. Обреченных. Это то, во что мы верим, а доведись нам увидеть первый марсоход, это развеяло бы последние сомнения. Никто не строит планы, как сбежать из жизни, из которой бежать не нужно.

Мы путешествовали. Отправляли в океаны корабли, сделанные из наших собственных тел. Изучали и колонизировали мир. И с давних времен передавали полученные знания из поколения в поколение. Древняя история, ранняя история, библейские сказания — мы есть везде. Но карта нашего мира ограничена нашей ДНК. О других планетах нам ничего не известно. Информации нет даже в воспоминаниях наших предков.

Ки зовет меня к стакану. Крик. Крик-крик.

Смотрю на спящих женских человеческих особей, и меня так и тянет подойти к ним поближе. Как это понять? Работники детской умеют ухаживать за новорожденными и сохранять жизни подрастающих поколений. На благо колонии. Не ради меня или кого-то другого, не ради конкретной единицы. Это есть в нашем коде. Мы продолжаемся только до тех пор, пока не созреют

следующие носители.

Слышала, что в Южной Африке колонии иногда заражаются грибком. В мозг проникает паразит, который направляет своего носителя к определенному виду травы, а там взрывается у него в голове, чтобы споры рассыпались повсюду, заразили новых разведчиков и работников и жизненный цикл продолжился. Таких носителей называют зомби, потому что они не способны думать за себя сами. Однако так ли велика разница, что тобой управляет — код, созданный паразитом или твоей собственной ДНК?

Именно это чувство посещает меня при виде спящих женщин, пускай и не выраженное в словах: чувство, что на меня действует сила, более мощная, чем моя программа. Она заглушает зов Ки и запах жидкости. И никак не связана с окружающими меня в темноте светящимися предметами. Мои антенны пробудило к жизни новое ощущение — сладкий, как яблоко, вкус познания, и противостоять жажде поддаться этому чувству невозможно.

Топ-топ-топ вниз со стола, на запах разложения. Впереди гладкий, как листва, пол, и конца пути не видно. Кликая и щелкая, нахожу металлическую кровать. Не спеши, не спеши. Помни

о паучьих сетях, толстых, как твои собственные ноги. О глазах, что смотрят на тебя сверху. Топ-топ-топ по холодному металлу. Чувствую, как колония в едином порыве марширует вверх, как мы все сильнее отдаляемся друг от друга. Никого не слушай. Никого не зови.

Первый человек лежит лицом ко мне. От нее пахнет не продолжением жизни, а хаосом. Тело ее обтекают частицы света. А фонит от нее незнакомым напряжением. Информация захлестывает меня с головой. Заставляет забыть о колонии, о коллективной ответственности, о необходимости искать воду и пищу.

Первое прикосновение к коже. На лицевой части множество волосков, соринок, пор и влаги, скапливающейся по краям отверстий. Дважды останавливаюсь — у разомкнутых губ и на носовом выступе. Пещеры, ведущие в неведомое. Иду дальше и попадаю в лес, охраняющий закрытые глаза. Эти усики толще моих антенн, среди них кишат существа, питающиеся отходами жизнедеятельности. Это симбиоз, но ни один из его участников о существовании другого не подозревает; при такой разнице в размерах это просто невозможно. Мы в колонии выращиваем тлей и защищаем их от хищников в обмен на пищу,

которую они нам дают. В обмен? Нет, неверно, у тлей нет выбора. Возможно, они тоже зомби.

Но по размеру ближе к людям. Мы для нашего вида считаемся мелкими и взаимодействуем с еще более мелкими существами. Интересно, есть ли у людей некие Они, которые управляют их жизнью?

Слышу не сам настойчивый зов Ки, но отдаленное его эхо. От желания ответить подрагивают антенны. Она не пойдет за мной. Мы знаем друг друга с того дня, как вылупились, выросли в одной детской, служим одной королеве. Предполагалось, что мы до конца своих дней будем единым целым. Как описать это чувство общности? Мы всего лишь делили на двоих дневную работу, узнавали друг друга в траве по запаху, щелкали и чпокали в унисон. Это был наш сонет, наша песня.

Но мой полет уже не остановить. Это сильнее и важнее. Пока я действую в одиночку, для колонии опасности нет. Пытаюсь подать ответный сигнал, но сообщение выходит неразборчивое. Как объяснить побуждение, природу которого не понимаешь сама? Запах. Миссия. Был ли у меня выбор? Ответа не знаю даже сейчас.

Иду по ее лицу. Ищу источник запаха. У края

ресниц капля несладкой воды. Пахнет плотью, как от того дохлого мышонка, которого мы однажды нашли возле мусорных баков. Антенны начеку, впереди отверстие. Откусываю от капли и обнаруживаю узенькую щель у розовой оконечности глаза. Туда. Вот он, мой ответ голоду и жажде. Новизна. Важность. Человек шевелится, ресничный лес расступается. Скорее туда, скорее! Вперед, головой в живую плоть, глаз смыкается и давит, давит, втягивая меня в открывающуюся полость. Внутри. Ну, по большей части. Одна ножка застряла. Еще одна волна давления, и я свободна. Свободна от ножки. Неверно, нельзя освободиться от собственных конечностей. Они принадлежат тебе. Они — это ты.

Хотите знать, больно ли это? И да и нет. Не в том смысле, в каком вы понимаете боль: если вам наступят на ногу или прищемят палец, вы, оцепенев, потеряете дар речи. Моя боль либо прекратит мое существование, либо нет. Нога остается позади, а все остальное пробирается дальше в полость. Существование продолжается.

Меня качает, бьет, швыряет. Трясется мир внутри человеческой головы. Земля вращается со скоростью более четырехсот метров в секунду, а мы этого не чувствуем, но женщина встает, и это

сбивает меня с ног. Когда тряска заканчивается, долго еще стою смирно, не щелкаю и не чпокаю, изучая окружающую среду. Никто не замечает мои первые робкие пятиногие шаги в человеческое состояние. Тут нет колонии, нет Ки, нет строя. Все не так, как прежде. Нет понимания того, что сделано. Только необходимость быть здесь.

Тут есть еда. Запахи заставляют меня забыть об исследовании. Их так много, и все новые, но один, тот, что позвал в ночи к кровати, ведет меня по этому лабиринту. К задней части мозга женщины пристала мягкая опухоль, ее легко отличить — у нее иная текстура. Замысловато переплетенные влажные отростки врастают в аккуратную плоть мозга. Вот он, источник хаоса и разложения, запаха, перекинувшего мост через пропасть, разделяющую мою и ее жизни.

Вы гадаете, возможно ли такое. Однако вы ведь не считаете животными миллионы бактерий, населяющих человеческое тело, и даже клещи, живущие в ресницах, слишком малы и безобидны, чтобы их существование всерьез вас беспокоило. А вот клопы кусаются. И блохи тоже. Этих насекомых вы замечаете: их можно разглядеть, как и оценить ущерб, который они наносят. Но они не живут у вас внутри, они лишь кормятся

вами, как пиявки, клещи и комары. И летучие мыши-вампиры. Кровососущие. Это вовсе не должно казаться вам отвратительным. Люди ведь и сами не прочь отведать крови. Кровяная колбаса. Стейк средней прожарки. Кровь ваших врагов, кровь ваших героев. Пресуществление. М-м, как вкусно.

Но жить внутри — это совсем другое. Вы читали о грибках в ушах, пауках под кожей, ленточных червях в голове. Вы вспоминаете эти истории и пытаетесь отделить правду от вымысла, научные факты от мифов. А тут у нас существо, поедающее опухоль мозга. Ничего о таком не слышали?

Сознание внутри сознания. Если, конечно, прежнюю меня можно считать сознательным существом. Каковы их необходимые признаки?

В наличии имелась чувствительность, ощущение принадлежности к колонии, понимание своих обязанностей, стремление выжить, функционировать. Но это не все. Была еще преданность королеве, чувство удовлетворения, когда удавалось найти хорошую пищу для детенышей, умение создавать ровные туннели. А еще была Ки. Мы с Ки. Были некие грани опыта, которые прежней мне казались врожденными. Возможно, это было нечто антропоморфное. И вот, оно меня

очеловечило. Теперь вы в *моей* голове.

Человеческая особь знала обо мне. Со временем я начала ощущать ее воспоминания так же отчетливо, как гул, разносившийся над колонией, когда откладывались новые яйца. У нас не было тайн друг от друга. Ее сны были моими снами. Она боялась, страдала от боли, но вместе нам удалось обрести спокойствие. Она не могла прочесть мои мысли, как вы сейчас, лишь почувствовала, что все изменилось, и примирилась с этим. Она умирала, но ей пока рано было заканчиваться. У нее еще оставались обязательства, любовь и верность. Нам предстояла большая работа.

Так вышло, что вскоре после того, как прибыла я, у нее прекратились головные боли.

Но мы забегаем вперед.

Топ-топ-топ вокруг опухоли. Ощутить влажную липкость снизу и плотную тугую структуру сверху. Вот это — чтобы двигаться, это — чтобы дышать, это — ощущать принадлежность, к колонии, например. Но хаотично наваленное скопление еды передо мной тут явно лишнее. Моя задача навести здесь порядок: начну с краев, с более свежих побегов, давящих на расположенную под ними мембрану. Когда первый голод утолен, работа замедляется. Здесь нет детены-

шей, которых нужно кормить. Некому отнести еду. Пробираюсь дальше в пещеру, по стеночке, прячась от пульсации мозга. Щелканье и чпоканье звучат все тише — в лабиринтах плоти звук разносится плохо, к тому же отправлять сигналы все равно некому. Ки меня не услышит. Услышит ли хоть кто-нибудь?

Человеческая особь живет своей жизнью, и вскоре движения ее становятся мне привычными. Отдыхаю, когда она трудится, и тружусь, когда она отдыхает. Как-то ночью я откусываю кусочек опухоли, а она начинает шевелиться. И тут случается нечто — электрический разряд бьет по моим антеннам четко, как крылатый самец, жалит в голову, сбивает со всех моих пяти ног. Волной меня отбрасывает назад, а когда проходит первый шок, вдруг становится ясно: она напугана.

Страх. В колонии мы знали, что такое опасность, все разом ощущали прилив тревоги, когда надвигались хищники. Чувства обострены, антенны ловят сигналы. И весь строй вдруг пускается бегом, словно подхваченный ветром. Но этот страх был иным. Мне опасность не угрожала, страх испытывала она. И хотя ощущения мои были физическими — меня ужалило и толкнуло,

осознание страха было не чувством, а мыслью. Ее мыслью, а теперь и моей.

Были ли у меня мысли раньше? Кто знает? Может, и были. Вы способны вспомнить свою первую мысль? А точно указать момент, когда она вас посетила? Эта мысль явилась мне в определенный миг. И принадлежала она ей.

Ее пугала наша ситуация. Она вспомнила первую ночь. Чувство, что ее укусили или ужалили. И ту боль, что мучила ее до моего появления. Болела голова и шея, немели конечности и спина. К горлу подкатывала тошнота. Она боялась, что больна. Или, может, не больна, но несчастна. Боялась, что болезнь не позволит ей иметь детей, что она никогда не станет матерью. Боялась, что умирает или сходит с ума. Или и то и другое сразу.

Мысль складывалась из идей, воспоминаний, ощущений. И мое сознание задевал каждый ее фрагмент, оставаясь пока незнакомым, но понятным, как первые впечатления о колонии, когда только вылупишься из кокона. Новый мир, состоящий из мельтешащих кусочков.

Возможно, теперь, когда мои мысли попали в голову вам, вы тоже это чувствуете. Вы еще не до конца знакомы с моим миром, но уже идете на запах. У вас есть все, что вам нужно. Разведите

руки и вообразите щелканье и чпоканье. Выгните спину и закройте глаза. Позвольте звукам и запахам рассказать вам, где вы. Мои мысли — это ваши мысли, как ее мысли были моими.

Мы были связаны, вместе со всеми ее страхами и надеждами.

Рейчел.

Ее индивидуальность. Вот что поразило меня затем. Мысли ее нередко — особенно в первые дни — доходили до меня всполохами, смазанными и нечеткими. Но в центре каждой всегда улавливалась уникальность ее собственного «Я». И пусть многие ее рассуждения были мне непонятны, их ядро всегда работало на меня, окрашивало мое видение так же ярко, как растущая луна освещала нам той ночью путь в ее спальню. Это было осознание отдельной личности.

Непросто будет донести до вас необъятность этого понятия во всей его полноте, ведь в большинстве своем, не считая двойняшек и тройняшек, вы все родились с осознанием собственной индивидуальности. Так что придется вам приложить немалые усилия, чтобы понять ту великую перемену мироощущения, что произошла во мне в момент проникновения в сознание Рейчел.

Лучший способ растолковать вам суть этого

сдвига — предложить рассмотреть сходную ситуацию. Возможно, кому-то из вас доводилось лежать под звездным небом или покачиваться на волнах океана и внезапно осознавать, как огромен мир вокруг и как незначительна в нем ваша роль. Вы неожиданно понимали, что ваша жизнь ничтожна и случайна, и обязаны ею вы лишь стечению обстоятельств и изобретательности вашего вида. Озарение это казалось вам таким глубоким, таким удивительным и оставалось с вами на долгие годы по одной простой причине — оно шло вразрез с вашим привычным мировосприятием. Большую часть жизни вы провели, ощущая собственную значимость, считая, что ваши поступки и решения имеют вес и последствия. Переживали из-за сгоряча брошенных слов и поспешных действий. И воспринимали жизни других только в контексте их связи с вашей. Жизни ваших родителей, ваших детей, ваших друзей. Собственная жизнь казалась вам чередой побед и поражений. Вот что имело для вас значение. Выиграть гонку, соревнование, войну. Заполучить любимого человека или дело. Спасти жизнь или планету. Но, думая о планете, вы думаете о людях. Желая победы, не учитываете поражения других. Мечтая о любви, гадаете, кто полюбит

вас в ответ.

Ваше восприятие мира эгоистично, вы сосредоточены на собственном выживании, на следовании своему коду. Вселенная вращается вокруг вас. Но вот однажды вы оказываетесь в одиночестве на вершине горы или на дне кратера и внезапно постигаете все величие моря или бесконечность звездного неба. И тогда телескоп переворачивается, ваше уникальное «Я» разлетается в пыль, и уходите вы, унося это озарение с собой и стараясь сохранить его в памяти навсегда.

Вспомнили?

Вот каково мне было ощутить «Я» Рейчел; это перевернуло мою картину мира. Но если ваше прозрение давало вам понять, как мала ваша роль в окружающем мире, мое заставило меня ощутить, насколько она грандиозна. Я впервые увидела мир изнутри, а не снаружи. Вот каково было почувствовать себя личностью.

Вы, вероятно, полагаете, что это приятное ощущение. И в самом деле, тут был и восторг, и трепет от предчувствия опасности и удовольствия. Но все затмевало головокружительное одиночество, вместе с которым пришло осознание, что некая часть меня уже заглянула в бездонную пустоту и

решила в нее спуститься. Почему мне не пришло в голову сбежать? Почему тишина, порожденная моей оторванностью от сородичей, не поманила меня назад?

Вскоре мысли Рейчел угомонились, моя связь с ее «Я» ослабла, и паника отступила. Вернулось что-то вроде прежней меня, вспомнилось, сколько впереди дел, и стало спокойнее. Такой отныне стала моя жизнь. Все мысли — Рейчел или мои собственные — смыло потоком спинномозговой жидкости.

Какое-то время после первого потрясения жизнь моя текла, как и раньше. Из толстой мембраны, располагавшейся за опухолью, получилась уютная постель. Стоило Рейчел утром проснуться, как меня валил с ног сон. Теперь, вдали от колонии, спалось особенно сладко. На смену не прекращавшемуся тиканью сестер пришел глухой стук сердца Рейчел и мягкая пульсация покоившегося в костяном футляре мозга. Пробуждение наступало, только если Рейчел переставала двигаться.

Топ-топ-топ по краю опухоли. Под ногами гудят крошечные впадины и выступы. Откусить кусочек и отложить в сторону. Чувствовать стоящую рядом в ожидании своей очереди Ки, а после

вместе шагать домой, быть частью строя, частью нерушимого порядка. Без Ки работать тяжело. Но ритмы этого мира очень соблазнительны. Здесь нет ни голода, ни жажды. Мой зоб всегда полон. И тело стало сильнее, хоть у меня и осталось всего пять ног. Но вот это происходит снова.

Кусаю новый побег, образовавшийся в передней части опухоли. Тонкий усик, что тянется сквозь мембрану к более нежной ткани. Челюсти впиваются в нежную плоть — и вдруг вспышка, электрический разряд, жар, свет, меня ослепляет, оглушает, опрокидывает и отбрасывает в сторону. Так оканчивается первая часть моей жизни.

uses sysutils;

Видения наполняют меня красками и ощущениями. Ее ощущениями, воспоминаниями о детстве, мечтами о будущем. В них таится множество идей, мыслей, эмоций. Они так быстро проносятся сквозь меня, что осмыслить их невозможно, внутри остается лишь смутный осадок. Грусть, радость, запах лимонной цедры, упоительное прикосновение кожи к коже, вкус хмеля, соли, мерцание пылинок в солнечном луче, проблеск надежды. И все они, эти непроработанные вспышки, оставляют во мне, все еще оглушенной ударом, свои следы. Когда все заканчивается, мне

остается только без сил валяться на мембране.

Замершей. Окоченевшей. Измученной. Это какая-то новая… боль. Не похожая ни на что, мной уже испытанное. Нечто твердое, острое застряло внутри. В том, что смешалось и перепуталось. Нити из другой жизни. Жесткие, как мех лисы, истекшей кровью. Жизнь Рейчел, яркая и холодная.

Она помнит меня.

Поднимаюсь на ноги и оцениваю нанесенный ущерб. Чувствую оторванную ногу и все остальное, что было мной утрачено. Антенны гнутся под тяжестью информации. Ослепляющая вспышка, связь с ней, ощущение нарастает, чтобы исчезнуть так же внезапно, как появилось. Исчезает все, кроме воспоминаний и вот этого, этой боли.

Нам больно обеим. Боль идет из ее головы, а теперь еще и из моего тела. Прошивает нас насквозь. Мое новое знание о внешнем мире подкармливает и дает напиться прежнему. Жизнь Рейчел вливается в мою. Мы обе заражены смертью.

begin

Который час? День теперь или ночь? Мы не спим. Волны бьются в мембрану, омывают извилины, плещутся в тонких усиках опухоли. Боль

нарастает и стихает. У нас еще много работы.

В колонии туннели прокладывались быстро. Надавить, разрыть землю, утоптать, повторить. Надавить, разрыть, утоптать. Вот и дорога готова. Но края опухоли влажные, и работать тут не так просто. Каждый кусочек приходится выносить из туннеля. Помочь мне некому, и дело движется очень медленно. Аппетита нет, но в грудную клетку, скелет, череп вгрызается смутный голод — перестать чувствовать и чувствовать еще больше. Каждый откушенный кусочек приносит надежду.

К ногам липнет кровь. Мозговая жидкость захлестывает суставы, мешая двигаться. Толкай, толкай. Вгрызайся в плоть, вспоминая вкус и запах внешнего мира, ее мира. Жажда большего. Ощущение, что это было предначертано с первой ночи, что в этом-то и был смысл. В этой острой потребности спасти наши жизни.

Вскоре все повторяется: меня снова бьет электрическим разрядом. Чем глубже погружаешься в опухоль, тем чаще это происходит. Волны информации и ощущений. Сверкающие пузыри на намыленной руке, скрип лестницы под ногами. Разочарование и утешение, облегчение и унижение. Родители, машины, зубная паста.

Политика, поэзия, праздники, споры. Боудикка, Линукс, «Унесенные ветром», Демократическая Республика Конго. Лак для ногтей, библиотеки, Рождество. Элиза.

Хватаюсь за каждую мысль, за каждое чувство. Энциклопедия Рейчел. Из одного понятия вытекает другое. Запах трав — это базилик, базилик — Италия, Италия — тосканский роман, непокорные волосы, неистовый секс, слезы расставания, письма, имейлы, Фейсбук, обещание, ревность, семья. И каждый из этих пунктов может увести совсем в другом направлении. Электрический пульс жизни. С каждым укусом, с каждым разрядом смерть отползает все дальше.

Так продолжается много дней. Туннель все длиннее. Вычерпать плоть и снова потянуть за электрический провод, обвивающий волокнистое желе. Посмотреть документальный фильм о дикой природе. Узнать о Моцарте. Прослушать Элизино сообщение на автоответчике. Вспомнить первый глоток морской воды. Слушать, учиться, чувствовать, вспоминать. Каждый следующий разряд слабее предыдущего, а связь наша все крепче, и, наконец, приходит время, когда удары становятся не нужны. Мы — одно целое. Все, что чувствует Рейчел, принадлежит

мне. Все, что знает она, известно и мне. Только ее мимолетные мысли мне недоступны, пока не сомкнуты мои челюсти. И каждый, даже краткий, контакт с потоком ее сознания лишает меня сил.

Отдохнуть. Подождать. Осмыслить. Маленьких усиков больше нет. Опухоль перестала расти. Наша боль стала воспоминанием, мигрени прекратились. Мое тело лежит в одном из меньших туннелей, пресыщенное, измученное, но разум мой видит все. Все, что знает и видит Рейчел, и намного больше. Ведь все, что она вспоминает урывками, отдельными вспышками, в любой момент можно воссоздать. Книги, разговоры, лекции, фильмы, письма. Мне доступна каждая мысль, хоть раз приходившая ей в голову. Во мне живет вся история человечества в целом — и Рейчел в частности.

Лежа в туннеле в голове Рейчел, пытаюсь думать о Ки, но ее больше нет. Нет колонии, нет моего прежнего мира. Вкус лунного света, шепот травы, топот множества идущих строем ног кажутся теперь далеким прошлым. Куда мне идти отсюда? Здесь еще есть работа, а в коде моем по-прежнему записана необходимость трудиться. Теперь, когда у моих ног, простираясь до самого горизонта, лежит весь мир, меня успокаивают

привычные повседневные обязанности.

Каждый день откусываю еще понемногу. Теперь, когда у меня есть доступ ко всем воспоминаниям, замечаю только перемены настроения. Оно от многого зависит — от гормонов, социального взаимодействия, погоды. В жизни человеческой особи много стрессов, а с меня довольно опухоли и мозговых волн, и потому разум мой старается выбрать конкретную мысль и сосредоточиться на ней. За брошенными вскользь замечаниями я не слежу. Мать звонит ей издалека, и под гнетом захлестывающих нас чувств я не могу понять, в какой стране та находится и какую тему хочет обсудить. Есть что-то новое, и Рейчел это скрывает. От матери и от самой себя. Это притворство изматывает нас обеих, опутывает надеждой, желанием, горькими воспоминаниями с миндальным привкусом смерти и страха. Оставляю Рейчел ее матери.

В голове моей сейчас струнный квартет си-бемоль мажор Томазини, сотни бабочек, танцующих над полем на исходе лета, иллюстрация к «Нашему общему другу», изданному «Пингвин букс», рецепт лаймового пирога, текст из учебника по географии и карманные часы. Все эти образы плавают в сознании Рейчел, но ни на

чем конкретном она не останавливается. Мне нравится исследовать их, пока ее ум вдруг не замкнется на чем-то конкретном и о чем-то другом думать станет уже невозможно. Челюсти мои в это мгновение разжимаются, чтобы отхватить кусок побольше, и отсутствие контакта с мозгом Рейчел позволяет мне и дальше топать вперед и рыть свой туннель. Но не заметить изменения температуры и притока мозговой жидкости нельзя. Что-то случилось, и она из-за этого переживает.

Несколько секунд изучаю изменения, произошедшие в ее сознании, но понять, что это за событие, не успеваю — меня подхватывает волна жидкости и несет вниз, к коре головного мозга. После потери ноги мне трудно сохранять равновесие, раньше меня частенько сбивали с ног электрические разряды, но приливом еще никогда не уносило. Стараюсь встать на ноги, борюсь с утягивающим меня все дальше течением. Мои знания о теле Рейчел ограничены общими сведениями о человеческой анатомии, почерпнутыми из просмотренных ею научно-популярных передач и моих собственных поверхностных исследований. Слышала, что где-то должен быть смертоносный желудочный сок и другие жидко-

сти, способные разрушить даже мой панцирь, но может ли такое произойти на самом деле, мне не известно. Кружась, несусь в потоке, льющем от шеи вниз. Лежат ли другие ее органы так же, как мозг, в мешочках, за мембранами? Или их удерживают на весу те веревки, что цепляются к позвоночнику? Время на исходе. Барахтаюсь в вязкой жидкости, ощущая притяжение неизведанных глубин. Наконец, мне удается добраться до полости в верхней части позвоночника и отчаянно вцепиться челюстями в костную стенку. Поток проносится мимо.

Меня накрывает чувствами Рейчел, такими же сильными, как течение. В ней бушуют эмоции — разные, а не какая-то одна, — и все они извергаются в ее кровь. Мысли и образы мелькают слишком быстро, чтобы за них можно было ухватиться. Здесь, в маленькой пещерке, стук ее сердца, не заглушенный толстым слоем плоти, слышится отчетливее; но он здесь не один. Стучит что-то еще — стучит быстрее, но тише — барабанит в наше сознание, как капли дождя. Тук-тук, тук-тук: стук нового, отчаянно цепляющегося за жизнь, сердца, пульс новой жизни.

```
writeln (‘Current time: ‘,
TimeToStr(Time));
```

До конца беременности и еще какое-то время после родов жизнь была проще. Опухоль перестала расти, мое место по-прежнему было у нижней мембраны, работа шла своим чередом. Мы не страдали от головных болей, а недолгий период тошноты и головокружений был вызван поначалу гормонами, а затем усталостью. Включаться в сознание Рейчел стало приятно. Мысли ее остались такими же спутанными и многочисленными, как и раньше, но теперь в ней ощущалась удовлетворенность и сосредоточенность — у нее внутри рос ребенок. Мне же приходилось разрываться между двумя противоположными задачами, требовавшими от меня практически одинаковых усилий. Пускай опухоль теперь находилась под контролем, хаос, расцветавший вокруг упругой плоти, упорно манил к себе.

Если вы задаетесь вопросом, почему эта цель продолжала притягивать мое внимание даже после того, как мои знания вышли далеко за пределы непосредственной области обитания, вообразите себе, что вы выросли в замкнутом мирке — на ферме или в семейном хозяйстве. Вы знаете свои обязанности. Каждый день работаете на благо сообщества и не размышляете о своей роли в нем, думаете лишь о том, удалось вам вы-

полнить свою задачу или нет. Члены коллектива знают, чем вы занимаетесь, делят с вами пищу и кров, общаются. И вопрос о том, нравится ли вам такая жизнь, даже не возникает, поскольку вопросы предпочтений в вашем коде не прописаны. Просто такова ваша жизнь. Но однажды какой-то дефект, ошибка или более удачливый в генетической лотерее код сбивает вас с пути. Вы получаете незнакомый сигнал — назовите его интуицией, если хотите, — приказывающий вам сломать шаблон и бросить привычную жизнь. Теперь у вас новая работа, требующая от вас использования всех ваших навыков, но на этот раз вы работаете один. Учите новый язык, разрабатываете эффективные методики, ставите перед собой цель, успех или неудача в достижении которой будет зависеть только от вас самих. Голоса в вашей голове сменяются вашими собственными мыслями и чувствами. Так что случится, когда цель будет достигнута? Вы ведь уже не сможете вернуться к прежней жизни. И дня не продержитесь.

Вам доводилось слышать этот зов. Долгий брак, маленький городок, выматывающая работа. Кто-то из вас пошел за ним, кто-то не стал ничего менять. Тут нет верных и неверных решений.

Мой выбор вы знаете, если, конечно, он у меня был, этот выбор.

В любом случае поначалу это не имело значения. Да, работа была почти закончена, никакой новой цели передо мной не возникло. Теперь у меня больше не было неотложных дел, зато появилась способность анализировать, а над моим положением стоило поразмыслить. К тому же был ведь еще Артур.

Стук нового сердца сбивал меня с толку во время работы, антенны дергались из-за участившегося пульса, изменившийся гормональный фон будил разные чувства. Индивидуальность Рейчел, так впечатлившая мое пробуждающееся сознание, постепенно разрушалась. Не раздваивалась, а распадалась. С появлением сына Рейчел начала постепенно избавляться от защитного слоя, отделявшего ее сначала от Элизы, а потом от ребенка, и чем сильнее она расслаблялась, тем крепче становилась наша связь. Теперь, когда мои челюсти смыкались в ее плоти, мне удавалось проникать и в ее сны. Мне снилась колония, а она видела во сне меня.

Просыпаясь, мы возвращались в свои раздельные тела и радовались, что живы. Там, в колонии, моя жизнь давно бы уже подошла к концу, мой

труп сохранили бы, а мое место заняли представители следующих поколений. Пережить несколько сезонов дано лишь королеве. Наверное, можно было сказать, что здесь, вдали от дома, в процессе создания того, что в некотором роде являлось моим собственным муравейником, мой статус изменился. Ко мне постепенно приходило осознание, а вместе с ним — мысли о Ки и том расстоянии, что теперь разделяло нас. Никого из известных мне членов колонии уже не должно было остаться в живых.

Мои чувства к Ки теперь имели название, но разобраться, возникли они из слов или существовали раньше, только безымянные, было трудно. Конечно, понимание, что Ки потеряна для меня навсегда, принесло мне новую боль, и познание стало казаться скорее проклятьем, чем благословением.

Топ-топ-топ. Вперед к личности Рейчел. Услышь зов неведомого, ощути вкус новой жизни. Неустанно пульсирующий ритм, песнь человеческая, гимн. Сдвиг в ощущениях, обострение чувств. Новые, незнакомые клетки, в ней растет мужской код. Откусить кусочек, сохранить. Топ-топ-топ.

День, когда рождается ребенок, сравнить мож-

но лишь со штормом или пожаром. Бушующий ад обрушивается на наши тела, а потом выбрасывает их на берег умирать. Мы отчаянно стараемся дышать, мальчик теперь без кокона, Рейчел похожа на королеву после того, как та отложит яйца. Мы выложились.

begin

Через три месяца после родов опухоль снова начинает расти. От меня, занятой ежедневными заботами о младенце Артуре, укрывается появление новых побегов, и впервые мы с Рейчел чувствуем их, когда она однажды замирает посреди кухни. Зверь снова выпустил когти. Несколько минут она просто смотрит на болтающуюся на краю окна паутинку, и в голове у нее пусто, как у меня в зобу. Пора вернуться к работе.

Копать, углублять, кусать, маркировать. Вгрызаться в насыщенную кровью плоть. Что-то отложить, что-то сдвинуть, позвать на помощь. Но никто не приходит. Да и кто мог бы откликнуться? Точно не мои павшие сестры. Точно не правнучатые племянницы. Мой запах рассеялся, а голос сорван. Взрывать, кусать, утаптывать. Одной. Без товарищей. Никем не услышанной.

Но он видел меня, не в глазах матери, нет. Чувствовал каждой клеточкой. Он заглядывает

матери в лицо и слышит мою песню в вечернем ветерке. Муравительно. Муравительно.

Так проходят годы. Мы справляемся. Ребенок расцветает, как папоротник, а мы даем ему тень и солнце. Но опухоль тоже уверенно растет.

begin end.

В последний день холодно. Она наполняет водой ванну и берет книгу. Почитаем вместе. На ее ступни льется горячая вода. Разобрать слова трудно. Мы ждем. Нет больше агонии и боли. Ледяного холода, просачивающегося из костей в вены. Только это. Теплая вода и слова на странице, рассказывающие нам об окружающем мире, о том, что было, есть и будет.

Она думает об Артуре и об Элизе, о том, как они вместе лягут в ее кровать. Откидывает голову на край ванны. Очень, очень тяжелую голову. Вспоминает, что, когда они с сыном идут по улице, он сует руку ей в рукав, чувствуя кожей ее кожу, как ее жена каждый день оглядывается в дверях, прежде чем уйти на работу. Вдыхает в последний раз и отрешается.

end

Теперь вы знаете, как все произошло. Пути назад не было, требовалось идти вперед. Вторая часть моей жизни только началась. Мне было

известно все, что знала Рейчел, мир представлял собой колонию после того, как закончилось царствие королевы. Пришло время искать, строить, находить новые источники энергии. Королева умерла, да здравствует королева.

begin

Топ-топ-топ. Иду по черепу. Капает вода, сердце Рейчел молчит. У крови ее теперь необычный горьковатый привкус. Топ-топ-топ. Отыскать полость и прикрывающую ее желеобразную плоть глаза. Туда, в соленое, на воздух, прочь из-под ее кожи. Выйти в мир из новой утробы.

Теперь подождать, пока вернется ребенок. Найти его. Меня ждет новая сущность, новая инкарнация. Это свобода, это сознание. Мои собственные мысли, мои собственные чувства. Мое «Я». Я родилась, и впереди у меня много дел.

5
Клементинум

Что знала Мария

В мысленном эксперименте Фрэнка Джексона описывается Мария, блестящий ученый, чья жизнь прошла в черно-белой комнате. Внешний мир она видит лишь на установленных в комнате черно-белых мониторах. При этом Мария специализируется на нейрофизиологии цвета и изучила всю информацию, имеющуюся по этой теме. Узнает ли она что-то новое о красном цвете, когда впервые выйдет из комнаты и увидит его собственными глазами? И если да, означает ли это, что существует определенный вид опыта, не поддающийся измерению в физических величинах?

Неизбежно окажется, что ее прежние знания были неполными. И в то же время все физические параметры были ей известны. Следовательно, опыт представляет собой нечто большее, чем их совокупность.

Фрэнк Джексон. Философия кусается

Из всех нарядов валяться в постели Рейчел удобно было только в трех, и сегодня она натянула их все, несмотря на то, что лежать не собиралась.

— Я буду рано, и Артура заберу, — сказала Элиза, уходя на работу. И, покосившись на закутанную в три слоя одежды Рейчел, добавила: — Хочешь, включу отопление?

Рейчел, проходя мимо, провела по ее руке кончиками пальцев.

— Одежда лучше.

Элиза замерла в дверях.

— Можешь хоть сейчас не заботиться о планете? — спросила она, не оборачиваясь. — Подумай для разнообразия о себе.

Рейчел не стала ей возражать. Не стоило ссориться с Элизой перед тем, как та уйдет на работу. Кто знает, что принесет им грядущий день? Вот сегодняшний, например. Она приготовила Ар-

туру завтрак, наклеила засушенные листья в альбом, который они вместе сделали, собрала сына в школу. А потом постояла у окна гостиной, глядя, как Элиза уходит. Сегодня будет хороший день.

У нее никогда не хватало времени объяснить толком, что она пытается сказать, думала Рейчел, возвращаясь в кухню. Вот Элиза все делала быстро, могла на полуслове переключиться на новую тему или новое настроение. А Рейчел любила поразмыслить. Остановившись у раковины, она принялась мыть посуду. Рейчел нравилось сначала хорошенько взвесить свои слова. Означало ли это, что она деликатная, слишком деликатная, как утверждала Элиза? Нет, вовсе нет, ей просто не хотелось никого обижать. А медлительность ее к этому никакого отношения не имела, просто она была устроена иначе, чем жена. Что там Грег говорил о разнице между искусственным интеллектом и человеческим разумом? Ах да, эмоции. У компьютера нет эмоций, поэтому он не может принимать решения так же быстро, как человек. А Рейчел эмоции, наоборот, только тормозили.

Она до самых локтей погрузила руки в теплую пену. И вовсе не ради блага планеты она предпочитала шерсть радиатору. Просто она мерзла

изнутри. Даже теперь, кода за окнами расцвела весна, а у нее снова отросли волосы, каждая частичка ее тела страдала от холода. И спасало от этого только одно — надо было лечь в горячую ванну, а потом постараться удержать тепло под кожей подольше, пока холод не выбрался из костей и снова ее не заморозил.

Кажется, только Грег понимал, каково ей. Грег, который с сентября по июль не вылезал из лыжной куртки, а первую свою зиму в Англии вообще носил под шапкой бутылку с горячей водой. Он-то знал, что это такое — гадать, будет ли тебе еще хоть когда-нибудь тепло. Рейчел поначалу смеялась над его вязаными гольфами и теплыми свитерами. В те далекие вечера, когда они всей компанией хохотали, сидя на полу в гостиной, а сама она, беременная, икала над кружкой имбирного эля, заставить Грега снять хоть что-то из одежды могла только серьезная доза алкоголя. Теперь, когда смеяться они перестали, Рейчел скучала по тому, прежнему Грегу. Последние месяцы они виделись редко, и, встречаясь с ней, он каждый раз сжимал ее бедра и невольно вздрагивал, приходя в ужас от того, насколько беспомощной она оказалась перед стихией.

Отныне Грег обходил их дом стороной. Встретив

Хэла, он вовсе не подписывался стать отцом, а в итоге вот как все обернулось. Порой случившееся начинало казаться Рейчел частью хитроумной аферы, которую они втроем провернули, чтобы заставить Грега остаться, потому что так им было удобнее. Подобный взгляд на положение, в которое угодил Грег, тоже имел право на жизнь, а Рейчел старалась быть объективной, ведь ребенка-то больше всех хотела именно она. Но Грег так невозмутимо реагировал на все их разговоры о беременности, как будто познакомиться с англичанином, переехать в Англию, сменить работу и узнать, что станешь отчимом, с самого начала входило в его план. Тра-ля-ля, счастливая семейка. И план этот рухнул, только когда Рейчел поставили диагноз.

Рейчел не хватало Грега. По музеям и галереям ее водил Хэл, Артура из детского сада забирал тоже он. Она же завела альбом, чтобы Артур вклеивал туда свои рисунки и рассказывал ей, как у него прошел день. У нее хватало сил провести с сыном только час или два, и Хэл часто засиживался у них допоздна и забирал Артура на кухню, когда она засыпала. Просыпалась она от запаха выпечки: пирога с кардамоном, шоколадного кекса, орехового печенья или лимонных

тартов с рикоттой; такая еда пробуждала у нее аппетит. Хэл с Артуром приносили ей в кровать тарелочки с десертами и пристраивали их среди книг и подушек.

— Пряники, — объявлял Артур, но выходило у него «бляники».

— Грег их называет коврижками, — пытался исправить ситуацию Хэл.

— Ковришки? — хмурился Артур. — Потому что похожи на маленькие коврики?

Рейчел откусывала кусок имбирного пряника.

— Верно, малыш.

У Грега была очень приставучая манера речи: певучие интонации, протяжные звуки, уютные словечки. Они с Артуром называли это «греговорчики». И теперь, когда Грега больше не было рядом, старались почаще говорить по-греговски, чтобы мальчик рос как будто в билингвальной семье. Он долго еще именовал ковришками все, что появлялось из духовки.

Рейчел сполоснула под краном последнюю вилку и попыталась вспомнить, почему сегодня хороший день. Элиза уйдет с работы пораньше, приведет Артура, и они будут пить чай и смотреть мультики. А потом ее сморит сон, и Элиза поцелует ее в висок. К тому же сегодня ей лучше

— вот же она встала и моет посуду, а затем вытирает каждую ложечку кухонным полотенцем, пока металл не заскрипит. Никакой необходимости в этом не было, она делала это просто для удовольствия. Отчего-то ей казалось, что она продолжается во всем, к чему прикасается, во всем, чем дышит. В натертых стаканах и гладких фарфоровых тарелках отражались лучи неяркого солнца. Сверкающие частички жизни, замершие в пропущенном через фильтр свете. Вот перед ней ее рука. Еще один день. Еще день.

Что-то быстро промелькнуло в уголке глаза. Тик. Тик. Тик. Рейчел качнула головой, вспомнив, что не одна. И все равно сегодня хороший день. Все дни хорошие. И любой из них — праздник, так она теперь считала. У каждого жизненного этапа он свой, у нее же настало время прощальной вечеринки.

Интересно, расскажи она Грегу про праздник, стало бы ему легче ее навещать? Наверное, нет, он ведь и от смерти собственного отца постарался отстраниться. Насколько Рейчел было известно, никаких поминок в Иллинойсе не устраивали; родители Грега недолюбливали гостей. К тому же, наверное, проводить свои последние дни вот так было в какой-то степени кощунственно. С

тех пор как врачи озвучили очередной прогноз, Рейчел старалась ничего по этой теме не читать. Да и не верилось как-то, что существуют книги, где умирающим советуют проводить каждый день так, будто у тебя целая вечность в запасе и ничего тебя не колышет.

Наверное, надо будет посмотреть литературу по этому вопросу, когда она в следующий раз окажется в библиотеке. Они с Хэлом договорились в ближайшее время сходить куда-нибудь вместе, а библиотека с недавних пор стала ее любимым местом. Не какая-то определенная: они обошли уже почти все городские в Восточном Лондоне, а с корочкой Элизы заглянули еще и в несколько университетских. Больше всего Рейчел нравились маленькие библиотеки в жилых кварталах, но их, к сожалению, осталось совсем немного. Новомодные книжные святилища поражали помпезностью; среди томов «Британики» прошлого века уютно расположились компьютерные терминалы. Зато сами книги тут как будто не жаловали, использовали для оформления интерьера, как в какой-нибудь кофейне.

Рейчел натянула рукава джемпера на запястья и оглядела свои ноги. Ступни от плиточного пола отделяла лишь тонкая ткань носка, и пальцы у

нее онемели от холода. Она взяла стакан, пузырьки с лекарствами и пошла на второй этаж.

Поверх выросшей у кровати стопки книг лежал потертый томик в твердом переплете, между страниц были заложены две открытки. Одну Рейчел использовала как закладку, вторую же просто привыкла вкладывать за обложку книги, которую в данный момент читала. Взяв в руки томик, она вытащила первую карточку. Картинка на ней была в стиле Кейт Гринуэй: девочка Викторианской эпохи в длинном платье и ботиночках стояла возле массивной входной двери. Рисунок выцвел от времени, но красный капор девочки, из-под которого выбивались непокорные каштановые кудри, по-прежнему ярко выделялся на фоне строгого серого строения и палевого платья. На оборотной стороне красивым материнским почерком было выведено: *Рейчел, родная, каждый день я жду, что в замке повернется ключ и я увижу свой лучик солнышка.*

Открытку Рейчел нашла в коробке с вещами, когда ее родители в последний раз переезжали.

— Тебе тут что-нибудь нужно? — Свое отношение к содержимому их девонского дома мать выразила, презрительно фыркнув и вздернув подбородок. — Все безнадежно отсырело. Этот

дом пытался всех нас убить.

Рейчел выбрала кресло-качалку и потертый саквояж, набитый письмами. На всех вещах — книгах, пластинках, коврах и занавесках — темнели пятна плесени. Отец разжег во дворе костер и норовил сжечь все, до чего сможет дотянуться. Вместе с соседом они стащили со второго этажа матрас и тоже швырнули его в кучу тлеющих тряпок и книг. А после стояли и смотрели, как он медленно превращается в груду металлических пружин.

— Твой отец пироманьяк, — заявила мать. — Весь в своего старика. Такой же контрол-фрик.

Рейчел наблюдала за мужчинами из окна гостиной, где мать руководила упаковкой вещей.

— А хоть какие-то психические отклонения нашу семью стороной обошли?

Мать смерила ее взглядом:

— Рейчел, не принимай все на свой счет.

Родители уехали из Англии и поселились на северо-восточном побережье Бразилии, со временем обнаружив, что там не менее влажно, только плюс ко всему еще жарко и смрадно. Отец по-прежнему писал картины, а мать, видимо, занималась капоэйрой и накуривалась в уличных кафе. С дочерью они общались в ос-

новном по электронной почте, а с тех пор, как ей поставили диагноз, стали присылать ссылки на статьи о народных методах лечения. Рейчел пыталась им звонить, но мобильный был только у матери, а та либо не слышала сигнала, либо не желала поднимать трубку. «Может, с другими она разговаривает, — думала Рейчел, снова и снова нажимая кнопку вызова. — С теми, кто не умирает или, по крайней мере, делает это не так быстро». Мать неплохо умела ухаживать за больными, но не терпела безнадежных случаев. «Знаю, дорогая, это ужасно, но я просто не понимаю, чего ради стараться, если он все равно умрет». В Форталезе было пять часов утра. После шестого гудка Рейчел дала отбой.

С книгой в руках она вышла из комнаты и стала набирать ванну. Стянула с себя всю свою одежду и накапала в воду розмаринового масла для создания праздничной атмосферы. Но опустившись в ванну и раскрыв книгу, обнаружила, что к ароматному пару все равно примешивается нотка запаха плесени от материнской открытки. Рейчел снова взглянула на марку. Дату разобрать не представлялось возможным, но это было и не важно, самое странное заключалось в том, что марка на открытке вообще была. Зачем мать

написала, что ждет, когда Рейчел вернется домой, если она сама уехала? Она вообще была мастером двусмысленных посланий, комплиментов, приправленных упреками.

«Ты всегда такая *счастливая*, верно, Рейчел?»

Словно она жила счастливо и не стояла за материнской дверью нарочно, чтобы ее оскорбить.

Рейчел сунула открытку между страниц и открыла книгу. В качестве подарка себе она решила прочесть все имевшиеся в библиотеках романы Викторианской эпохи. В подростковые годы она читала что-то из Троллопа и пообещала себе, что обязательно вернется к нему позже, «когда будет время». И вот теперь, устав от Диккенса, Элиот, Теккерея, сестер Бронте и любимца ее школьной литераторши Джорджа Мередита, вдруг обнаружила, что время у нее вроде как есть, а вроде его и нет. В этом и заключалась суть угасания — все становилось одномоментно огромным и мизерным. Время струилось невероятно медленно — в день словно умещалась целая жизнь, и оно же утекало стремительно, как песчинки в песочных часах. Мгновения то сжимались, то растягивались бесконечно, и это ощущение напоминало Рейчел о том, как в детстве она лежала на траве, завороженно глядя в раскинувшееся над ней бес-

крайнее небо и ощущая, как зудит в пальцах рук и ног жизнь. Чувствуя себя одновременно крошечной песчинкой, за которой кто-то наблюдает с вышины, и необъятной, как сама вселенная.

Держать книгу было тяжело. Рейчел сдвинулась к краю ванны и умостила ее на бортике, стерев запястьем пару капель с прозрачной обложки. Ей очень нравилось проглядывавшее сквозь узорчатый пластик белое шелковое платье героини. Элиза не понимала, с чего это Рейчел так увлеклась викторианскими романами. Сама она читала с удовольствием, но только то, что было нужно по работе. Проглядывала все публикации в научных журналах, чтобы быть в курсе новейших разработок. А книги, которыми увлекалась Рейчел, называла отчаянными криками о помощи зрителей, прикованных к стенам платоновской пещеры и вынужденных познавать мир по теням на стене.

— Нам не нужны сказки.

— Каждый раз, когда ты это произносишь, один ангел теряет крылышки, — смеялась Рейчел.

— Ты путаешь христианство с пантомимой, — отвечала Элиза.

Однако Рейчел заметила, что после поездки в Париж на Артуров день рождения она немного

сдала позиции. Там, в парке развлечений, произошло кое-что. Рейчел провела рукой по лбу. В тот день Элиза увидела, Рейчел точно это знала. А как можно не верить в фей, если в голове твоей собственной жены живет дух? Ночью, когда Артур уснул, они сидели на балконе над клумбами в виде мышиных ушей и говорили об этом.

— Он сейчас там? — прищурилась Элиза. В морщинках под глазами собралась осыпавшаяся тушь. — Ты его чувствуешь?

— Не так, как ты себе представляешь. Он все время со мной, как нос или язык. Я не ощущаю его чем-то отдельным. Пока не сосредоточусь.

Самого слова они не произносили.

Рейчел перевела взгляд на книгу и нахмурилась.

Ей не удалось разобрать ни единого слова. Закрыв глаза, она отодвинула книгу подальше. Она ведь не пользовалась очками для чтения. «Раньше не пользовалась», — поправила она себя. Разумеется, опухоль постоянно вызывала какие-то изменения. Нарушения равновесия, памяти, вкусовых ощущений. А после радиотерапии симптомы сменились побочными эффектами. От воспоминаний о маске, тошноте и вечной усталости у Рейчел поджались пальцы ног. Но на зрении

ее болезнь до сих пор никак не сказывалась.

Рейчел открыла глаза. Книга, верно, была написана на иностранном языке. Отдельные буквы она могла разобрать, но складывались они в какую-то бессмыслицу. Вглядываясь в страницу, она вдруг обнаружила, что края букв набрякли, а чернила стали расползаться по бумаге. Строки потекли, исчезая в складке корешка. Рейчел поскорее захлопнула книгу, чтобы удержать внутри слова, мысли и запечатленную на страницах жизнь. Удержать лежавшую за пределами книги смерть. Нужно ли ей еще что-то понять, прежде чем она переступит порог? Заберет ли она все эти истории с собой вместе со своей собственной? Или нужно оставить их тут, как книгу, которую после прочтет кто-то другой? В виске тихонько пульсировало. Муравей был на месте.

В свой последний приезд к родителям — после выздоровления, но до рецидива — по дороге домой с пляжа Рейчел увидела на обочине дохлую лошадь. Вокруг нее деликатно топтались стервятники, дожидаясь, когда можно будет полакомиться. Когда она снова проезжала мимо днем позже, туша уже была обглодана до костей, океанский бриз трепал оставшиеся на них узкие полоски плоти.

— Тут стоит только поцарапаться, и сразу набежит тьма желающих тебя сожрать, — сказал отец. — Смотри, не ходи босиком.

После того случая она стала иначе думать о своем постояльце. Что, если он вовсе не спровоцировал опухоль, а наоборот, учуял запах разложения и пришел пожрать ее болезнь? Вернувшись, она поделилась своей теорией с Элизой.

— Симбиоз? — спросила та.

— Сама подумай, ведь у нас в организме и без того живет множество всяких существ.

— Это бактерии и клещи, и они микроскопические.

— То есть все упирается в масштаб, — кивнула Рейчел.

— Ну ты и через стены проходить не можешь, потому что все упирается в масштаб.

Это было еще до того, как Элиза в парке заглянула ей в глаза и увидела муравья.

— Не все, что с нами случается, можно после воспроизвести в лаборатории. — Рейчел забросила в рот горсть витаминов и проглотила их, не запивая. — Существует ведь автономия воли. И чудеса.

— Правда? — спросила Элиза и отвернулась.

Когда рак вернулся, она не стала напоминать

Рейчел о ее теории, за что та была ей благодарна. И все же Рейчел не отпускала мысль, что муравей каким-то образом старается ей помочь. Может потому, что его появление так тесно переплелось у нее в голове с рождением Артура, одно от другого было уже не отделить.

Рейчел села в ванне, прижала книгу коленями к груди и обхватила их руками. Однажды ночью муравей заполз ей в глаз и изменил ее жизнь навсегда. Первые изменения коснулись Элизы — Рейчел любила ее уже несколько лет, однако та сближалась с ней очень осторожно, мелкими шажочками, и порой сдавала назад. Но с появлением муравья Элиза стала важнейшей частью ее жизни, хотя к тому времени Рейчел уже не смела на это надеяться. Взяла инициативу в свои руки, купила тест на овуляцию и напомнила о разговоре, который состоялся у них с Хэлом несколько месяцев назад. Благодаря поддержке Элизы Рейчел решилась на внутриматочную инсеминацию и со второй попытки забеременела. А потом появился Артур.

В виске перестало пульсировать. Держа книгу в одной руке, другой Рейчел отвернула горячий кран, дождалась, пока согреется, а затем выпустила вентиль и снова взглянула на рассыпавшуюся

страницу. Чернила оказались на месте, и слова вполне можно было разобрать. Рейчел сделала глубокий вдох. Праздник продолжается. Она легла, опять погрузив голову в водяной кокон.

Элиза твердила, что муравей проникнуть в мозг через глаз не может, и вскоре они перестали об этом говорить. Рейчел понимала: Элиза не хочет это обсуждать, поскольку не верит в невозможное, но она-то знала, что оно происходит каждый день. Взять хотя бы их с Элизой знакомство. Стоял вечер пятницы, цветочный магазин уже закрылся, в холодильнике остались только композиции для завтрашней свадьбы. Она задержалась на работе, потому что утром опоздала и не хотела, чтобы ей засчитали меньше часов, а Элиза обернулась, увидела ее за стеклянной дверцей холодильника и спросила, не продаст ли она ей всего один свадебный букетик, чтобы украсить стол ее друга Хэла в его день рождения. Рейчел подумала, что один-то можно, не страшно, только нужно будет завтра пораньше сгонять на рынок за цветами и собрать недостающий букет. И почему-то произнесла это вслух. А Элиза спросила: «На какой рынок?»

И все это случилось только для того, чтобы на следующей неделе Рейчел и Элиза отправились

на рынок вместе, а потом зашли выпить кофе, и завтрак плавно перешел в совместный обед. Каждый раз, вспоминая, сколько звезд должно было сойтись, чтобы они с Элизой оказались вместе, Рейчел убеждалась: невозможное возможно. Чудеса происходят даже в подсобке самого обыкновенного цветочного магазина в Далстоне.

Она не докучала Элизе разговорами о муравье. Сходила к врачу, прошла лечение и дала подруге понять, как рада, что та наконец решилась на ребенка. Ей только одно было нужно: знать, что Элиза ей доверяет; а остальное, думала Рейчел, приложится.

Несколько лет она пыталась научиться как-то общаться с муравьем. В конце концов, они ведь были в определенном смысле партнерами. Рейчел порой задумывалась, что побудило ее сделать то или иное движение, — пуститься бегом, почесаться. Хотела понять закономерность, выяснить, что муравей пытается ей сообщить. Она не лгала, когда сказала Элизе, что чувствует его только иногда. Его присутствие ощущалось отчетливее, когда она оставалась неподвижной, притом замереть нужно было не только внешне, но и внутренне. Случалось такое обычно до и после сна или секса. А еще когда она готовила

или сидела с Артуром, гладя пальчики на его ножках и слушая, как прошел его день. Тут-то и появлялся муравей. Тик. Тик. Тик. Идеальным местом единения оказалась ванна. Так же было и во время беременности — Артур всегда пользовался этим моментом, чтобы устроиться поудобнее, и Рейчел удавалось заметить у себя под ребрами крошечную пятку, а в последние месяцы понаблюдать, как ходит ходуном весь живот.

Тогда она гадала, исчезнет ли муравей после родов. И в первые недели, пока она оставалась дома, учась кормить и укачивать младенца и постепенно свыкаясь с тем фактом, что он теперь не внутри, а снаружи, муравей и правда молчал. Снова затикал он в тот день, когда она лежала в постели, приложив Артура к груди и устроив его головку на сгибе локтя. В свободной руке она держала «Труд всей жизни» Рейчел Каск — книгу, то бесившую ее, то трогавшую до слез. И как раз сделала себе мысленную пометку дойти до библиотеки и взять там все упоминавшиеся у Каск романы (Оливию Мэннинг, например, она не читала), когда в голове знакомо щелкнул резинкой электрический разряд. Рейчел схватилась рукой за то место, где уже заработал миниатюрный метроном. Тик. Тик. Тик.

Волосы, завиваясь мягкими волнами, плавали вокруг лица, ее прежние непокорные кудри битву давно проиграли. Сердце стучало все чаще, резко билось в грудную клетку. Сегодняшний день, вот этот самый момент, был тесно связан с другими. С тем вечером, когда Рейчел впервые поцеловала Элизу, прижав к припаркованной под оранжевым фонарем машине, и ощутила ее миндальное дыхание, едва их губы соприкоснулись. С тем часом, когда Артур появился на свет, выскользнув между ее бедер. Глаза обожгло муравьиной кислотой.

Рейчел вспомнила, как впервые увидела в их старой квартире муравьев, строем выползающих из-за плинтуса и взбирающихся вверх по стене. И масло перечной мяты, которое Элиза купила, чтобы их вывести, но так и не пустила в дело, потому что в ту ночь муравей нашел ее, спящую, и залез к ней в глаз. Укус проник к ней в сон, и, проснувшись, она некоторое время не могла разобрать, что было видением, а что реальностью, и, схватившись рукой за глаз, задыхалась, уверенная: с ней стряслось нечто ужасное.

Вспомнив об этом, Рейчел резко села в ванне, едва не выронив книгу. На пол плеснула вода. Рейчел попыталась успокоиться, но сердце коло-

тилось так сильно, что тряслись руки. Она снова оказалась в том сне. Солнечный день, чья-то длинная тень. Возвышающаяся над ней фигура. Далекий голос Элизы, велящий лежать смирно. Рейчел задержала дыхание. Сейчас ее укусят, кислота обожжет слизистую, а боль из глаза расползется по всей голове. Сгорбившись в теплой воде, она зажмурилась и стала ждать. И в этот самый момент, когда все тело ее напряглось в ожидании муравьиного вторжения, вдруг снова увидела силуэт из сна.

Лица было не разобрать. Человек, облаченный во что-то темное, вид имел слегка потрепанный, но все же внушительный. В шляпе, при галстуке. Она лежала на сонной траве, а он покачивался над ней, открывая и закрывая рот, и солнце било ему в затылок. Слов она не понимала, он говорил на чужом языке, протяжно и заунывно, то ли стихотворение декламировал, то ли читал заклинание. И лицо пряталось в тени из-за того, что солнце светило в спину. Она должна была его разглядеть. Муравей был все ближе, она уже чувствовала подступающую боль. Нужно открыть глаза, взглянуть на него. Рейчел покосилась на солнце, потом перевела взгляд на мужчину, и тот посмотрел на нее сверху вниз. Наконец, она

различила его черты и впервые поняла, кто перед ней. Со смуглого обветренного лица на нее смотрели ее собственные глаза. Содрогнувшись всем телом, Рейчел села прямо.

Она замерзла, вода теперь стала холоднее, чем ее кровь. Рейчел выдернула пробку, отвернула вентиль и передвинулась, чтобы горячая вода беспрепятственно заполнила ванну. Она уже видела этот неподвижный силуэт, этот потрепанный костюм. Видела свое отражение в этих глазах, самых печальных глазах на свете. Самые печальные глаза на свете в самом счастливом месте на земле. Так Элиза ее дразнила. Вот где она его видела. Он был в парке развлечений, кружился на карусели вместе с ее женой и сыном. Элиза с Артуром заняли огромную синюю чашку, а напротив, в зеленой, сидел человек в темном костюме. Рейчел видела, как карусель тронулась, чашки завертелись, Артур восторженно вцепился в руль, за ним маячила озабоченная чем-то Элиза. Мужчина в зеленой чашке сидел с таким видом, словно в сотый раз переживал автокатастрофу. С выражением ужаса, смягченного обширным опытом. Рейчел отвернулась, чтобы перевести дух. Тик. Тик. Тик.

Воды в ванне стало меньше, тело отяжелело,

и Рейчел наклонилась заткнуть слив пробкой. Книга, которую она держала в руке, вымокла, страницы начали скручиваться. Придется заплатить библиотеке штраф. Рейчел подкрутила горячий кран. Все тело онемело.

Человек из сна существовал в реальности.

Она вспомнила тот момент в парке, когда Артур и Элиза вернулись, прокатившись на карусели. Она, как условились, ждала их на скамейке и смотрела, как они идут к ней по широкой дорожке. Артур лавировал в густом потоке людей, а силуэт Элизы был четко виден на фоне сказочного замка. Она шла, жизнерадостно вздернув подбородок, чего давно уже не случалось. Когда Рейчел заболела, Элиза первое время вела себя так, словно давно все знала, а доктора лишь подтвердили поставленный ею диагноз. «Я так и думала, что этим кончится, — как бы говорила она, — это было неизбежно». Рейчел понимала: жена цепляется за версию событий, которая позволяет найти всему рациональное объяснение, а спокойная покорность судьбе лишь вселяет в нее неуверенность. Сама Рейчел всего раз бросила вызов ее стоицизму — во время обеда у сестры Элизы, где та, ни разу не открывшая рот, пока они спорили о природе творчества, внезапно

вмешалась в разговор только для того, чтобы объявить внеземные силы, о которых говорила Фрэн, бесполезной чушью.

— Нам не нужно обращаться к мистике, чтобы описать физические процессы, — покачала головой Элиза. — Все, что происходит в мире, можно постичь.

— То есть ты считаешь, что и мою болезнь можно постичь? — спросила Рейчел по дороге домой.

— Я говорила не о тебе. Но да, разумеется, мы бы давно поняли, что происходит, если бы задумались об этом.

— Ну и кто теперь ударился в метафизику?

— Рейчел, брось. Тебя разве не мучили головные боли? А галлюцинации? К тому времени, как мы дошли до врача, ты уже давным-давно была больна. Просто, — обняла ее за плечи Элиза, — мы были очень заняты. Производили на свет Артура, налаживали совместную жизнь. Но симптомы-то имели место.

Головные боли в самом деле мучили Рейчел еще за несколько лет до муравья. Очередное доказательство того, что его привлекло нечто, уже находившееся у нее в голове. Но галлюцинаций у нее никогда не было.

— У меня никогда не было галлюцинаций.

Рейчел произнесла это вслух, лежа в ванне с книжкой в руках и с закрытыми глазами наблюдая, как Элиза идет к ней через парк два года назад. В тот день все изменилось; Элиза отвела взгляд от Артура и посмотрела на нее так, как никогда не смотрела раньше. Они сидели рядом на скамейке, Элиза взяла ее лицо в ладони и заглянула в самую ее суть. А оттуда на нее глянул муравей.

Это был единственный раз, когда Элиза признала существование «постояльца» Рейчел, и та вдруг осознала, что мужчина из сна вернул ей жену. Они все были связаны, наконец-то она это поняла. Все сложилось: сон, укус, мужчина, глядящий на нее сверху вниз, Элиза с Артуром и тот же мужчина, уходящий от них прочь. Страницы ее жизни шелестели, слова складывались в самые разные комбинации, но все неизменно сводилось к этому моменту.

Дрожь унялась. Сегодня был особенный день, Рейчел поняла это в ту самую минуту, как проснулась и натянула на себя самую удобную одежду, чтобы спуститься вниз и попрощаться с Элизой. Рейчел взглянула на ворох пижамных штанов и футболок, лежавших на полу возле ванны. Сейчас эти вещи казались какими-то нездешни-

ми, словно перенеслись сюда из другого мира. Вода поднималась все выше. Рейчел закрутила вентиль и открыла книгу. Хотелось вернуться в свой воображаемый мир, в свой персональный праздник. Она читала, и тепло постепенно окутывало ее, расплавляя кости. Личный океан мягко покачивался. Слова вливались внутрь, вымывая все лишнее. Голова клонилась все ниже. Она лежала на мягкой траве под солнцем, и Элиза была рядом. Тень ушла, тень человека из парка развлечений, у которого были ее глаза. Тайна, которую мать хранила всю жизнь. Он показал ей муравья. И Артура. И вернул ей Элизу. Хороший день, тот самый день. Сегодня. Завтра. Какая мягкая под спиной трава. А солнце над головой такое горячее. Дотянись и потрогай желтый свет. Рука на фоне неба просто огромная. Весь маленький мир уместится в ладони. Внутри у нее растет Артур. Все упирается в масштаб. Крошечные муравьи маршируют сквозь траву. Голова тяжелая. Тяжелая, горячая, огромная и в то же время маленькая. Вчера. Сегодня. Завтра.

Руки разжались. Книжка шлепнулась в воду, пару мгновений полежала на ногах, затем проехалась по бедру и, зашелестев страницами, соскользнула на теплую эмаль, подняв неболь-

шую волну.

Вернувшись домой, Элиза усадила Артура на диван и пошла наверх посмотреть, как там Рейчел. В спальне оказалось пусто, и она вышла в коридор, окликая жену по имени и предвкушая, как та просияет, увидев ее. Кажется, у нее развилась зависимость от таких моментов.

Стоял ранний весенний вечер, небо за окном постепенно наливалось фиолетовым. В стекло застучал дождь. Свет в ванной не горел, а воздух был влажный от остывшего пара. Тело Рейчел недвижимо лежало в ванне.

Элиза замерла в дверях. И прежде чем смогла перевести дух, вспомнила, сколько раз сердце ее радостно подскакивало, когда Рейчел выходила ей навстречу. Уголки ее глаз приподнимались, на висках проступали морщинки — и означало это, что сейчас ее будут любить, беречь и принимать такой, как она есть. Элиза увидела это так же ясно, как видела всегда, и в то же время не увидела ничего.

Тело наполовину ушло под воду, голова склонилась вперед. Элиза шагнула к ванне и прижала ладонь к молчащему сердцу. Отвела мокрый локон от голубоватого лица и заглянула в открытые глаза. Но никто не глянул на нее оттуда.

Подавшись вперед, она прижалась к бескровным губам и беззвучно выдохнула имя Рейчел в тишине. И словно издалека увидела слезинку, упавшую жене на грудь. Заметив под ногой Рейчел книгу, которую та читала, Элиза выудила ее из остывшей воды. Переплет размок и расклеился, но прозрачная пластиковая обложка не дала страницам разлететься. «Очередная сказка из тех, что Рейчел так любила», — подумала Элиза, проводя пальцами по выбитому на обложке серебром названию. «Сможете ли вы ее простить?»

— Мам? — громко позвал Артур, стараясь перекричать музыку мультфильма.

За обложку была вложена открытка: чернила на обороте расплылись, но выцветший рисунок с девочкой в красной шляпке все еще был виден.

— Сейчас приду, — отозвалась Элиза.

Она положила книгу на коврик и села на пол, привалившись к ванне. Посидела так несколько минут, потом встала, вышла из ванной и закрыла за собой дверь.

6
Зона Златовласки[19]

Китайская комната

Представим, — предлагал Джон Серл, — что я нахожусь в комнате, куда мне передают вопросы, написанные на китайском языке. Мне же нужно составить ответы на них при помощи корзинки с китайскими иероглифами и книги с инструкциями. Серл сравнивал себя с компьютером, следующим заданной программе, и утверждал, что подобную деятельность нельзя назвать мышлением. Ведь компьютер не говорит по-китайски, он просто следует инструкциям.

---

[19] Примечания: 19

Зона Златовласки — в астрономии условная область космоса, определенная из расчета, что условия на поверхности находящихся в ней планет благоприятны для возникновения жизни, похожей на земную.

«Одних формальных символов для наличия ментального содержания никогда не будет достаточно, потому что сами символы не имеют значений (семантических или интерпретационных), пока кто-то, находящийся вне системы, их ими не наделит».

Джон Серл. Искусственный интеллект и китайская комната

Он шагал быстро. Навстречу уже попадались дети и спешащие за ними родители, но переходить на бег ему не хотелось. Обувь не та, дорога влажная, да к тому же тротуар весь усыпан листвой. Влетит на площадку, весь мокрый и запыхавшийся, глядишь, поскользнется и шлепнется, как полный идиот. Ну нет, не так уж сильно он опаздывал.

Народу в школьном дворе было полно. Стайки детей цеплялись за руки и пальто учителей. Родители перекрикивались поверх лохматых голов, сверяя домашнее задание. Руки у всех были заняты сумками, книгами, рисунками и свитерами. «Детская начинка», — подумал Грег. И огляделся в поисках Артура. Возле горки какая-то учительница беседовала с одной из матерей. Грег смерил

взглядом вившихся вокруг них детей и прикинул, что те вроде как могут по возрасту быть одноклассниками Артура. Он подошел поближе и замер, ожидая, когда на него обратят внимание. На Хэла они бы точно обернулись. Его вообще любили натуралки. Выждав пару минут, он шагнул вперед, учительница наконец взглянула на него, и Грег решил воспользоваться шансом.

— Я за Артуром, — сказал он. — Из класса Лоры. Извините. — И покосился на обвешанную сумками словоохотливую мать, которая тут же закивала.

— Артур?

— Да, Прайс. Из класса Лоры, — повторил Грег те немногие сведения, что были ему известны.

— А вы опоздали. По-моему, его забрали Карсонсы. Спросите у администратора. — Учительница снова развернулась к матери.

Грег бросился к зданию школы, на ходу выуживая из кармана телефон. Он впервые слышал о Карсонсах. Нужно позвонить Хэлу! Рубашка прилипла к спине. Их сын ушел куда-то с людьми, которых он в глаза не видел. Только бы Элиза не узнала! Набрав в грудь побольше воздуха, Грег толкнул стеклянную дверь.

— Я ищу Артура Прайса. Должен был сегодня

его забрать. — Чувство вины постепенно оттеснял гнев. Что за безалаберная учительница! — Я его отчим.

— Артур! — позвала администратор, заглянув в один из кабинетов.

И вскоре в дверном проеме показалась тоненькая фигурка его пасынка, а за ним вышел бородатый учитель рисования. Одной рукой схватившись за сердце, вторую Грег протянул к мальчику:

— У тебя все в порядке?

— Ага, — сказал Артур.

— Я не мог тебя найти.

Учитель рисования потрепал мальчика по волосам.

— Забыл, да?

Грег хотел было начать оправдываться, но тут Артур ответил:

— Ага. — И улыбнулся обоим мужчинам. — Я забыл, что ты должен за мной прийти.

— Но мы вас ждали, — добавил учитель, обращаясь к Грегу.

— Я был на улице. Спросил какую-то женщину, а она сказала, что его забрали Карсонсы.

Учитель почесал бороду выпачканными в краске пальцами.

— Это другой Артур.

Грег потянул Артура за руку.

— Понятно. Что ж. Давай-ка доставим тебя домой.

* * *

Они зашагали к дому. Становиться отцом Грег вовсе не планировал. Просто однажды приехал в Лондон на международную конференцию по новым космическим технологиям, познакомился с Хэлом и влюбился. Сам он работал инженером-механиком в корпорации «Новые рубежи», а Хэл владел кейтеринговой компанией, отвечавшей за питание участников конференции. На третьем свидании Хэл рассказал ему о Рейчел и Элизе. Сперму свою он уже заморозил.

— Это большая ответственность, — сказал Грег.

— На мне будет только развлекательная часть, — рассмеялся Хэл. — Дядюшка Тортик.

Но вот со смерти Рейчел минуло уже два года, и все это время Хэл был на подхвате у Элизы, а Грег старался его поддерживать. Не возражал, когда Хэл, Элиза и Артур ездили вместе в отпуск, не жаловался, когда бизнес Хэла стал приносить меньше прибыли из-за его постоянных отлучек. Они даже договорились взять на себя большую

финансовую ответственность за мальчика и подписали все необходимые бумаги на случай, если с Элизой что-то случится. В теории Грег ничего не имел против родительства. Смущала его только практика.

— Что это за другой Артур? — Ему представилась точная копия мальчика, только подстрижен этот двойник был покороче.

— Большой, — скривился Артур. Видимо, быть Маленьким Артуром на детской площадке было не слишком сладко.

На пути им встретился небольшой магазинчик.

— Голоден?

Артур кивнул.

Подойдя к прилавку со сладостями, они принялись разглядывать многочисленные упаковки.

— Шоколад или чипсы. Конфеты не хочу.

— А попить?

— Сок.

Теперь, когда они обозначили некоторые границы, Грег немного расслабился. Себе он взял шоколадный батончик.

Выйдя из магазина, они распечатали сладости. Грег воткнул трубочку в пакетик, и на тротуар брызнули капли яблочного сока.

— Глупая коробка, — подражая уже почти не различимому акценту Грега, сказал Артур, — глу-у-упая.

— Ага, — рассмеялся Грег. Он и забыл, каким пацан бывает забавным. — Хотя глупый тут скорее я.

Артур резко остановился.

— Никогда не называй себя глупым, Грег. Мне так мамуля говорила.

— Все верно.

Он взял мальчика за руку, они перешли дорогу и дальше двинулись по бульвару. Грег любил тут гулять. По обеим сторонам аллеи высились большие дома с высокими створчатыми окнами и темными блестящими парадными дверями. Если они с Хэлом когда-нибудь все же решатся на переезд, он хотел бы поселиться в одном из таких зданий. В доме с историей. Чтобы бывшие однокурсники, приехав в гости, говорили: «Ничего себе, Грег. Да ты совсем британцем заделался».

В общем-то, почти так и было. Он обзавелся британским паспортом, британским мужем, выучился говорить «башмаки» вместо «ботинки», «хвост» вместо «очередь», не забывал просить счет в ресторане. Потребовалось всего-то семь лет — вся жизнь этого мальчика, — чтобы вы-

растить в себе эту новую идентичность. Теперь даже собственная мать путала его с Хэлом, когда звонила им домой. А с тех пор, как умер отец, это случалось довольно часто.

Они шли по бульвару. Артур жевал шоколад, а проглотив кусочек, каждый раз прикладывался к пакетику сока. Хэл подобную еду не одобрял, но Грег сам вырос на шоколадных ломтиках, бутербродах с колбасой и прочей фигне из школьного буфета. И считал, что ограничивать детей вредно.

— Что может понимать в здоровом питании человек, который любит сыр из консервной банки? — фыркал Хэл.

— Глупый.

Артур, неторопливо ковылявший по тротуару, поднял на него глаза.

— Что еще тебе мамуля говорит? — спросил Грег.

— Она ничего не говорит. Она умерла.

Он так и не запомнил, что мамуля — это Рейчел, а Элиза — мама.

— Точно. Значит, она не говорила, что я глупый?

— Правильно, Грег.

— Ох, пацан, ты меня с ума сведешь.

Через несколько месяцев после того, как Рейчел забеременела, они устроили праздничный ужин по случаю переезда Грега в Лондон.

— По-моему, ты очень смелый, — сказала Элиза. — Решиться переехать к Хэлу, хотя ты так мало его знаешь…

— Или везучий, — вставил Хэл.

— Я всего лишь сел в самолет, — покачал головой Грег. — А вы вынашиваете его ДНК.

Хэл рассмеялся:

— Им повезло еще больше.

Они выпили за генетическую лотерею, и Элиза спросила, как Грег относится к тому, что Хэл станет отцом.

— Я вообще-то детьми обзаводиться не собирался, — ответил Грег. — Так что за всех вас я очень счастлив, но сам к подгузникам и близко не подойду.

Рейчел положила руку ему на колено.

— Да не дергайся ты. Вы, ребята, для нас просто РИТЭГ.

— Просто что?

— Рейчел совсем помешалась на космических кораблях с тех пор, как познакомилась с настоящим ракетостроителем, — пояснила Элиза.

— Радиоизотопный термоэлектрический гене-

ратор, — напомнила Рейчел.

— Генераторы вообще-то не моя область. Я занимаюсь посадочными устройствами.

— Клево, — отозвалась Рейчел. — В общем, вы будете дополнительным источником энергии. Но только на случай непредвиденных обстоятельств.

* * *

Когда Грег с Артуром пришли, в квартире было тепло, но Грег все равно разжег газовый камин. Он так и не привык к британской погоде. Здесь, в Лондоне, в стенах домов гнездился холод, даже когда на улице ярко светило солнце. И то, что жили они в перестроенном из склада лофте с неоштукатуренными кирпичными стенами и просторной кухней, где Хэл мог работать, ситуации не улучшало.

— Хочешь, поиграем в какую-нибудь математическую игру?

Артур покосился на компьютер.

— Я забыл правила.

— Разберемся как-нибудь.

Грег придвинул к столу еще один стул и помог Артуру залогиниться. Приятно было что-то делать наперекор Элизе. Она строго регламенти-

ровала время, которое мальчик проводил перед экраном, но против домашней работы ей нечего было возразить.

— Что это? — Артур ткнул пальцем в экран.

Там появилась тарелка с розовыми и зелеными шариками. Ниже помещались кнопки «Вероятно», «Маловероятно», «Возможно» и «Никогда».

— Я бы сказал «Очень трудно», — заметил Грег. — Хоть один с тарелки обязательно скатится.

— Тут написано: «Какова вероятность, что вы возьмете зеленый шарик?»

— Маловероятно.

— Это математический вопрос, Грег.

— В мое время математика была другой.

— Это же твоя работа.

— Обязательно сообщу тебе, когда мы отправим тарелку с шариками в космос. Что хочешь на ужин?

— Что-нибудь, что папа приготовил.

— Хорошо.

Грег отошел к холодильнику и нашел контейнер с едой для Артура. Выбрал тыквенные клецки с горохом и пюре из шалфея. Быть отчимом означало уметь подогревать любовь других. Не то чтобы Грег не любил Артура, просто рядом с Эли-

зой, Хэлом и призраком Рейчел для него почти не оставалось места.

После ужина Грег усадил Артура плескаться в ванну, а сам устроился рядом на полу. Он очень устал физически, сильнее, чем после спортзала, словно краткие моменты, когда требовалось заниматься мальчиком, требовали от него сильнейшего напряжения мышц. «А может, — размышлял он, собирая с пола разбросанную одежду, — все дело в умении жертвовать собой».

— Человек может жить в космосе? — Из-за края ванны показалась голова мальчика во фланелевой шапочке.

— Так мы в нем и живем. Планета, на которой мы находимся, прямо сейчас вращается в космосе.

— А как насчет других планет? Там люди могут жить?

— Могут, если условия им подходят.

Артур сдвинул брови.

— Нам нужна атмосфера, — объяснил Грег, очки запотели от клубившегося в ванной пара. — Кислород, вода, правильная температура. Чтобы было не слишком жарко и не слишком холодно.

— В самый раз.

— Угу.

Голова исчезла. Грег взял полотенце и наклонился над ванной.

— Вылезай, пока не сморщился, как чернослив-вина.

Мальчик лежал под водой с открытыми глазами. Он улыбнулся Грегу и выдул носом несколько пузырей. Грег подождал, пока он вылезет.

— Тогда я мог бы жить и под водой. Только атмосфера нужна.

— Верно. — Грег завернул его в полотенце. — Как в подводной лодке.

— Значит, люди могут жить где угодно?

— Везде, где для них есть подходящие условия. Но они должны быть в самый раз. Как стульчик, миска и кроватка в той сказке.

— Про Златовласку и трех медведей?

— Точно. — Грег вытер Артуру волосы краем полотенца.

— Тогда получается, что и моя мамуля сейчас где-то живет.

— Может, и так.

— Отнеси меня.

Грег поднял на руки теплый сверток и понес в спальню. Мальчик упирался подбородком ему в плечо, влажные волосы терлись о его щеку. Грег отметил, какой он стал тяжеленький. В комнате

он опустил Артура на кровать и полез под подушку за пижамой. Артур лежал, не шевелясь, и смотрел на Грега.

— Я думаю, она в космосе.

— Надевай пижаму, а я пока принесу тебе что-то вкусное.

— Пряники?

— Банан. — Грег направился к выходу.

— И пряники.

— Ладно, один пряник.

— Говори лучше «коврижки»! — крикнул Артур ему вслед.

— Сам ты коврижка, — отозвался Грег.

В кухне он, взяв салфетку, положил банан на тарелку и попытался представить, как все то же самое делает для него отец. Набирает ванну, обнимает, приносит вкусности. Он положил рядом с бананом две коврижки, но потом передумал и убрал одну обратно в пакет. «Вот в чем проблема, — подумал он, — вот почему отец не желал лезть в это. Стоит расслабиться, и вот ты уже кладешь все пряники в одну тарелку».

Когда вернулся Хэл, Грег спал на диване под бурчание телевизора.

— Тяжелый день? — Хэл поцеловал его в ухо и присел рядом.

— Да ничего особенного. Отправил женщину на Луну. Воспитал сироту. — Грег потянулся. — Который час?

— Поздно уже. Там, в зале, был только один выход, так что пришлось ждать, пока все разойдутся, а потом уж начинать уборку. И кстати, у Артура целых три родителя. Он точно не сирота.

— Мне так не показалось. Хочешь вина? — Грег достал бутылку и плеснул Хэлу в бокал.

— Слушай, ты всего один вечер с ним посидел.

— Я не о том. Он хотел поговорить о Рейчел, а я не знал, что сказать.

— Не сомневаюсь, ты нашел правильные слова. Кстати, ты из школы его вовремя забрал?

— Может, нам стоит встретиться с Элизой и еще раз обсудить, что мы будем ему говорить впредь?

Хэл выпрямился.

— Что, так сильно опоздал?

— Мы с Элизой нормально ладим, просто она немного… дотошная. И я хочу заниматься Артуром. Хочу помогать.

— Ты уже два года очень помогаешь, мистер Крутой. Больше, чем помогаешь: без тебя мы бы не справились.

— Чепуха, — возразил Грег, хотя и считал,

что в определенном смысле это правда. Он действительно всем им был нужен по-своему, всем взрослым. А теперь вот и Артуру тоже. — Пацан вырос, он уже на следующей ступени развития. Нам нужно перестроиться.

— Ну хорошо, давай все вместе пообедаем. В следующую субботу.

— Именно пообедаем. Ужина я не вынесу. — Грег закрыл глаза. — И, кстати, я не опоздал.

— Ладно, Суперпапа. Пошли уложим тебя спать.

— А о женщине на Луне послушать не хочешь?

— Давай во время предварительных ласк.

Они отнесли бокалы в раковину. Хэл занялся посудой, а Грег — абрикосовыми меренгами, которые партнер прихватил ему с вечеринки.

— Спасибо, что присмотрел сегодня за Артуром, — сказал Хэл. — Знаю, ты на это не подписывался.

— Ну если будешь и дальше приносить мне десерты… — отозвался Грег.

Артур сидел на высоком стуле и ел чернику. Хэл взбивал яйца для французских тостов. Грег вернулся на свой диван.

— Ты отвезешь меня в школу?

— Угу. — Хэл добавил в смесь щепотку корицы.

— Ладно.

— А что такое?

— Ничего. Хотел еще поговорить с Грегом.

— Мы увидимся на выходных. Или можешь потом позвонить ему по скайпу.

— Грег скайпом не пользуется. Говорит, ему не нравится его прическа на экране.

— Точно. Один или два?

— Три. С сиропом. И маслом.

Хэл положил на сковородку ломтик хлеба и вручил Артуру стакан молока.

— О чем ты хочешь с ним поговорить?

— Он сказал, что мамуля теперь живет в космосе, и я хочу уточнить, где именно.

— Что он сказал?

— Сколько человеку должно быть лет, чтобы он мог полететь в космос? Столько, сколько мамуле? — спросил Артур, не отводя глаз от сковородки в руке Хэла.

— Грег? — Хэл обернулся к дивану.

— Ты сейчас хлеб уронишь. — Артур кивнул на накренившуюся сковородку.

Хэл, опомнившись, поставил ее на плиту. Грег так и не шелохнулся.

— Полетишь со мной в космос? А мама полетит?

— Так, Артур. В космос никто не летит. Ешь свой завтрак.

— Мамуля не могла больше тут жить, ей было плохо. Поэтому она улетела на другую планету.

Хэл взял чашку с кофе и сел рядом с Артуром.

— Мы же обсуждали, что случилось с мамой, помнишь?

Артур кивнул.

— И книгу читали, — продолжал Хэл. — Про барсука.

— Но мамуля-то не барсук. Она Златовласка. И может жить в космосе, если условия ей в самый раз.

Мальчик по очереди обмакнул тост в лужицы подогретого лаймового сока и кленового сиропа на краю тарелки.

— Грег? Ты слышишь? — спросил Хэл.

Грег помахал рукой с дивана.

— Какие мысли?

— А есть еще французский тост?

Наверху завибрировал мобильный. Артур слез со стула и вместе со своей тарелкой пошел к Грегу.

— Мы опоздаем! — крикнул Хэл, взбегая по лестнице. — Артур, у тебя пять минут. И не отдавай ему свой завтрак.

Грег приоткрыл один глаз, и как раз вовремя: мальчик сунул ему в рот четвертинку вымазанного в сиропе тоста.

— М-м, вкусно, — пробормотал он.

Мальчик стоял перед ним со встрепанными со сна волосами и кленовыми усами под носом.

— Умыться перед уходом не хочешь?

Артур отрицательно покачал головой.

— А зубы почистить?

— Не-а.

Тарелка с последней четвертинкой тоста стояла на журнальном столике. Артур сел на диван. Откусил кусок, а остальное протянул Грегу.

— Это будет наш секрет, — сказал Грег.

Хэл вернулся со второго этажа с сумкой Артура.

— Нам пора. — Он покосился на Грега. — С тобой позже поговорим.

Возле двери Артур остановился и подставил голову под свитер, который Хэл пытался на него натянуть.

— Грег, мамуля говорила, что у нас не должно быть секретов! — прокричал он, выныривая из горловины.

— Это та, которая умерла? — послышалось из груды бархатных подушек.

— Ага, — улыбнулся Артур. — Та самая.

Хэл оправил на сыне свитер и сжал его плечо.

— Мы опоздаем.

Через минуту дверь за ними захлопнулась.

В квартире повисла тишина. Грег собрал пальцами остатки кленового сиропа и снова лег. Работа может и подождать. Сначала он хотел пару раз прокрутить в голове разговор с Артуром.

Элиза распахнула настежь французское окно и выставила стол в сад. Неяркое осеннее солнце заливало кухню, но с улицы ощутимо тянуло холодом. Грег недоумевал, как это им удастся высидеть там весь обед. И почему только британцы так любят есть на свежем воздухе? В саду даже уличного обогревателя не было.

— Надеюсь, не замерзнем, — сказала Элиза. — Не хочется упускать такое солнце.

«Раньше в ней было куда больше здравого смысла, — подумал Грег. — А теперь она с каждым днем становится все больше похожа на Рейчел». Может, так всегда бывает, когда твой партнер умирает? Начинаешь перенимать его привычки, чтобы сохранить баланс. Грег попытался представить себе мать с банкой пива в одной руке и молотком в другой. «Так и будешь стоять и в заднице ковырять или все-таки подашь мне

гвоздодер?» Мысленно он пририсовал ей бороду.

— Красное или белое? — спросила Элиза.

Грег заморгал.

— Вино. — Хэл тронул его голову. — Эй, ты в порядке?

— Да, конечно. — Грег вернул воображаемой матери привычный облик — кофту и волосы лавандового оттенка. — Просто задумался о матери.

— Как она? — Элиза вручила ему бокал с вином и осталась стоять прямо перед ним, склонив голову к плечу.

Грег не знал, как это понимать. Он уже привык к британскому сарказму и теперь немного напрягался, когда серьезные вопросы ему задавали с английским акцентом.

— Наслаждается ролью скорбящей вдовы, которую репетировала всю жизнь, — попробовал отшутиться он.

Элиза так резко отпрянула, что он испугался, как бы она не упала.

— Что, прости?

— Я, в смысле… Моя мать… — К счастью, Хэл при первом же упоминании его матери потерял интерес к разговору и теперь разглядывал сад так увлеченно, словно готов был в любую секунду

броситься вскапывать клумбы. — Они с отцом не очень ладили.

— Ох, извини, — закивала Элиза.

— И немудрено. Натуралам нельзя столько времени проводить вместе. Это сбивает их с толку.

— Сбивает с толку?

— Ведение домашнего хозяйства гендерные различия только подчеркивает. Все начинается с мусора: она выносит ведро, а он разбирается с компостом. Она пылесосит, он сгребает листья во дворе. Вечера они проводят порознь: она с девчонками, он с ребятами. Не успеешь оглянуться, вот тебе и война полов. Это же неестественно. Посмотри на Хэла: он умеет взбивать белки и стричь газон. А я умею смотреть.

Повисла пауза, затем Элиза неуверенно рассмеялась. Но все же рассмеялась, отметил Грег, пока они рассаживались за столом. Он плотнее запахнул куртку, разглядывая проступившие на гладком лице Элизы знакомые морщинки. Раньше они часто смеялись. Собирались вместе вечерами, пока у Рейчел рос живот, и казалось, что у всех у них — не только у Артура — жизнь только начинается.

Он положил себе стир-фрай и стал следить за тем, как изменялось выражение лица Хэла, по

мере того как на столе появлялись разные блюда. В первые недели после смерти Рейчел Хэл часто приходил к ним и готовил в ее бывшей кухне, а по выходным приносил еду из дома, пока однажды Элиза не попросила его больше этого не делать.

— Она сказала, им пора возвращаться к обычной еде и обычной жизни, — рассказывал он Грегу. — Но мне нравится для них готовить. Это же моя профессия. Она даже не представляет, сколько еды Артуру нужно.

— Выглядит аппетитно, — произнес Хэл сейчас.

Элиза вспыхнула.

— Я уж думала плюнуть и попросить тебя привезти обед.

— Я бы на твоем месте так и сделал.

— Вот видишь, Хэл, об этом я и говорю, — вставил Грег. — Готовить для тебя просто страшно.

— Тебе тоже доставалось? — спросила Элиза.

— Ну еще бы.

— Это ты про «подкову»? — фыркнул Хэл. — Сэндвич с картофелем фри в сырном соусе?

— М-м, крок-месье. — Элиза передала Хэлу миску с салатом и села к столу. — Я бы не отказалась.

— Вот именно. И Хэлу понравилось. Прошлым

летом, когда гостили у матери, мы даже специально заскочили в Спрингфилд, чтобы он мог попробовать оригинал.

— Исключительно для истории, — заметил Хэл. — Когда придет Артур?

— Мне нужно забрать его от сестры в четыре.

Накручивая на вилку лапшу, Грег задумался, как лучше сформулировать причину, по которой они сегодня сюда пришли. Хэл позвонил Элизе, предложил вместе пообедать и поговорить об Артуре, но в чем именно дело, не объяснил. И с каких это пор им стало так трудно разговаривать? К каждому слову будто бы шло в довесок по двадцать одному грамму чувства вины. Они больше не считали себя друзьями, вот в чем все дело, неожиданно понял Грег. Скорее коллегами по бизнесу под названием «Артур».

— Ты сказал Артуру, что Рейчел была инопланетянка? — Элиза взглянула на Грега поверх бокала.

— Это его слова?

— Ну примерно. Пришел домой и начал рассказывать какие-то сказки, что Рейчел живет в космосе.

— Грег считает, что все самое интересное происходит на Марсе, — вставил Хэл.

Они уже несколько дней спорили о том, что именно Грег сказал Артуру.

— Он спросил, может ли человек жить в космосе. Я ответил, что может — в подходящих условиях. Пацан скучает по маме, вот и придумывает, что она жива, просто находится где-то очень далеко. — Грег перевел дыхание. — Вы, ребята, и сами говорили ему примерно то же самое.

Хэл и Элиза переглянулись, напомнив Грегу его собственных родителей. Он с детства помнил перемигивания из серии: «Ну и кому из нас придется это разгребать?» Солнце то и дело пряталось за рваными облаками. Грег передернул плечами.

— Мы сказали, — начал Хэл, — что она заболела, и ее тело больше не могло функционировать.

— И объяснили ему про смерть, — подхватила Элиза, — про то, что происходит, когда умираешь. Мы не утверждали, что она живет где-то далеко.

Грег выудил из салата имбирь. Так и знал, что в итоге все станут обсуждать не эмоциональное состояние Артура, а то, как он накосячил. Ведь это Хэл и Элиза занимались воспитанием мальчика, виделись с ним каждый день, водили его к психологу. А Грег все время пропадал на работе. Он не был частью привычной жизни Артура. Но с момента их последней встречи почему-то

стал чувствовать, что его роль значительнее, чем просто дублер родителей мальчика. У него вроде как появилась своя роль.

— Разве вы не говорили, что она всегда будет жить в его воспоминаниях?

— То есть ты обвиняешь нас? — нахмурилась Элиза.

— Нет, но мы все твердили Артуру, что Рейчел все еще жива. В метафорическом смысле, конечно. Однако разницы он пока не понимает.

— Может, если Артуру нужно об этом поговорить, нам снова сводить его к психологу? — предложил Хэл.

Грег заметил, как поникли плечи Элизы.

— Не думаю, что ему это нужно. — Он примирительно выставил вперед ладони. — Артур просто хочет говорить о Рейчел без церковной…

— Мы не религиозны, — перебила Элиза.

— Я хотел сказать, без патетики, — пояснил Грег, — без всякого этого позитивного подхода. Особого языка.

— Мы с Элизой говорили с ним об этом во время терапии, — отозвался Хэл. — О том, что гнев и досада — нормальные составляющие горя. Он может испытывать эти чувства, но нам не обязательно их разделять.

Элиза кивнула. Губы ее были сжаты в тонкую линию, и Грегу показалось, что она вот-вот заплачет.

— Не понимаю, почему вам, ребята, так претит, чтобы Артур думал, будто Рейчел в космосе?

— Потому что это неправда, — ответил Хэл. — Как минимум.

— Он может решить, что однажды она вернется. А этого не будет, — добавила Элиза.

Солнце скрылось. На серо-зеленую траву легли длинные тени. По щеке Элизы поползла слезинка, и Хэл взял ее за руку. «Я никогда сюда не впишусь, — подумал Грег, — в этот английский пейзаж. Даже если избавлюсь от акцента и куплю дом с историей».

— Мы сами не понимаем, что произошло, — сказал он. — Так чего же ждать от Артура?

Элиза и Хэл резко обернулись к нему.

— Слушай, не начинай, — попросил Хэл.

— Не в том суть, — покачала головой Элиза. — Конечно, мы не знаем ответов на все вопросы, но наша задача — защитить Артура. Нельзя так играть его чувствами, Грег. Это, блин, просто нечестно. По отношению ко всем нам.

— Минуточку. Как по мне, мы просто заменяем религию всякой вудуистской чепухой, — повысил

голос Грег. — Элиза, я очень сочувствую. Не только тебе, всем нам. Мы говорим, что она умерла, а ведем себя так, будто она по ту сторону зеркала.

Где-то хлопнула дверь, и все обернулись на дом. В сгущавшихся сумерках было ясно видно, как сквозь решетчатые ставни французского окна пробивается теплый свет из кухни.

Хэл поднялся.

— Сейчас будет дождь.

Грег стал помогать ему собирать тарелки со стола. Элиза не двигалась.

— Мне все время кажется, что вот сейчас я зайду в комнату, а она там сидит. Я спать иду, а она стоит в дверях и ждет меня. А руку протянешь — и ее уже нет.

— Это нормально, — сказал Хэл. — Тебе хочется быть с ней, все понятно.

— Но ведь ее тут нет. Грег прав, мы сами ни хрена не знаем. Говорим правильные слова и прикидываемся, будто понимаем, что они значат. — Элиза подняла на них глаза. — А на самом деле не понимаем ни черта.

Мужчины, держа в руках башни из тарелок, уставились на нее. На серебристой столешнице отчетливо заблестели капли дождя. В ветвях деревьев завыл ветер. Грег подумал об Артуре,

Рейчел и трех медведях. А еще о лесе.

— Мы не с той стороны подходим к вопросу, — сказал он. Небо так потемнело, что лиц было уже не разобрать. — Ищем ответы, думаем, что должны все объяснить Артуру. Но это невозможно. Потому что смерть ничего не значит.

Смутный силуэт Элизы стал выше — она поднялась на ноги.

— Для меня значит, Грег. И для Артура тоже. Не смей так говорить.

— Конечно, именно это мы и чувствуем. Но тут как с компьютером. Мы можем загрузить в него всю информацию о том, что такое, скажем, влюбиться, но это не поможет ему понять, что такое любовь.

— Потому что компьютеры ничего не чувствуют! Боже, Грег, ты хоть иногда из офиса выходишь?

Зазвенели тарелки, на плечо Грега легла рука Хэла.

— Малыш. — Его теплое дыхание обожгло Грегу щеку. — Ты сейчас не помогаешь.

— Мы не понимаем, что такое смерть, потому что сами не умирали.

Смутный силуэт Элизы сдавленно всхлипнул. Хэл взял Грега за плечо и слегка встряхнул его.

— Ну хватит, — сказал он. — Может, пора сходить за Артуром? А, Элиза?

На макушку капнуло. Захотелось протереть очки, хотя все равно ничего вокруг было не видно. Они были всего лишь тремя тенями в лившемся из окна кухни желтом свете.

— Мы не можем умереть и продолжать жить, — сказал он.

— Мы не можем умереть и продолжать жить, — повторила Элиза.

— Потому и не понимаем, потому смерть и не имеет смысла.

Грег потянулся протереть очки о рукав и потерял равновесие. Шагнул назад, поскользнулся и, взмахнув руками, рухнул на мокрый газон. Тарелки полетели в разные стороны, застучали о стол и стулья.

— Черт, — помолчав, выругался Грег. — Простите.

— Ты там живой? — шагнула к нему Элиза.

Хэл переступил через осколки фарфора.

— Грег?

— Поскользнулся.

— Да уж, чертовски мокро. — Хэл протянул ему руку.

— Дождь идет, — вдруг расхохоталась Элиза. —

Мы стоим тут в темноте под проливным дождем и говорим о смерти.

— Ага, — отозвался Грег. — Простите, что испортил вам все веселье.

Грег стоял в прихожей и ждал, пока сестра Элизы позовет Артура. Он был неплохо знаком с Фрэн, но проходить в дом все равно не хотелось.

— Хэл сидит у твоей сестры, — объяснил он. — А я сказал, что мне дождь не страшен.

— Там дождь? — сдвинула брови Фрэн. — Почему тогда ты не на машине?

— Пройтись захотелось. Ничего, не сахарный, не растаю. — Грег повел плечами, демонстрируя, сколько на него вылилось воды. — Но эти, британцы, сама понимаешь. Неженки.

— О нет, это не так. Мы раньше в сочельник по дороге в Литэм-Сент-Эннс пикники на обочине М-6 устраивали. Артур! — позвала она, обернувшись к лестнице. — Спускайся давай, он ждет.

Грег улыбнулся и в который раз подумал, как ему повезло, что он породнился с новой семьей Элизы, а не со старой.

По дороге он взял Артура за руку. Дождь теперь лишь слегка моросил.

— Хорошо провел время?

— Ага. Нормально. — Артур раскачивал руку

Грега. — А ты?

— Упал в саду и разбил все тарелки.

Мальчик остановился. Глаза его блестели в свете фонаря.

— Я тоже кое-что разбил. Попало тебе?

— Я не нарочно.

— А… — Артур зашагал дальше.

— А тебе попало?

— Я не виноват. Джо сказал, я глупый, раз думаю, что мамуля в космосе, и я запустил в него игровой приставкой, а она попала в картину на стене, и стекло разбилось.

— Тебе бы поработать над меткостью. Тетя разозлилась?

— Сказала, Джо должен быть со мной помягче, потому что мне сейчас нелегко приходится. А еще сказала, что я не должен сочинять сказки. — Артур ухватил Грега за свитер. — Но я ведь ничего не сочинил, правда? Ты сам сказал, что человек может жить в космосе.

— Сказал, да.

— Если условия ему в самый раз. Как в сказке.

— Да. Но, Артур…

— Значит, она там. — Артур зевнул. — Убежала. Как Златовласка.

Мальчик обнял Грега за бедро и угодил рукой

прямо в синяк. Грег поднял его на руки и пристроил у себя на боку.

— Уф, ну и тяжелый же ты стал, чувак.

До дома оставалось пройти еще две улицы. Грег был почти уверен, что сможет добраться, ни разу не уронив Артура. Мальчик стал задремывать, тело его потяжелело, и Грег покрепче прижал его к себе.

— Почти дошли, парень.

— Мы не знаем, чем кончится, — пробормотал Артур ему в куртку.

— Что-что?

Они поднялись на крыльцо, и Грег стал искать ключи. В прихожей загорелся свет, и по ту сторону стеклянной двери появилась Элиза. Артур протянул ручки к матери.

— Подожди секунду. — Элиза открыла дверь, Артур рванулся к ней, и Грег чуть снова не потерял равновесие. — Вот, теперь иди. — Он потер ребра.

Из кухни вышел Хэл.

— Спасибо, Элз. — Он поцеловал в макушку Артура, уткнувшегося матери в шею. — Давайте в следующий раз у нас?

Элиза улыбнулась и ткнула мальчика подбородком.

— Артур, попрощайся.

Тот помахал рукой.

— Спокойной ночи, Артур.

Хэл и Грег поцеловали Элизу и вышли в сырую ночь.

— Мы не знаем, чем кончится, — сказал Грег, когда они подошли к машине.

Хэл покосился на него, поправляя зеркало заднего вида, и отъехал от тротуара.

— Кто не знает?

— Так Артур сказал. «Мы не знаем, чем кончится».

— Он прав, — кивнул Хэл.

— Вот почему мы не можем понять.

— Это как-то связано с Рейчел?

Грег взглянул на Хэла. Очки у него запотели, и фонари светили еле-еле, а потому лица было не разобрать. Но он четко видел крупную голову, волны темных волос, складку между бровей и короткую бородку, сглаживавшую линию подбородка. Положив ладонь Хэлу на ногу, он ответил:

— Думаю, да.

И слегка надавил ему на бедро. Семь лет. За это время они поженились, завели ребенка, потеряли друга и одного из их родителей, купили дом, сплотились против всего мира. Долгий срок

— столько потерь, столько приобретений. И в то же время короткий — так, небольшая часть их жизни.

Хэл припарковался, и они немного посидели в темноте. Струйки пара, вырываясь изо рта каждого, соединялись в воздухе. Вдалеке видна была бредущая по тротуару женщина с коляской, набитой консервными банками. Мать в Иллинойсе, наверное, как раз вернулась из церкви. Готовит сейчас ужин под телевизор и ждет его звонка.

7
Артулисс

Земля-близнец

Философ Хилари Патнэм изучал вопрос, влияют ли на термин внешние свойства предмета, который он называет, или только значение, которое мы ему приписываем. В созданном им мысленном эксперименте описывается человек, прилетевший на планету-близнец Земли. Вода здесь имеет то же название и те же свойства, что и на Земле, однако обладает другим химическим составом. Говоря «вода», жители планеты-близнеца подразумевают вещество с составом не H_2O, а XYZ, хотя на вид и в их понимании это одно и то же.

«Значения просто не в голове!»

Хилари Патнэм. Значение значения

Когда до посадочной площадки осталось совсем немного, Артур внезапно передумал и взял левее. Следующие несколько минут корабль хаотично вращался в магнитном поле. Он отлетел от

дома на две астрономические единицы, но этот отрезок пути был самым важным — примерно как попасть мячом в корзину во время баскетбольного матча. Артур кивнул. Матери не раз твердили: опаснее всего те последние дюймы, что проходишь перед самым рождением на свет. Ему помнилось, как они обе это говорили, хотя на самом деле, скорее всего, это были слова Элизы. Такое часто случалось. Он видел перед собой лицо Рейчел, но голос слышал Элизин. Оно и понятно, что он вообще мог запомнить в пять лет.

Пилотов учили, что каждое приземление — тоже нечто вроде родов. Ведь их задачей было занести жизнь на голые камни — терра-формы или терра-фобии, как в шутку называли их космогеологи. Артур не считал, что человечество пытается освоить другие планеты по политическим причинам. Люди, думал он, по своей природе достаточно глупы, чтобы постоянно оказываться на грани самоуничтожения, и в то же время достаточно умны, чтобы каждый раз выживать. Он просто был частью решения.

На панели управления замигали лампочки, в наушниках запищало.

— Капитан Прайс, почему вы прервали процедуру автоматического приземления?

— Не переживай, Зед. Мне просто захотелось побыть тут еще пару минут.

— У вас было сто шестьдесят три земных дня, капитан Прайс, — произнес мужской голос. — Пора садиться.

Следующие несколько минут компьютер наставлял Артура, что ему следует делать. Выходило, что они опаздывали. На сколько же он отлучался в последний раз? Его должны были разбудить сразу, как истечет максимально разрешенное время сна. Трое суток в стазис-капсуле, жизненные показатели постоянно контролируются, питательные вещества поступают внутривенно. Во время учебы и предыдущих, более коротких полетов он всегда просыпался бодрым, без каких бы то ни было когнитивных нарушений. Но в этот раз, примерно через месяц после начала путешествия, стал отчего-то бояться бодрствования и, просыпаясь, каждый раз тоскливо таращился в крышку капсулы, словно школьник, понимающий, что настал новый учебный день.

Сердце колотилось как бешеное. Артур прижал ладонь к груди.

— Капитан Прайс, вам необходимо вернуться к посадочной площадке. Нужна ли вам помощь? Датчики фиксируют повышенное артериальное

давление. Мы рекомендуем вам немного освежиться.

Корабль медленно развернулся, по палубе скользнул серый отсвет от Деймоса, спутника Марса. На панели управления отображался Марс: розовое свечение вспыхивало то на одном, то на другом экране в зависимости от того, какая на нем фокусировалась камера. Артур должен был принять участие в экспедиции «Марс-два». За время службы компания отправляла своих пилотов в шесть полетов: два длинных и четыре коротких — на ближайшие космические станции. Добравшись до базы, пилот обязан был пробыть на ней год. В последний раз Артур летал на «Космический глаз», орбитальную станцию Земли, а компания как раз в это время решила создавать вторую базу, так вышло, что очередную высадку на Марс он пропустил. В экспедицию на Деймос его отправили в качестве утешительного приза. Считая обратный путь, выходило, что на Земле его не будет два года.

— Ты все равно останешься частью команды, Прайс, — вещала Артурова начальница, хмуро глядя на него с паршивого дисплея телефона.

— Ну конечно. Прямо как там, на «Глазу», когда я помогал вам с переездом. Буду радостно ска-

литься всем из космоса.

— Надеюсь, ты отправишь на базу нечто большее, чем свою улыбку.

Предполагалось, что уже через несколько лет «Космические решения» смогут запускать с расположенных на Марсе баз ракеты в краткосрочные полеты. Корабли в основном были многоразовыми, но требовали основательного ремонта уже после двух приземлений. Даже теперь, когда появились магнитные посадочные площадки, они все равно получали сильные повреждения во время стыковок. Артуру предстояло отправиться на меньший спутник Марса в одиночестве.

— Проблемы с одиночными полетами?

Артур уставился на пиксельное изображение Дженнифер. Она бы выкинула его из штата при малейшем намеке на проблемы, и к черту личные отношения.

— Да перестань, — фыркнул он. — А что за корабль?

В итоге ему выделили «Дух-2040», и он согласился лететь на Деймос.

Артур скользнул взглядом по медленно вращавшемуся на экране изображению Марса.

— Капитан Прайс, пожалуйста, сосредоточь-

тесь на панели управления.

— Как долго я не сплю?

— Не спите?

— Давно я в сознании? Сколько времени прошло с того момента, как я проснулся?

— Вы запрограммировали меня разбудить вас через 72 часа, капитан Прайс. Это максимально допустимый…

— Да-да… Но давно я?.. Черт, ладно, забудь.

— Капитан Прайс, пожалуйста, сконцентрируйтесь на последовательности действий.

По результатам психологических тестов он был признан годным для одиночных экспедиций: отлично ладил с искусственным интеллектом, освоил навыки регуляции физиологических показателей организма. Пожалуй, он даже рад был тому, что в полете не придется взаимодействовать с другими людьми. Артур принадлежал к представителям поколения гаджетов, охотно пользовался всеми технологическими новинками и человеческому общению определенно предпочитал электронный интерфейс. В детстве он постоянно бился с Элизой за право проводить больше времени перед экраном.

— Ты должен жить в реальном мире, общаться с реальными друзьями. Целый день сидеть как

приклеенному у компьютера вредно.

Тщетно Артур пытался убедить ее, что его хобби мало чем отличается от ее любви к чтению. Он хотя бы в виртуале общался с кем-то, а она просто пассивно поглощала информацию.

— Это только доказывает, что свое воображение ты уже уничтожил. Чтение — вовсе не пассивный процесс. Вот, посмотри наше последнее исследование о том, какие импульсы возникают в мозгу, когда видишь произведение искусства.

Артуру же казалось, что Элиза использует науку в качестве дымовой завесы, чтобы скрыть свое предубеждение. Где, скажите на милость, исследования о взаимодействии человеческого мозга и искусственного интеллекта, которые доказали бы, что все эти ее электрические импульсы — не средневековая чушь?

— Сам подумай, что за будущее вы строите, Артур? Ты и твое поколение. Так не должно быть!

Когда на каждый твой веский довод оппонент выдает личную реакцию, спорить невозможно.

Только Грег понимал, как важен для Артура мир, который открывался ему онлайн.

— Не переживай, пацан. Хоть твоя мать и работает в современной научной лаборатории, компьютер она почему-то до сих пор считает

помесью счетов и картотечного шкафа, а Интернет — способом оставаться на связи со старыми друзьями. И отец тоже не лучше. Помнится, я сказал ему, что по образованию математик, а он попросил меня проверить, не обсчитали ли нас в ресторане. Нет смысла объяснять людям, что я таблицу умножения от муравейника не отличу, они этого не понимают. Они хотят жить в мире, где нужно идти на почту за маркой, чтобы отправить письмо, где можно осмотреть яблоки в магазине, а потом уж решить, покупать их или нет. И не понимают, каким свободным становишься, когда всего этого тебе делать не требуется. Думают, раз мы работаем на будущее, значит, мы какие-то чудики. А сами — просто фетишисты, застрявшие в прошлом. — Грег хлопал пасынка по плечу. — Только ты им, пожалуйста, не говори, что я так сказал.

— Капитан Прайс? Вы отвлекаетесь. Я перезапускаю систему пилотирования и верну нас к посадочной площадке через Е минус 60 секунд.

Артур вдохнул поглубже и опустил глаза на панель управления. Огни посадочной зоны по-прежнему светились зеленым.

— Не нужно. Я сам все сделаю.

Компьютер несколько секунд изучал движения

его глазных яблок.

— Очень хорошо, капитан Прайс. После приземления, пожалуйста, пройдите в медотсек.

Скверная была идея окрестить новую операционную систему Зевсом. Даже выставив нейтральные настройки, Артур все равно ощущал, что программа относится к нему свысока. Обычно пилоты давали системам имена родителей. Так было проще психологически: вроде как признаешь их авторитет, но в то же время к мотивам относишься с долей здоровой критики. Коллеги предупреждали его, что считать систему лучшим другом опасно: защитные механизмы мозга подавляются. Лучше в каждом конкретном случае заново решать, можно ли доверять ее суждениям. «Особенно когда дело происходит в космосе», — добавляла Дженнифер. «Интересно, — думал Артур, — может, у других пилотов отношения с родителями складывались как-то иначе?» Он любил своих матерей, любил и отцов. Наверное, загвоздка была в том, что ему достался расширенный комплект родичей. Как бы там ни было, называть компьютер Хэлом он точно не собирался. Ну а раз уж он вылетал на спутник под названием Деймос, показалось, что назвать операционную систему Зевсом будет как раз в тему.

Чего он после шести месяцев взаимодействия с ней так и не смог понять, так это какая часть ее характера была запрограммирована изначально, а какая сформировалась из проекций его собственной личности. «Это всего лишь имя», — напомнил он себе, берясь за рычаги управления.

Артур развернул «Дух» и начал второй заход на посадку. Дело было не сложное, на симуляторе он выполнял такое задание сотни раз, к тому же всего год назад приземлялся на «Космический глаз». А в «Джонсоне» как-то раз даже выполнил на симуляторе стыковку с древней МКС. Вторым в своей группе. Так почему же его бросило в холодный пот?

Корабль болтало то сильнее, то слабее, по мере того как срабатывали соответствующие магнитные пары. После того как в 2021 году завершилось строительство суперскоростного шоссе вдоль Западного побережья, все магистрали стали делать магнитными. Артуру было десять, когда участок дороги от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса ввели в эксплуатацию, и автомобили он еще помнил. В плане остроты ощущений магниты, конечно, двигателям сильно проигрывали, зато больше никто не погибал под колесами. Е-кары ездили и парковались сами. Водителей больше не было,

остались только пассажиры. И даже ракеты садились на Землю с помощью магнитных полей.

И все же конкретно эта система приземления в аналоговом мире еще никогда не использовалась, и инженер, который ее сконструировал, высказывал некоторые опасения касательно ее функций. Предполагалось, что если что-то пойдет не так, корабль спасет Артур. А самого Артура спасет Зевс. По крайней мере, так утверждалось в документации. Однако Артур надеялся, что делать выбор ему никогда не придется. Да и Зевсу корабль явно нравился.

Модуль Артура привычно вращался, имитируя гравитацию. На мониторах было видно, как корабль набирает скорость.

— Капитан Прайс, приземление произойдет через Е минус 12 секунд.

— Ага, тут так и написано…

— Девять, восемь, семь…

Как же он скучал по прежней операционной системе…

Спутник на экране прекратил вращаться, а как только корабль, набрав нужную скорость, нырнул в кратер Вольтера, где располагалась посадочная площадка, и вовсе исчез из поля зрения. Все в отсеке затряслось, корабль несколь-

ко раз сильно тряхнуло, Артура, пристегнутого ремнями безопасности, швырнуло вперед, и он сразу же ощутил изменение силы гравитации. Взвыли сирены, замигали лампочки на панели управления, но уже через мгновение стало тихо. Артур вдруг понял, что все это время не дышал. Они приземлились. Он выжил.

— Капитан Прайс, вторая фаза процедуры приземления завершена.

Корабль по-прежнему слегка потряхивало. Артур проверил центровку и стал подключать блоки, с помощью которых должен был попасть на расположенную на спутнике одиночную базу. Чем скорее он приступит к следующей фазе, тем больше у него шансов на успешное завершение миссии длиной в год.

Целый год. И это не считая двух астрономических единиц, которые уйдут на полет домой. Запасов пищи должно хватить на двенадцать недель, он надеялся, что к этому времени уже заработает террариум, не то придется снова перейти на тюбики. Еда не вполне соответствовала высоким стандартам его отца, однако некоторые ароматизаторы для его припасов Хэл разработал лично. По сравнению с восстановленными фрикадельками, что Артур пробовал в детстве, когда

только задумал стать космонавтом, космическое питание стало куда лучше. Хэл с Грегом по-прежнему спорили, кто из них пробудил в Артуре неудержимую тягу к звездам, однако на самом деле этому поспособствовали все его родители.

Он подумал об Элизе, о том, как она там, в Лондоне, каждый вечер возвращалась с работы в опустевший дом. Подумал о Рейчел — образ ее складывался в голове из фрагментов: склоненная набок темная голова, добрые глаза, которые, как все утверждали, он от нее унаследовал, браслеты, позвякивавшие на запястьях, когда она укладывала его в кровать. «Она любила тебя, — говорила Элиза. — Любила, даже когда ты еще не родился». «А сейчас?» — хотелось спросить ему, когда Элиза целовала его перед сном. Но та не любила разговоров о том, где сейчас могла бы находиться Рейчел. Возможно, для нее она никуда и не исчезала.

— Пожалуйста, пройдите в медотсек, прежде чем приступить к третьей фазе. Подождем дальнейших инструкций с Земли.

Медотсек находился в капсуле, расположенной за той, которую сейчас занимал Артур. Во время полета она вращалась с такой же скоростью, что и модуль пилота, поддерживая ту же силу гравитации. Все внутренние поверхности

корабля были покрыты полками, сетками, крючками, проводами и кабелями, что придавало ему сходство с хозяйственным магазином и сводило движения пилота к минимуму. Второй модуль был даже меньше, «компактнее», как писали в сопроводительной документации. И заодно выполнял функции спальной зоны.

— Зевс, нас здесь только двое. Ты хочешь сказать: «Марш в постель?»

— Как вам будет угодно, капитан Прайс. К тому же технически я не «здесь», концепция географических локаций, не имеющих практического применения, мне не понятна.

«Фигово его запрограммировали», — думал Артур, продвигаясь по карбоновой трубке к задней капсуле и наслаждаясь полным отсутствием гравитации в пространстве между модулями. Надо будет не забыть потом проверить плотность костной ткани. Невесомость тот еще наркотик: чем дольше ты в ней находишься, тем больше хочется.

Артур пристегнулся к койке и подвел капельницу к расположенному над ключицей катетеру, чтобы операционная система могла влить в него все жидкости и питательные вещества, которые сочтет необходимыми.

— Ваше артериальное давление по-прежнему повышено, капитан Прайс. Судя по истории ваших приземлений, ранее с вами такого не случалось.

— Не обязательно ждать ответа с базы. Запускай фазу три.

— Запускаю фазу три. Пожалуйста, сохраняйте неподвижность. Вы находитесь под наблюдением.

Артур перевел операционную систему в режим визуальных команд. Пока его жизненные показатели не вызывали вопросов, у него еще оставалась возможность отключить компьютер. Заглушка здравого смысла для «внутреннего голоса». Помнится, во время учебы им рассказывали, какую опасность таит в себе искусственный интеллект. И фильмы прошлого века о роботах, захвативших мир, Артур тоже смотрел. Технологическая сингулярность была мифом, но Зевсу, видимо, методички не выдали.

— Включи мой космический сборник.

Когда заиграли первые аккорды Once in a Lifetime, Артур отключил проводки и перебрался обратно в кабину пилота. Состояние было какое-то муторное, он никак не мог сосредоточиться. В корабле сила гравитации была слабее, и, казалось

бы, это должно было смягчить удар о камни при приземлении, и все равно у него болела каждая мышца. Зевс мог бы хоть обезболивающее ему влить. Артур уселся в кресло пилота, пристегнулся и принялся изучать поступающие данные. Аспирин он у Зевса просить не будет — не дождется!

Самый большой прорыв в науке за последние десять лет произошел, когда ученые поняли, что искусственный интеллект может развиваться только в качестве дополнения к человеческому. Конечно, это был своего рода симбиоз, однако многие прекрасно жили и без встроенной операционной системы. Сам Артур тоже предпочитал имплантам съемные устройства. Помнил, как мать перед смертью говорила, что кто-то «вторгся» ей в мозг.

Он задал программе последовательность действий, чтобы открыть воздушные шлюзы между кораблем и посадочным модулем. Из динамиков теперь звучала запись выступления «Квалии» на фестивале в долине Коачелла. Зевс выдал серию визуальных команд, но слушать не мешал. Инструкции высветились на линзах очков и на панели управления.

Требуется 15 минут на отладку систем экологического контроля.

Может, это Рейчел из-за опухоли казалось, что к ней в мозг кто-то вторгся? В детстве Артур думал, что она имеет в виду пришельцев. Они вроде умели вторгаться в мозг, как он слышал. Или вот еще зомби. Он обожал книжку «Как пережить зомби-апокалипсис». Вечерами часто просил родителей показать ему свои зубы, чтобы убедиться, что они — именно те, за кого себя выдают. «Покажите зубы!» Ну и жутко же было ждать, пока они послушаются. Грег корчил рожи и пытался показывать по одному зубу за раз. Хэл хохотал, демонстрируя сразу весь блестящий ряд. А Элиза, пользуясь случаем, принималась допытываться, «все ли у него хорошо» и «не хочет ли он о чем-нибудь поговорить». Ей он о том, что в мозг Рейчел вторглись пришельцы, никогда не рассказывал, и все равно она откуда-то знала, что его страхи связаны с матерью. Хотя, возможно, она просто считала, что все в его жизни связано с ней.

Приготовьтесь к изменению атмосферы через Е минус 10 минут.

Он сунул ноги в прикрепленные к креслу бо-

тинки с утяжелителями, отстегнул ремни и, тяжело дыша, навалился на панель управления. Мать мертвая и мать живая. Мамуля и мама. Они, в свою очередь, звали его «малыш» (мамуля) и «милый» (мама). Сейчас «мама» нравилось ему больше, не так интимно звучало. Вскоре после смерти Рейчел учительница в школе сказала, как Артуру повезло, что у него есть «запасная мать». Наверное, это должно было его приободрить, и, в принципе, он понимал логику, однако в итоге стал сильно переживать за других детей, у которых было только по одному родителю каждой категории, а иногда и того меньше. Ну что за безответственность, ведь взрослые могут умереть в любой момент! Вот и в книжках — в сказках, у Роальда Даля, Лемони Сникета и у Джоан Роулинг — родители героев либо умирали, либо исчезали куда-нибудь под разными дурацкими предлогами. Артур долго еще тревожился за своих менее удачливых друзей и каждый день расспрашивал их, как поживают родители. Тех самых друзей, которым дома твердили, что Артуру сейчас очень грустно и тяжело, потому что его мамуля больна, а затем — потому что она умерла, и которые старались не козырять перед ним своим семейным благополучием. Он даже обрадовался, когда в

старших классах его начали травить, потому что внезапно выяснил, что почти у всех детей никаких запасных родителей нет. А значит, можно расслабиться. Это он тут был не такой, как все, а не наоборот.

Е минус 5 минут до завершения третьей фазы и окончательной стыковки с посадочной площадкой Деймоса.

Дышать было все еще трудно. Артур отцепил от стула ботинки с утяжелителями и застегнул их на ногах. На мониторах и в иллюминаторах теперь было темно, лишь смутно виднелись очертания стенок кратера Вольтера. Артур зажмурился и постарался сосредоточиться на следующем этапе операции. Что бы там Зевс в него ни влил, нормализовать давление это не помогло. Пульс грохотал, казалось, даже в кончиках пальцев.

— Капитан Прайс? Аудиосвязь восстановлена.

— Отлично. Мне нужно нормализовать давление.

— Артериальное давление больше не повышено, капитан Прайс. Все ваши жизненные показатели в норме. Вы можете выйти на посадочную станцию сразу по завершении фазы три.

Артур потряс головой.

— Не может быть. Запусти диагностику снова.

— Запускаю диагностику. Шестьдесят секунд до полной стыковки с…

— Деймосом.

— Прошу прощения, капитан Прайс?

— Ты не закончил предложение. Шестьдесят секунд до полной стыковки с Деймосом.

— Сорок пять секунд.

Это из-за проклятого кратера у него кружилась голова. Болтаться в титановой консервной банке по космосу — еще куда ни шло, но оказаться в ней под землей — просто невыносимо. К горлу начала подкатывать тошнота.

— Зед, включи внешние фонари для мониторов и подключись к трансляции с базы на Марсе.

— У меня сейчас нет связи с Марсом, капитан Прайс. Фаза три будет завершена через четыре, три, две, одну секунду.

Голову словно стиснуло обручем. Перед глазами потемнело. Артур выставил вперед руку, чтобы удержать равновесие, но ботинки тянули к полу, и он начал заваливаться. Будто издалека увидел, как янтарные огни на мониторах сменились зелеными, когда открылась дверь посадочной станции. Тут свет погас, и на корабль опустилась кромешная тьма. А он все же упал.

В себя Артур пришел от того, что над ухом пронзительно верещала сирена. Он, обутый в ботинки, сидел за панелью управления, уронив голову на руки. В «Духе» свистел сквозняк. Пахло гнилью, меловой пылью и озоном из системы фильтрации воздуха. Артур вдохнул поглубже. Сердце теперь билось ровнее: два размеренных удара вместо заполошных трех.

— Добро пожаловать домой, капитан Прайс!

Ага, домой. Если, конечно, опасность, одиночество и отсутствие права на ошибку вообще имеют что-то общее с домом. Вспомнилось, сколько раз он, прилетая в США, протягивал на погранконтроле грин-карту или новенький блестящий паспорт. Добро пожаловать домой! Хмурые офицеры. Двусторонние зеркала, за которыми прячется взмокшая охрана с гигантскими стаканами кофе. Массачусетс, Техас, Флорида — короткие поездки. Но однажды Калифорния все-таки стала ему домом. А о крошечном кратере самого маленького спутника Марса он вряд ли когда-нибудь сможет сказать то же самое. И все-таки Артур был рад, что долетел. Заработавшие воздушные насосы помогли справиться с приступами паники, одолевавшими его в последний час. Паники? Нет, слишком громко сказано. Что с

ним такое, в конце концов? Это же его работа, его первая любовь. Нужно как-то собраться.

— Капитан Прайс, я провел диагностику еще раз. Все системы работают нормально. Уровень радиации контролируется. Можем продолжить обследование после высадки.

— Все в порядке. Я в порядке.

— Конечно, капитан. Вам следует отпраздновать успешное возвращение.

Артур вскинул голову. Стенок кратера по-прежнему не было видно.

— Включи прожекторы. И настрой камеры. Не могу разобрать, что там снаружи.

— Сейчас ночь, капитан Прайс.

— Обхохочешься. Настрой камеры.

Добраться до другого модуля оказалось непросто. Артур медленно продвигался в заднюю часть корабля. Ботинки, по идее, должны были помогать, но каждый шаг в них давался с трудом.

— Вам следует ждать в кабине пилота, капитан Прайс.

— Ждать? Чего ждать?.. Мать твою, а это еще что такое?

Откуда-то сзади донесся звук открывающихся камер. «Дух» завибрировал и задергался.

— Зевс, ты зачем начал фазу четыре? Не откры-

вай больше никаких люков, пока не закончится стыковка с базой.

— Пожалуйста, вернитесь на свое место, капитан.

Корабль продолжал двигаться. Пол под ногами накренился. Артур направился к основному люку. За ним теперь виднелось маленькое темное помещение.

— Проблемы с освещением в зоне соединения.

— Капитан Прайс, я больше не контролирую локальные системы.

— Это противоречит протоколу.

Операционные системы нередко подвисали, интегрируясь с другим интерфейсом, но базу Деймоса программировала та же команда, что создала Зевса. Пилоты и разработчики не слишком ладили, и Артур злорадно ухмыльнулся — Зевс засбоил. И все же неплохо бы, чтобы системы сконнектились поскорее. Артур отцепил с пояса фонарик, взялся за крышку люка. Пригнулся, чтобы выбраться наружу, и рывком перевалил неподъемную ногу через отделанный металлическим ободом край. Ботинок коснулся поверхности спутника Марса.

Посадочная капсула отсутствовала. За краем люка прощупывался аварийный шлюз, а дальше

не было ничего.

— Прервать посадку. — Артур ввалился обратно в «Дух» и, с трудом отрывая от пола ботинки, бросился к кабине пилота. — Прервать посадку. Задраить все люки. Мы теряем контакт с поверхностью. Боже, мы тонем.

— Команда спасателей скоро прибудет, капитан. Пожалуйста, оставайтесь на своем месте.

— Какого хрена? Хватит пудрить мне мозги. Ситуация вышла из-под контроля, Зевс. Нужно взлететь. — Артур схватился за ремень безопасности. — Разъединиться. Повторяю. Разъединиться.

— Капитан Прайс, вы на борту беспилотного судна. Нам не с чем разъединяться. Приземление прошло удачно. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Кабину прорезал луч света. Артур развернулся в кресле, натягивая ремни безопасности. Снаружи светил огромный прожектор, то попадая в иллюминаторы, то исчезая из поля зрения. Этого просто не могло быть.

— Зевс. Мы на орбите Марса, на спутнике Деймос. Мы произвели стыковку с базой Деймоса.

— Неверно, капитан. Мы на Земле, в Атлантическом океане, примерно в двухстах милях от Джексонвиля, штат Флорида.

Артур вдруг вспомнил, что и при предыдущих приземлениях испытывал те же ощущения. Корабль словно падает, затем с силой бьется о поверхность в момент контролируемого приземления, а дальше чувствуешь, как под палубой беспилотного судна колышется вода. Верно, так было каждый раз, когда он возвращался на Землю, вот только сейчас-то он никуда не возвращался! Он был за 250 тысяч километров от Земли! Артур ткнул пальцем в панель управления, но не смог разобраться в высветившихся данных. Все они выглядели знакомыми и понятными, и в то же время абсолютно бессмысленными. Ничего непривычного или тревожного. На борту «Духа» все было спокойно. Неспокоен был лишь Артур.

— Я не сплю?

— Ответить на этот вопрос не представляется возможным.

— Я ни хрена не понимаю, что происходит, а ты даже помочь не хочешь.

— Если вы спите, то я — проекция вашего спящего разума, и полагаться на мой ответ нельзя.

Артур продолжал лихорадочно водить пальцами по расположенным перед ним экранам.

— А что, если я не сплю?

— Вы не можете этого знать.

Корабль определенно покачивался. Не так, как в магнитном поле. Нет, он словно бултыхался в морских волнах.

Артур набрал в грудь побольше воздуха.

— Проверь свой журнал. Как долго мы отсутствовали?

— С момента вылета прошло триста семьдесят семь дней, четыре часа, тридцать четыре минуты и пятьдесят шесть секунд, капитан Прайс.

— Проверь еще раз.

— Триста семьдесят семь дней, четыре часа, тридцать пять минут.

— Тогда почему я этого не помню?

— Ответить на этот вопрос не представляется возможным.

— Господи!

Легкие сдавило, будто кто-то уселся Артуру на грудь.

— Капитан Прайс, пожалуйста, оставайтесь на своем месте.

Артур отстегнул ремни и попытался встать. Колени подогнулись, и он рухнул обратно на сиденье. Гравитация ощущалась в полную силу.

— Задрай основной люк.

— Скоро прибудет спасательная команда, капитан Прайс. Пожалуйста, вернитесь на свое место.

Вы ведете себя неразумно.

Услышав хлопок снаружи, Артур бросился к переднему смотровому окну — длинному толстому стеклу, сейчас покрытому каплями конденсата.

— Спасательная команда? Из «Космических решений»?

— Спасательные операции для НАСА выполняет дочерняя компания «Пейдж индастриз».

— Точно. — Знакомые названия немного успокоили его. Ну конечно, компании взаимодействуют друг с другом, это логично. — А почему связь не работает?

— Вы находитесь на расстоянии около тринадцати световых лет от Земли. Вы только что приземлились на Землю.

— А, вот оно что. Ты завис. Перезагрузить операционную систему «Зевс». Переключиться на режим ручного управления. Придерживаться основной программы. Задраить люки.

В динамиках вдруг затрещало.

— Капитан Прайс? На связи Центр управления полетами. Похоже, у вас возникли проблемы с операционной системой. Мы выполняем перезагрузку. Все люки открыты, спасатели снаружи. Добро пожаловать домой, капитан Прайс.

— Парни с верхнего этажа ждут не дождутся.

Врач опустился на койку в ногах Артура. Говорил он так по-южному громко, что Артур предпочел бы держаться от него подальше.

— Слышал, посадка вышла жесткая. — Он уставился слезящимися глазами в блокнот и перелистнул пару страниц. — У вас нет системных имплантов? Может, это и к лучшему. Похоже, ваша операционная система до сих пор не реагирует.

Артур попытался отодвинуть ноги подальше от врача, но не смог, они так и лежали поверх одеяла, как их устроила медсестра. Оба они уставились на его бледную лодыжку, поросшую темно-рыжими волосками, касавшимися синей шерстяной брючины доктора.

— Но вы сами-то как? Как самочувствие? Беспокоит что-нибудь, помимо обычных постполетных недомоганий? Анализы у вас хорошие. Плотность костей, потеря мышечной массы — все гораздо лучше, чем можно было ожидать после такого длительного путешествия. Тяжеловато немного, наверное, да? Ну ничего, скоро снова за штурвал, и к черту гравитацию!

Они опять покосились на ноги Артура. Палата располагалась на втором этаже, слышно было, как снаружи трещат в траве кузнечики. Весна. А

улетел он осенью, это точно. Артур ничего вокруг не узнавал, однако предположил, что находится в старом военном госпитале в юго-восточной части основной базы.

— Слушайте-ка, мне тут сестры жалуются, что вы отказываетесь от еды. Вы что, с ума сошли? После всех этих тюбиков?

Артур кивнул. Врачу на вид было лет шестьдесят-семьдесят. Он, наверное, помнил еще первые шаги по освоению Марса — «Маринеры» и «Одиссеи».

— Если станете вот так же отмалчиваться, когда к вам зайдет начальство, эти ребята будут очень разочарованы. А виноватым окажусь я. Ладно, парень, брось, рассказывай, что стряслось?

Грудь сдавило куда сильнее, чем после предыдущих полетов. Каждый вдох давался с трудом, Артур будто делал жим лежа. Но молчал он не поэтому.

— Где я был?

— В каком это смысле? Вас сюда доставили прямо из карантинной зоны. Конечно, в Пасадене вас очень ждут. И я обещаю, совсем скоро вы сможете отправиться домой.

— Нет, раньше. Где я был до этого?

Мужчина в синем костюме вздохнул:

— Слушайте, капитан Прайс, все будет хорошо. Вы лучше отдохните, а я им скажу, чтобы зашли завтра. Они год вас ждали, потерпят еще несколько часов. — Отойдя к двери, доктор обернулся и с напускной суровостью добавил: — И ешьте, ешьте побольше. Не каждый же день вы возвращаетесь на Землю.

Артур дождался, пока за ним закрылась дверь и стихли шаги в коридоре, затем уперся локтями в койку, оттолкнулся и принял сидячее положение. Он внимательно осмотрел палату. Что в отделении реабилитации было хорошо, так это слабое техническое оснащение: никаких тебе камер, датчиков движения, глухих окон. Артур стал растирать ноги, надеясь пробудить их к жизни. Нужно выбраться из палаты и найти незарегистрированный телефон. Тогда он сможет позвонить Грегу и выяснить, что случилось. Номер матери компания точно прослушивает. Доверять тут нельзя никому. Он уже бывал на этой базе — не в отделении реабилитации, конечно, но все-таки. Тренировки, социализация… В определенный момент всех врачей приглашали в главный корпус познакомиться с новыми членами экипажей. Но человека в синем костюме Артур точно видел впервые в жизни.

Окно выходило в большой поросший травой внутренний двор с пальмами и скамейками. С трех сторон больничный корпус выглядел именно так, как и должно было выглядеть здание, построенное в прошлом веке, — белые оштукатуренные стены, металлические оконные рамы. С четвертой же, выходившей на парковку, было пристроено стеклянное приемное отделение. За окнами виднелась длинная стойка. Артур навалился на подоконник и попытался выпрямиться. Кажется, во двор выходила только одна дверь — из стеклянной галереи, других не было. Если выпрыгнуть из окна и приземлиться на траву, из приемного отделения его за деревьями не увидят, но вернуться в здание незамеченным не получится. Вцепившись в раму, он перегнулся через подоконник. Окно этажом ниже было открыто.

Синий Костюм сказал, что Артура не было год. Но полет занял только шесть месяцев. Столько требовалось, чтобы добраться до Деймоса, только он на него так и не приземлился. Что, сказать по правде, должно было быть известно Центру управления полетами, компании и каждому инженеру и аналитику, что бы они там ни твердили о прошедшем годе. Почему никто не расспрашивал его о неудачной экспедиции? Может, он все

еще на Деймосе, в кратере Вольтера? С ним случился нервный срыв, и все это — галлюцинация? И в том и в другом случае у него явно что-то не в порядке с головой, «когнитивное расстройство», как выразился бы Зевс.

Зевс. Артур сел на подоконник и оглядел палату. Операционная система ему сейчас пригодилась бы. Будь у него имплант, он бы автоматически подключился к серверу базы и связался с Грегом, который находился в Лос-Анджелесе вместе с Хэлом. И пускай бы прослушивали, плевать. Артур попытался вспомнить последние фразы Зевса. Он находится на расстоянии нескольких световых лет от Земли и только что приземлился на Землю? Самое поразительное, что он примерно это и чувствовал. Не видел ни одного знакомого лица с тех пор, как его спасли, а все эти люди утверждали, что они его знали. База, еда и сам воздух были вроде знакомыми и в то же время нет, словно сенсоры Артура перенастроили, как цветовую гамму монитора. У операционной системы ощущений не было, только факты. Он был дома, но не дома.

Из коридора донеслись голоса, кто-то стукнул кулаком по стене. За дверями его палаты стоял охранник. Артур запахнулся в больничный халат и снова выглянул во двор. Далеко ему не уйти,

но, может, хоть доберется до телефона. Мир за окном манил его так настойчиво, словно он снова вернулся в детство. Артур осторожно перекинул ноги через подоконник, развернулся лицом наружу и спрыгнул.

Он тяжело рухнул на газон и растянулся на земле, ловя ртом воздух. Дождался, пока боль сосредоточится в каком-нибудь конкретном месте. Земля качнулась в фиолетовом небе. Артур увидел свет древних звезд, мерцание пылинок и тонкий голубой серп луны, единственного спутника своей планеты, — так близко, только руку протяни.

— Артур?

Обернувшись на голос, он заметил в открытом окне первого этажа брюнетку в прозрачном платье цвета заходящего солнца.

— Артур, что ты делаешь? Ты в порядке?

Он знал ее.

— Ты что, упал? Господи! Позвать кого-нибудь?

— Нет! — превозмогая боль в груди, выговорил он.

— Но, малыш, тебе же больно.

Кудри, пышные бедра. Малыш.

Опершись на руку, он приподнялся над землей и сел. Над подоконником мелькнул подол платья,

голые ноги, кеды…

Она бросилась к нему и рухнула на колени.

— Артур, что случилось?

Малыш. Она обняла его.

— Мне сказали, ты в порядке. Сказали, завтра можно будет тебя повидать. Но я решила подождать здесь.

Он отпрянул, снова через силу вдохнул и посмотрел на нее.

— Рейчел?

— Ну да, это я. Ты что, головой ударился? Что это еще за «Рейчел»? — Она взяла его за плечи и развернула лицом к себе.

— А где Элиза? Мама?

Может, он и правда ударился головой, а сам по-прежнему лежит в «Духе», приземлившемся в кратере меньшего спутника Марса?

— Какая Элиза? — Рейчел положила руку сыну на щеку. — Смешной ты.

В отдалении кто-то закричал.

— Сейчас тебе помогут. Я не уйду. Все будет хорошо. Долгий был полет, так далеко ты еще не улетал.

Снова крик. Это наверху, в его палате. За дверью стеклянной галереи появилась медсестра. У Артура похолодели пальцы, подкатила тош-

нота, сердце забилось с невероятной скоростью. Темнота. Он сжал руки. Крепко вцепился в сидящую рядом женщину. Так далеко он точно еще не улетал.

В это же самое время другой Артур спустился на первый этаж отделения реабилитации Космического центра имени Линдона Б. Джонсона в Хьюстоне, штат Техас. Мышцы ног у него ослабли, спускаться было тяжело, дыхание сбилось, но ему сказали, что на первом этаже его ждет мать, и он решил воспользоваться шансом повидаться с ней вне стен больничной палаты. Чем скорее его выпишут, тем быстрее он поймет, что случилось во время полета на Деймос. Пока он знал только, что вскоре после приземления в кратер связь отключилась и он потерял сознание. А в себя пришел на спасательном судне во Флориде. И оказалось, что прошло уже больше года.

Рейчел, наверное, волнуется. Конечно, у нее была и своя жизнь: работа, на носу Комик Кон, для которого она шила костюмы героев «Перепончатокрылых». С тех пор как на десятый день рождения Артура Рейчел смастерила ему костюм муравья для вечеринки в стиле человек-муравей и опубликовала снимок в Инстаграме, ей стали со всей страны заказывать костюмы разных

жуков. Пришлось ему делить мамулю со всеми повернутыми фанатами фантастики, а вскоре он и сам пополнил их ряды. Когда ему стукнуло семнадцать, Рейчел перебралась с ним в Штаты, чтобы он смог осуществить свою мечту стать космонавтом, и с тех пор не пропустила ни одного запуска и ни одного приземления.

— Мам, может, хватит уже с тебя должности матери-одиночки-единственного-драгоценного-сыночка? — спросил Артур после окончания обучения. — У меня уже и корабль есть, и все такое.

— Эй, не лишай меня любимой работы. — Рейчел позволила сыну закинуть мускулистую руку ей на плечи. — Дети нужны не только на Рождество. И смотри, Хэлу про мать-одиночку не заикнись.

Спустившись с крутой лестницы, Артур завернул за угол и остановился, чтобы отдышаться. Отец и в школу-то на родительский день ни разу не пришел, что уж говорить о возвращении сына на Землю. Да он и не обижался. Хэл был символом, идеей и биологической составляющей отца, но физически в его жизни почти не присутствовал. Они с матерью так и договаривались, и вскоре после рождения Артура он вышел за садовода и

перебрался в Сомерсет. Это означало, что летом Артура ждут несколько безумных недель в Куанток-Хиллз, но в Хакни никакого отца у него не будет.

Это Рейчел сидела в комнате для посетителей и не спала вот уже… в общем, с тех пор, как он улетел. Ему так и не объяснили, куда делись лишние шесть месяцев, оставалось довольствоваться собственными смутными догадками.

С нижней площадки лестницы виден был стеклянный приемный покой. У стойки, облокотившись на столешницу, стояла высокая блондинка и ждала, пока администратор закончит говорить по телефону. Рейчел нигде не было видно. Кажется, спуск с лестницы окончательно его измотал, колени подломились. Он рухнул на цементный пол, и от удара из него вышибло дух.

— Артур? — Высокая женщина выбежала в коридор. — Артур, что с тобой? — Она бросилась к нему и упала на колени. — Ты как? Подожди… Я позову кого-нибудь.

В отдалении кто-то закричал.

— Сейчас тебе помогут. Слава богу, ты в порядке. Как же долго тебя не было. — Она обняла его. — Но теперь ты дома. Ты дома.

8
Сам себе незнакомец

Корабль Тесея

Этот мысленный эксперимент основан на истории о корабле Тесея, рассказанной Плутархом. Все части корабля постепенно заменялись новыми. Возникает вопрос: до каких пор его все еще можно будет считать оригинальным кораблем? А если из старых частей корабля соберут новый, какой из них будет считаться оригинальным?

> На входящего
> в одну и ту же реку
> текут все новые
> и новые воды.
>
> ***Гераклит. Фрагменты***

Рейчел чистила зубы, разглядывая свое отражение в зеркале. Сбоку на стекле высвечивались ее сегодняшние жизненные показатели: артериальное давление, уровень сахара, гормональный баланс, вес, плотность костей, общий анализ крови. Не будь дом съемным, она бы давно из-

бавилась от этого технического новшества. Со здоровьем у нее в целом все было в порядке, и она бы чувствовала себя куда лучше, если бы зеркало не транслировало ей ежедневно, как оно постепенно портится. Статистика, неумолимая статистика.

— Прямо зловещее пророчество, — пробормотала она.

— Спасибо, — отозвалась система.

Волосы на висках совсем поседели. Если верить солнечным часам волосяных луковиц, ее полдень давно миновал. Так удивительно: в юности тело ее производило текучую медь, а теперь — жесткую стальную проволоку. Интересно, а сама она изменилась так же сильно, как ее волосы? Да, наверное. Временами Рейчел задумывалась, можно ли считать ее тем же человеком, что и двадцать лет назад, если все клетки тела давно заменились новыми. Раньше, когда они сменялись, повинуясь законам роста и поддержания здоровья, эффект был не слишком заметен, теперь же, когда итогом перемен становилось старение и разрушение, он казался куда более существенным. Но мог ли этот процесс не коснуться ее разума? Все связи в мозгу, конечно, тоже давно заменились. Преобразились и воспоминания, подернувшись

тенью событий, произошедших позже. Если человек — это его память, а воспоминания меняются, можно ли сказать, что вместе с ними меняется и сам человек?

Оставалось только радоваться, что зеркало в ванной не пыталось измерять ее интеллектуальную активность с той же дотошностью, как и показатели физического здоровья.

Надо было покрасить волосы. Теперь Артур ее не узнает.

Рейчел было шестьдесят восемь, на пять лет больше, чем матери, когда та умерла. Старухой она вовсе не выглядела, Рейчел вообще казалось, что мать в течение жизни почти не менялась. Может, секрет заключался в том, чтобы цепляться за каждый свой недостаток, за каждую слабость, за все те качества, что мешают жить. Наплевать на самосовершенствование, навсегда остаться упрямой, узнаваемой и неповторимой собой.

— Первым делом, как только проснется, — сказала ей администратор госпиталя.

Красить волосы было некогда. Она отвернулась от зеркала, прошлась по дому, закрывая двери. Окна были закупорены наглухо, чтобы поддерживать микроклимат и ограничить уровень радиации. Выходя из дома, она не стала

использовать систему распознавания радужки, и сигнализация мигала, пока она не закрыла дверь вручную. До ближайшей станции Гиперлупа идти было недалеко. Рейчел уселась на жесткое пластиковое сиденье и стала смотреть, как за окнами кабинки разгорается день, как пробуждается жизнь там, внизу, под обвивающим город сверкающим путепроводом.

Отцу удалось прожить с Элизабет большую часть своей сознательной жизни. Правда, кончилось все тем, что он убил их обоих — в Бразилии, возвращаясь с очередной вечеринки. Несчастный случай, если, конечно, то, что человек, перебрав в гостях, сел за руль и повел машину по снискавшему себе печальную славу шоссе, можно назвать несчастным случаем. Джип сорвался с крутого обрыва, тела выплыли из окошка машины и проболтались в море несколько суток, а потому в морге Форталезы смогли провести лишь поверхностный осмотр. Однако Рейчел не сомневалась, что оба ее родителя в момент смерти были пьяны вдрызг. Так они жили, так и умерли. На бумаге все выглядело вполне логично, но осознание все равно далось Рейчел нелегко. Она никак не могла перестать думать о жизни, что ждала их впереди, об их работе, увлечениях, внуке, которому они

были нужны. Для ее родителей всегда имело значение только настоящее. Текущий момент — плохой он или хороший. Никаких сожалений, никаких планов на будущее.

— Вот ведь какая свобода духа, — сказал Хэл, узнав, что Николас и Элизабет удрали из Англии в бразильскую рыбацкую деревушку. — Ничто их не держит.

Рейчел, считавшей, что родителей должен был бы удержать внук и желание дать ему то, чего никогда не получала она сама, трудно было взглянуть на ситуацию его глазами. Это она должна была быть свободной духом, юной и беспечной, делать выбор в пользу современных жизненных ценностей. И где теперь ее крепкий тыл?

Браслет на руке зажужжал, и она нажала кнопку наушника.

— Миссис Прайс? Рейчел Прайс? Это доктор Кросби с базы.

Рейчел уставилась на маленькую проекцию на запястье. Доктор сидел за столом, одетый вроде бы в синий костюм.

— Да?

— Я сегодня утром видел капитана Прайса и хотел бы поговорить с вами, когда вы приедете.

Значит, все-таки «первым делом, как только

проснется» сын увидел не ее. Уже многое успело случиться. Осмотр врача, завтрак, анализы, результаты. Дорогие костюмы.

— Волноваться не о чем. — Камеру Рейчел не включала, и доктор Кросби не мог ее видеть, но, кажется, все равно догадался, насколько она растеряна. — Он просто немного дезориентирован. Мне хотелось бы переговорить с вами, прежде чем вы встретитесь.

— Ладно.

— Отлично. — Он откинулся на спинку стула.

На проекции теперь виден был только костюм, лицо стало похоже на крошечную розовую креветку в синем шерстяном море. И у Рейчел мгновенно возникла идея для нового карнавального наряда. Артур вернулся, а значит, она вполне может заняться ракообразными. Через три месяца новый Комик Кон, и морские чудовища придутся там ко двору, учитывая вновь разгоревшийся интерес к Жюлю Верну.

— Мне сообщат из приемного отделения, когда вы приедете.

Она выключила наушник. В ту ночь, когда родители сорвались со скалы, Рейчел звонила матери и оставила голосовое сообщение. Они не часто разговаривали по телефону, а когда это

все же случалось, либо не понимали друг друга, либо понимали слишком уж хорошо. В общем, услышав писк автоответчика, Рейчел вздохнула с облегчением. Значит, можно было просто наговорить в трубку, как они с Артуром съездили в Диснейленд в день его рождения. Славно там повеселились, а потом встретили одного странного турка. Тот поначалу решил, что знаком с Рейчел, но после выяснилось, что он знал Элизабет в те времена, когда она была моложе, чем ее дочь сейчас.

— Просил передать тебе горячий привет, — сказала Рейчел. — Он теперь живет в Париже с женой, которую ты тоже знаешь. Селена, да? Очень милые люди, мам. Сказали, ты им помогла, когда они переехали в Лондон. Они у тебя, что ли, останавливались?

Если бы мать успела перед смертью прослушать сообщение, от нее не укрылись бы обиженные нотки в голосе дочери, безмолвный упрек в том, что она не познакомила ее с такой симпатичной парой и вообще ни разу не заикнулась о ее существовании. Рейчел тогда была молода и родителей желала видеть некими окончательно сформированными личностями, их юношеские метания, открытия и ошибки как-то не впи-

сывались в шаблон. Теперь, став старше, она по-прежнему то восхищалась ими, то отчаянно на них злилась. Хотя, конечно, после того, как они погибли и приобрели завершенность хотя бы в этом смысле, стало проще.

Поезд остановился на следующей пригородной станции, и в кабинку вошел человек со шлемофоном на голове. Такая гарнитура подключалась к коре головного мозга и управляла телом пользователя, словно машиной, в то время как сознанием тот находился в виртуальной реальности. Рейчел передернула плечами. С помощью этой штуки можно было участвовать в разговоре, не опасаясь, что вас подслушают. По большей части люди пользовались этими устройствами для работы. Компании, стремясь максимально эффективно использовать каждую минуту рабочего дня, отправляли своих сотрудников с поручениями пешком, а не в е-карах, чтобы те поддерживали активность. Рейчел эти бедняги напоминали несчастных тараканов со вживленными микропроцессорами, которых она в детстве видела по телевизору. От одного взгляда на подобные шлемы у нее начинался приступ клаустрофобии. Почесав висок, чтобы убедиться, что у нее самой импланта нет, она снова оберну-

лась к окну.

Артур ни за что бы на такое не пошел. Он даже операционную систему имплантировать себе в мозг не позволил, хотя «Космические решения» и заставили его пройти тесты, подтвердившие, что он сможет не менее эффективно работать и без нее. Разумеется, без импланта он показал наилучшие результаты, и компания даже в какой-то степени пересмотрела свою политику в отношении внешних операционных систем.

— Оптимальные результаты достигаются, когда за дело в ответе человек, — заверял Артур, когда Рейчел выражала беспокойство, что его могут уволить. — Ну не любой, конечно, — добавлял он, кивая на мать.

Но Рейчел не было смешно. Сделаться вот таким автоматизированным полуандроидом, как человек с имплантом, казалось ей адом. Порой ей снились кошмары, что ее загружают на жесткий диск.

— Закачивают, мам. Но до этого еще очень далеко. Ты только представь, сколько возможностей открылось бы, если бы такая технология существовала. Можно было бы сохранить все: твою память, твою личность, твои мысли и чувства. Ведь это же вечная жизнь, не зависящая от состо-

яния планеты. Чистое бытие. Как знать, может, это уже давным-давно произошло.

Все это было сродни религии, только без ее плюсов. Рейчел не видела особой разницы между ученым, полагающим, что человеческий разум — лишь создание искусственного интеллекта, и учителем, наставлявшим детей в воскресной школе, куда родители отправляли ее, чтобы проторчать лишний час в баре. И если на дне бокала и можно было найти какое-то подобие отпущения грехов, компьютер уж точно не мог ни благословить тебя, ни простить. Ни полюбить. Она знала, что на самом деле Артур с ней согласен. А спорит просто из принципа, заставляя ее находить все новые и новые аргументы в пользу существования в виде кусков мяса.

— Ты хранитель пламени, мам. Вечная хиппи. Поступи ты на работу в компанию, там и оглянуться бы не успели, как уже плели бы цифровые фенечки.

Двери кабинки уже во второй раз захлопнулись на ее остановке, а она так и не тронулась с места, дождалась, пока Гиперлуп зайдет на третий виток. Подумаешь, проедет еще один круг.

С Артуром что-то случилось. Ну ясно, случилось, она сразу это поняла, но чем ближе она

подъезжала к больнице, тем менее абстрактным становилось это «что-то». Вскоре ей предстояло узнать все о состоянии сына и о событиях, предшествовавших ее вызову на базу. Впервые с момента разговора с младшим офицером она позволила себе задуматься о том, почему Артур мог вернуться раньше, какие его возвращение будет иметь последствия и чем могла быть вызвана эта его «дезориентация».

Он должен был улететь на Деймос, меньший спутник Марса, на два года. Когда Артур впервые рассказал ей об экспедиции, она прочла об этой каменной глыбе все, что нашла. И о его брате-близнеце Фобосе тоже. Страх и Ужас. Артура отчего-то забавляло то, что она придает их названиям такое значение.

— Их придумал какой-то старый профессор, — объяснял он, — много сотен лет назад они, наверное, казались людям жутко страшными.

Рейчел же думалось, что, может, люди не рвались бы так в космос, если бы первые высадки космонавты совершали на Ужас, Смерть или что-то еще с менее поэтичным названием. Когда экспедицию Артура утвердили, она поняла, что не в силах обсуждать, как ее сын полетит на Жуть, и решила, что будет лучше думать о точке

его приземления, кратере Вольтера. Такое место назначения ей нравилось куда больше. В свое время она целый семестр изучала в Кэмденском колледже эпоху Просвещения — чтобы задобрить родителей после того, как бросила школу.

— Можно быть либо дурнушкой, либо глупышкой, но не той и другой одновременно.

Рейчел и так прекрасно помнила этот семейный девиз, матери не было нужды постоянно его повторять. Может, из-за него она никогда и не прекращала учиться. Годы-то сказывались на внешности не лучшим образом.

Кабинка в третий раз остановилась на ее станции. Рейчел вскинула голову и увидела простиравшуюся за ней территорию базы. Она вышла на платформу и с минуту постояла, подставляя лицо прохладному весеннему ветерку.

С тех пор как Артур решил податься в космонавты, она многое узнала о том, как сказываются на здоровье длительные перелеты и отсутствие гравитации. Но отклонений в психике у ее сына после экспедиций никогда не наблюдалось. «Дезориентирован…» Что бы это могло значить? Рейчел умела считывать подтекст врачебных речей, в свои двадцать она некоторое время жила с доктором и отлично знала, как ловко медики

умеют общаться со взволнованными родственниками. Артур был нездоров. Сотрясение мозга, лихорадка, а может, помутнение рассудка после четырехсот дней, проведенных наедине с операционной системой и запоздалыми видеосообщениями от компании. Неужели пострадал разум ее сына — такой совершенный, практичный, творческий и любящий?

Если бы Артуру грозила опасность, ее не звали бы поболтать, представители компании нарисовались бы у нее раньше, чем журналисты. В этом она не сомневалась. В первые годы ей частенько доводилось вместе с другими членами семей космонавтов дожидаться, пока консервные банки, в которые запихнули их сыновей, дочерей, мужей и жен, прорвут атмосферу. И если с кем-то из пилотов что-то случалось, родня его мигом исчезала. Зато после один из родственников мелькал в утренних новостях — мужественно кивал, пока «первооткрывателю» — его супругу или ребенку — отдавали дань памяти. Рейчел не раз пыталась доказать Артуру, что на самом деле все было не так, как в официальной версии событий.

— Мам, ну ты же понимаешь, иначе никто не выделит финансирование. Нас того и гляди закроют. В любую минуту.

Артур был профессиональным пилотом, искателем приключений. Ему казалось, что его работа — это естественное продолжение истории мировых открытий, он хотел, чтобы имя его осталось в веках. Вот только первооткрывателей теперь не было, их заменили дроны и роботы — именно их корпорации отправляли в космос, чтобы разведать залежи полезных ископаемых на других планетах или отремонтировать спутники и космические станции. И Рейчел все чаще посещала мысль, что сыну ее под видом Романтической Профессии подсунули пластиковую флягу и металлодетектор. «Да это, считай, просто турпоход, только в чуть более экстремальных условиях», — твердил Артур, скорее чтобы успокоить мать, чем преуменьшить любовь к своему делу. Однако замаскировать экономическую ситуацию двадцать первого столетия, где место в неизбранном мировом правительстве покупалось за строчку кода, было невозможно. Теперь технократы решали, какие болезни стоит лечить, каким странам хватит еды и какие планеты ее сын будет для них колонизировать. Рейчел всегда знала, что справедливости не существует, но все чаще задумывалась, что вообще знают о мире мальчишки, прямо из своих детских отправив-

шиеся в конференц-залы Кремниевой долины, чтобы им управлять.

— Да то же, что и все, — вещал Хэл из своего сомерсетского рая, когда они в последний раз с ним разговаривали. — Но они хотя бы не унаследовали власть по праву рождения и не были избраны коррумпированными чиновниками.

Хэл разбирался в политике не лучше Рейчел, а может, и хуже, а в жизни Артура возникал только во время каникул и праздников. Ему-то не приходилось наблюдать, как сын катапультируется в стратосфере на все более и более бюджетных космических аппаратах. Не приходилось общаться с пиар-отделом «Космических решений», когда работа сына становилась главной темой новостных выпусков. И это было нормально, они с самого начала так договаривались, но вот притворяться, будто он что-то понимает в коммерческих космических полетах и людях, которые их организуют, Хэлу не стоило.

И все же зря она ему не позвонила. Но теперь, когда с высокой ограды базы на нее смотрели камеры и другие устройства видеонаблюдения, было уже поздно. Главные ворота располагались в паре кварталов от станции, от дороги их отделял довольно широкий засаженный модифициро-

ванной травой газон. Рейчел сошла с тротуара и почувствовала, как хрустят под подошвами жесткие стебли. Все в городе работало на солнечной энергии, траве всего-то и нужно было, что немного дождевой воды, но Рейчел не покидала мысль, как расточительно поддерживать эту зеленую пустыню. Сколько сил работники базы тратят на садик, в котором никогда не расцветут цветы и не будут играть дети. К тому же трава вводила в заблуждение, база из-за нее казалась каким-то идиллическим местом, а не фабрикой по добыче внеземных полезных ископаемых. Рейчел двинулась к воротам, напоминая себе позвонить Хэлу сразу же, как вернется домой.

Охрана Центра имени Линдона Б. Джонсона к пешеходам не привыкла. В места подобного рода обычных посетителей не приглашали, и Рейчел отлично понимала, что помимо камер за ней будут наблюдать еще несколько пар глаз. За последние годы она множество раз ходила этой дорогой, но охранники тут постоянно менялись. Не удивительно. Они ведь были военными, хотя Рейчел и старалась об этом не думать. Ей никогда не нравилось то, что сын ее связан с армией, она даже звания его долго не запоминала — не то младший лейтенант, не то старший, — сколько

бы писем на его имя ни приходило на адрес их съемного дома. Когда Артур вырос до капитана, она стала представлять себе, что он моряк, искатель приключений, каким был в детстве.

Еще мальчиком он заболел мечтой о звездах. Рейчел считала, что виновата в этом смерть ее родителей и мифы Древней Греции, которые она ему читала. Пятилетнему мальчику трудно было понять, куда делись бабушка с дедушкой: они и раньше-то жили очень далеко, а потом как будто просто переехали еще дальше. Рейчел надеялась, что мифы помогут сыну яснее представить все приключения, которые человек переживает на жизненном пути, и в каком-то смысле так и вышло. Именно в этой книге Артур прочел об Одиссее и его путешествии через реку Стикс. И пришел к выводу, что, уехав далеко-далеко, можно встретиться с умершими. С тех пор его страсть к звездам стала непреодолимой.

Он никогда не говорил, что хочет отыскать бабушку с дедушкой, да Рейчел и не спрашивала, но так уж у них повелось: когда Артуру представлялась возможность что-то исследовать, она ему помогала. Он тащил ее в каждый парк, на каждую речку, куда можно было добраться пешком. А она завела альбом, где собирала реликвии, связанные

с его приключениями, — рисунки, фотографии, описания снов и сказки. Приезжая в гости к Хэлу, он лазал по деревьям, перегораживал ручьи плотинами, выкапывал пещеры в стогах сена и мастерил туннели из ящиков. Рано научился нырять с маской, читать топографические карты и ориентироваться по компасу. Летом они с Рейчел засовывали в багажник машины палатку, брали запас дров и уезжали на природу. И если было тепло, Артур всякий раз упрашивал ее позволить ему вытащить спальный мешок на улицу, смотреть в звездное небо и объяснять ей, как называются созвездия. Когда ему исполнилось десять, управление НАСА опубликовало сообщение, что под корой Марса обнаружена вода, а на планете Кеплер-452b, возможно, существует жизнь. Артур долго потом не мог успокоиться. Зона Златовласки. Где-то во Вселенной обнаружилась планета, на которой могла зародиться жизнь, и он мечтал туда полететь. К тому моменту он уже забыл, что искал изначально, и Рейчел оставалось только гадать, будет ли ее непоседа сын когда-нибудь счастлив, осознав однажды, что найти это невозможно.

Она посмотрела на видневшийся впереди КПП. А подойдя поближе, заметила группу солдат в

форме с небрежно болтавшимися на плечах автоматами. Вот куда бесконечные исследования Артура в итоге привели их семью — на совершенно чужую им территорию, в военный госпиталь, они теперь жили под постоянным наблюдением и в вечном страхе. Может, конечно, Артур и не боялся, просто был сбит с толку. Хотелось бы надеяться. Однако было очень сомнительно, что креветка в синем костюме способна кого-то успокоить, к тому же, пусть они и научились виртуозно запихивать запеканки в тюбики для космического питания, на всю базу не было ни одного человека, способного заварить чашку чая.

До ворот осталось несколько сотен футов, из вышки показался какой-то тип в форме цвета хаки и направился к одному из неподвижно стоявших солдат. И тут же все зашевелилось, охранники перестали таращиться на нее и переключились друг на друга, а Рейчел догадалась, что в кои-то веки тут предупредили о ее скором прибытии. Однако это лишь сильнее ее встревожило.

Войдя в КПП, она достала документы, приготовилась к сканированию сетчатки. И вдруг задумалась: что видел компьютер, когда считыватель скользил вдоль ее лица? Только структуру

радужки или нечто большее? Испокон веков один человек смотрел в глаза другому, чтобы понять, о чем тот думает, что чувствует. Останешься ли ты верен мне? Будешь ли ко мне добр? Машина способна за пару секунд подтвердить твою личность, а за чуть больший отрезок времени определить, можно ли тебе доверять. То есть, поняла Рейчел, в принципе, ее интересуют все те же вопросы. И моргнула — на панели зажегся зеленый.

Улыбаясь солдатам и вытряхивая на пластиковый стол содержимое сумочки, она вспомнила свою первую любовь, Элизу Эрншоу, которую почти и не знала. Проводившие досмотр мужчины и женщины в форме озадаченно перелистывали бумажные книги и альбомы с рисунками. Одна из девушек уставилась на потрепанную обложку «Испорченного города» Оливии Мэннинг, изданного «Пингвин букс», а затем подняла глаза на Рейчел.

— Это часть серии, — зачем-то пояснила та.

Служащая отложила книгу, словно Рейчел сообщила ей исчерпывающую информацию, и стала дальше осматривать вещи. Между страниц книги вместо закладки была вложена открытка. Рисунок так выцвел, что разобрать его теперь могла только Рейчел. Девочка в красной шляпке

на фоне входной двери. Одна из немногих вещиц, оставшихся ей от матери, рукописные строки на обратной стороне прочитать было уже невозможно. Рейчел давно сделала ксерокопию, но оригинал продолжала таскать с собой. Открытка напоминала ей об иных возможностях, об альтернативных поворотах судьбы. Мать ее сделала выбор в пользу ребенка на фоне двери. И когда Рейчел смотрела на открытку, ей в зависимости от настроения то казалось, что дверь вот-вот откроется, то — что девочку не впустят. А бывали моменты, когда ей представлялось, что дверь заколочена навсегда.

С того дня, когда они с Элизой познакомились в пабе на Стрэнде, возле кампуса Кингз-колледжа, минуло уже почти сорок лет. Элиза, учившаяся на медицинском факультете, перебралась тогда на противоположный берег реки, чтобы провести вечер с друзьями, а Рейчел должна была идти с Хэлом на кулинарное шоу, но в итоге ей не хватило билета. Стоя у барной стойки, они заказывали себе выпить и искоса поглядывали друг на друга. Тем бы все, наверное, и закончилось, если бы, когда Рейчел расплачивалась, в бар не вошел Хэл и не потребовал, чтобы она познакомила его со своей подругой. Позже он утверждал, будто

намеренно сделал вид, что ошибся, почувствовав, «как между ними искрит». А еще позже, когда Элиза и Рейчел уже жили вместе, бахвалился, что это он их познакомил. Зато когда отношения закончились, стал говорить, будто это Рейчел предложила представить ему Элизу.

— Но я же сама была с ней незнакома, — возражала Рейчел. — Как я могла познакомить вас?

— Ваши методы для меня загадка, — разводил руками Хэл. — Я вообще считаю, то, что женщины сходятся, само по себе чудо. В общем, я, конечно, не виноват, но лучше бы мы с ней вообще не знакомились.

Рейчел не понимала, как можно просто взять и вычеркнуть из жизни отношения, будто их никогда не существовало. Элиза была ее частью, как бы больно ни было осознавать это вскоре после разрыва. За то время, что они провели вместе, Хэл успел перезнакомиться со множеством парней, и последний — тот, что Рейчел понравился, — явно вот-вот собирался навострить лыжи.

— Ну разумеется, я о них не жалею, — говорил Хэл. — Но я-то не был влюблен.

Дверь КПП снова открылась, выпуская Рейчел обратно, и ворота поехали вверх. Она поблагодарила охрану и направилась к стеклянному

приемному покою, пристроенному к больничному корпусу, когда стартовали коммерческие полеты в космос и центр стали хорошо финансировать. Между приземистых зданий тянулись залитые солнечным светом широкие полосы травы и асфальта. Было жарко, стрекотали кузнечики. Правильно она решила надеть летнее платье, и не важно, что стоял только апрель и ткань просвечивала при ярком дневном свете. Рейчел взглянула на запястье. Почти одиннадцать. Она зашагала быстрее и вскоре толкнула входную дверь.

Администратор, женщина за шестьдесят с волосами, стянутыми в массивный узел на затылке, предложила ей посидеть и подождать, пока кто-нибудь проводит ее к доктору Кросби. Пришлось напомнить, что вчера вечером ей велели встретиться с сыном «первым делом, как только он проснется». Женщина многозначительно покосилась на часы на панели управления, узел волос на затылке накренился.

— Мы вам сообщим, как только доктор Кросби освободится.

Рейчел присела на скамейку вроде тех, что обычно стоят в аэропорту, и стала разглядывать сад сквозь стеклянную стену атриума. Неуже-

ли так уж необходимо проконсультироваться с врачом, прежде чем встречаться с собственным сыном? Когда она приезжала сюда раньше, ничего подобного не требовалось, а Рейчел знала, что в подобных ситуациях нужно проявлять настойчивость, иначе часами будешь ждать у моря погоды, да, возможно, так и не дождешься.

Это Элиза научила ее бороться с больничными порядками и выбивать у системы то, что хочешь, или, по крайней мере, то, что тебе необходимо. В последние месяцы их отношений Рейчел нездоровилось, Элиза ходила с ней по врачам, а заодно провела краткий курс по поведению в больницах для пациентов и посетителей.

— Каждое отделение здесь, помимо тебя, должно еще взаимодействовать с другими, и временами это довольно запутанный процесс, — объясняла она, когда Рейчел впервые положили в стационар. — Есть основная стойка администрации, а в каждом отделении еще и своя стойка, рангом пониже. Медсестры и санитары — это, считай, просто обслуга, чья задача — доставить тебя в палату. Каждый анализ, который назначает тебе лечащий врач, должен получить одобрение сверху, каждое лекарство, которое тебе вводят, подлежит строгому учету. И все

это время менеджеры подсчитывают затраты, прикидывают выгоды и ставят галочки. Это грандиозный спектакль, и на сцене находишься ты, а не хирурги, специалисты и долбаный министр здравоохранения. Ты!

Пока Элиза еще оставалась частью ее жизни, эта речь вдохновляла Рейчел задавать вопросы и требовать помощи, когда у ее постели собирался консилиум неврологов или когда медсестра заходила к ней перед сном. Но после того как Элиза забрала из квартиры в Харинги свои вещи и книги, Рейчел подрастеряла решительность, и в следующий раз, оказавшись в больнице, все больше молчала, из-за чего лечение ее постоянно откладывалось. Может, просто была в шоке. А может, окончание отношений подорвало в ее глазах Элизин авторитет. Как бы там ни было, Рейчел не скоро удалось вернуть уверенность в себе и увеличить свои шансы на победу над болезнью. Она пережила лечение. Пережила уход Элизы. Она показала им всем. Но в итоге это ей, а не Элизе, приходилось в ожидании непонятно чего сидеть на скамейке в военном госпитале в то время, как она была нужна своему сыну. Элизе такого испытывать не доводилось и никогда не доведется. Насколько Рейчел знала, детей у той

не было.

В полдень пришел мужчина в камуфляжной форме и спросил, не хочет ли она перекусить. Ей принесли поднос с уложенными в меламиновый контейнер макаронами с сыром и стаканом воды. Напрашивался вывод, что в столовой для персонала ее видеть не хотели. Может, потому, что в помещениях для своих здешние служащие становились поживее? Впрочем, ее представления об армейской дружбе основывались на фильмах, которые она смотрела в детстве. Поев, Рейчел задремала на скамейке. Ей приснилось, будто она делает педикюр у мастера-робота, а когда процедура заканчивается, не может отличить свои ноги от чужих. Твои — это те, что крепятся к твоему телу, напомнила она себе, однако все равно не могла определить их среди вереницы отпедикюренных ступней — она их просто не чувствовала. Вздрогнув, Рейчел проснулась и осознала, что прошло уже несколько часов. Все тело у нее затекло.

Дождавшись, когда циркуляция крови в ногах восстановится, она снова направилась к стойке.

— Прошу прощения. Я с удовольствием поговорю с доктором позже, но сейчас мне нужно увидеть сына. Скажите, пожалуйста, в какой он

палате?

Ни один волосок в тугом узле не дрогнул, когда администраторша, развернувшись вместе с креслом и не отрываясь от монитора, указала рукой вверх. Рейчел подождала с минуту. Справа от стойки начинался длинный коридор, в конце которого виднелись ступени. Рейчел прошла в него и направилась к лестнице, а поворачивая за угол, заметила, что администратор так и сидит с поднятой рукой.

Вскоре она оказалась в коридоре с множеством дверей, на каждой из которых висела табличка с номером и формуляром для фамилии. Рейчел рассматривала их на ходу, но все они были не заполнены. Изучив каждый, она, наконец, направилась к одной из дверей и толкнула ее. Заперто.

За спиной послышались тяжелые мужские шаги, Рейчел обернулась и увидела, что к ней направляется Синий Костюм. Доктор Кросби остановился перед ней и улыбнулся, явно через силу.

— Миссис Прайс? Доктор Кросби. Рад встрече, мэм. Вы приехали повидаться с капитаном Прайсом? Ну конечно же. Простите, что заставил вас ждать. Мы хотели проанализировать некоторые результаты анализов вашего сына, прежде чем побеседовать с вами, и все оказалось немного

сложнее, чем мы думали. Но давайте все же поговорим для начала. Скажем, вот здесь?

Поведение доктора совсем не нравилось Рейчел. Кросби провел картой по панели возле двери, которую она только что пыталась открыть, замок щелкнул, впуская их, и Рейчел замялась на входе. Потом шагнула внутрь, врач же стоял, опершись о косяк и склонив голову — то ли в знак уважения перед ней, как перед матерью космонавта, то ли удрученный тяжестью состояния Артура. Рейчел остановилась в ногах пустой койки, ожидая, когда Кросби заговорит. Вдоль позвоночника бежали мурашки.

— Садитесь, пожалуйста, мэм. — Доктор покосился на зажатую в руке медицинскую карту. — Могу я называть вас Рейчел?

Она села на стул у кровати, а доктор Кросби привычным движением, так хорошо знакомым Рейчел по тем временам, когда она сама часто лежала в больницах, примостился на краешке койки. В те дни ей казалось жутко давящим, даже неприличным присутствие полностью одетого человека так близко от нее, почти обнаженной. Впрочем, находиться в палате одетой и в качестве посетителя оказалось немногим лучше.

— Рейчел, ваш сын чувствует себя хорошо.

Есть кое-какие моменты, вопросы, которые нас беспокоят. Но в целом мы очень довольны его состоянием.

— Мне нужно с ним увидеться.

— Он тут. Просто слегка…

— Дезориентирован.

— Да, именно так. Дезориентирован. И я хотел бы поговорить с вами, задать несколько вопросов, просто чтобы лучше понимать, что с ним происходит.

— Но почему?

— Ну нам нужна полная картина…

— Нет, я спрашиваю, почему он сбит с толку?

Доктор взглянул на нее. Руки его казались непропорционально большими на фоне папки, лежавшей у него на коленях. Словно он прихватил с собой детскую тетрадку. Тетрадку ее ребенка.

— Его не было около года.

— Да.

— Но путешествие должно было продлиться два года. Он вернулся на год раньше.

— То есть что-то пошло не так, но он не может объяснить, что именно? Но вы же должны были знать, что он вернется раньше. И почему — тоже должны были знать.

— Все немного сложнее, Рейчел. Он не может объяснить как.

За дверями палаты застучали шаги, по коридору шли двое. Воздух в палате был прохладный, но спертый. Холодильник, подумала Рейчел, откидываясь на спинку стула и пытаясь выровнять дыхание. Холодильник для хранения улик. Ее сына сейчас допрашивают. Он вернулся раньше времени и нарушил какие-то правила. Но какие? Должностные инструкции? Кодекс? Законы физики?

Доктор отошел к окну и потянул на себя металлическую раму. Рейчел закрыла глаза и подставила лицо жаркому ветру. Она никогда не любила холода. И к Артуру в Калифорнию перебралась отчасти из-за здешнего климата. Может, и легкомысленно, но из песни слов не выкинешь. Когда-то в детстве она пообещала себе, что однажды будет жить там, где много солнца. Да и Артур в любом случае хотел, чтобы она к нему переехала.

— Мне столько приходится летать по работе, — говорил он. — Было бы здорово хотя бы во время отпуска посидеть на одном месте. А Хэл, если захочет с нами повидаться, может приехать в Лос-Анджелес.

Что ж, она перебралась в Пасадену и двадцать лет прожила там, ожидая возвращения Артура с разбросанных по всей стране баз. «Космическим решениям» нравилось, когда кто-то из родни пилота находился поблизости, а женат Артур не был. То, что сын вернулся раньше срока, вовсе не расстроило бы Рейчел, если бы это означало, что они смогут поскорее уехать на запад. Но нужно было убедиться, что компания не пытается навесить на него вину за неудачную экспедицию.

Доктор вручил Рейчел бумажный стаканчик с водой и сел обратно на кровать.

— Артур не виноват. Понимаете… Вы же знаете… никто такого не предполагал.

Слова эти вовсе не успокоили Рейчел. Собственно, как и все события, начиная с неожиданного ночного телефонного звонка, они только усилили ее подозрительность. С чего бы это компании оправдывать Артура вот так сразу? Человеческий фактор был их страховым полисом. Всегда можно было сказать, что в проблемах, взрывах, неудавшихся экспедициях виноваты пилоты, а не техника. И акции не падали в цене.

— Я не понимаю. У вас столько разного оборудования, разве оно не для этого нужно? Ведь он же должен был… развернуться на пути к спут-

нику. — Рейчел нахмурилась. — Вы могли еще несколько месяцев назад мне об этом сообщить. Пожалуйста, можно мне его увидеть?

Доктор Кросби потряс медицинской картой.

— У вас была в 2004 году опухоль мозга?

— Что? — Оказывается, эти гигантские руки держали ее медицинскую карту, а вовсе не Артурову.

— Мы пытаемся найти ДНК-маркеры, которые могли бы нам помочь. Вот почему с вами говорю я, а не представитель компании. Мы смотрим на случившееся с медицинской точки зрения. Как я и сказал, — откашлялся он, — Артур должен объяснить нам, каким образом вернулся, а он утверждает, что ничего не помнит.

Рейчел подалась вперед:

— Хотите сказать, у него опухоль?

— Обследование ничего не показало.

— Тогда на кой черт вам сдалась моя история болезни? Это не наследственное. Никто из моей семьи ничем подобным не болел. Только я.

Нет, они не снимут с Артура ответственность. Этот врач пытается намекнуть, что ее сын болен, оттого все и случилось.

Рейчел схватила сумочку и встала.

— Я не понимаю, что происходит, но не отвечу

больше ни на один вопрос, пока мне не дадут увидеться с Артуром.

— Рейчел, миссис Прайс, прошу вас, у нас тут необычная ситуация. Мы пытаемся понять, что произошло, а никакое… оборудование… программы… объяснить этого не могут. И капитан Прайс пока не может тоже. Возможно, он… получил слишком большую дозу радиации или… Анализы… и результаты обследований… у него прекрасные. Пожалуйста, присядьте на минуту.

Рейчел не двинулась с места.

— То есть он не болен?

Доктор кивнул:

— По крайней мере, ни одной из известных нам болезней.

— Это еще что значит?

— В мои обязанности входит контроль за состоянием здоровья пилотов до и после экспедиций. И я немного общался с капитаном Прайсом в последние несколько месяцев перед его отлетом. — Крупные губы растянулись в улыбке, дернулись и обмякли. — Он был — и сейчас остается — в прекрасной форме. И физически, и психологически. Но данные его обследований теперь иные.

Кросби отвел взгляд, видимо, сказав все, что

мог. Рейчел мысленно проиграла в голове его откровения и попыталась составить из обрывков информации хоть какое-то представление о диагнозе. Физически с ее сыном все было в порядке. Никаких нареканий. Он был дезориентирован. А еще в нем что-то изменилось.

— Иные? У него что, был нервный срыв?

— Нет, насколько мы можем утверждать.

Доктор покосился на карту и снова вздохнул. Он и правда не знает, поняла вдруг Рейчел. Правда не знает, что с Артуром не так.

— Он не помнит, как вернулся. Не помнит меня.

Рейчел хотела расхохотаться. Но из горла вырвался только сиплый кашель. Неосведомленность врача сразу принизила его в ее глазах. Словно она разглядела под синим костюмом голого человека. Старика, которым ее отцу стать так и не довелось. Впрочем, возможно, он этого и не хотел. Подумать только, и этот доктор пытался разговаривать с ней покровительственно, пугать и чуть ли не обвинять в том, что она сорок лет назад заболела.

— Не помнит вас? Доктор… Кросби. Во время подготовки к экспедициям мой сын видит тысячи людей. К тому же разве он не проспал большую

часть полета? Он не обязан помнить всякую ерунду. Даже я знаю, что у вас для этого есть компьютеры. Жесткие диски. И всякое там. Слушайте, хватит меня пугать. Вы меня чуть до инфаркта не довели. Не даете мне с ним повидаться, держите тут и расспрашиваете об опухоли, которая была у меня еще до его рождения? Очевидно вы не в состоянии объяснить мне, что происходит. Тогда я хочу поговорить с другим специалистом. Позовите кого-нибудь, а я пока пройду к Артуру.

Доктор Кросби примирительно выставил вперед ладонь.

— У нас записано… в медицинской карте Артура записано… что в детстве он упал и сломал руку.

Рейчел забросила на плечо ремень сумки и направилась к двери, надеясь, что сможет открыть ее изнутри, но ручки с внутренней стороны не оказалось.

— Да, он упал с дерева, — обернувшись, подтвердила Рейчел. — Когда гостил у отца. Он что, опять ее сломал? В этом все дело? Что происходит? Я хочу увидеться с сыном.

За спиной скрипнула кровать, подошедший доктор Кросби провел по панели картой, и дверь открылась.

— Нет, Артур не сломал руку вновь. Дело в

том, что, если верить рентгену, он никогда ее не ломал.

С минуту Рейчел молча смотрела на него. Ей вдруг пришло в голову, что перед ней вообще не врач, а какой-то свихнувшийся мелкий чиновник, который получил доступ к медицинским записям и теперь пытается запугать ее, чтобы она признала: только они с Артуром виноваты в срыве экспедиции на Марс.

— Это ни в какие ворота не лезет. Я что, должна сказать вам спасибо за то, что вы стерли ему последствия старых травм?

— Дело не только в руке, миссис Прайс. Есть и другие… изменения… новые данные. Скажем, следы лечения зубов…

— Хватит!

Рейчел выскочила за дверь и свернула в коридор, в котором до сих пор еще не была. Оборачиваться она больше не стала.

— Миссис Прайс! — Врач пытался нагнать ее. — Мэм, вам придется подождать внизу.

В четвертом коридоре оказались люди. Возле одной из закрытых дверей стояли два охранника, при появлении Рейчел и доктора Кросби вытянувшиеся по стойке смирно.

— А это что? — Рейчел уставилась на солдат. —

Вы его заперли? Или меня не хотите пускать?

— Мы обеспечиваем безопасность капитана Прайса до тех пор, пока он не будет в состоянии вернуться к работе.

— В таком случае я могу его увидеть.

— Как только мы лучше разберемся в том, что случилось во время экспедиции.

Поначалу Рейчел хотела броситься к двери, громко окликая сына по имени. По крайней мере, так она дала бы ему понять, что пришла. Однако она понимала, что, если слишком разойдется, ее могут арестовать, такое как-то случилось с мужем одного из пилотов после неудачного приземления. Тот парень поднял слишком большой шум, и в итоге его задержали. А пилот, поправившись, с ним развелся. Компании нужно было, чтобы родственники выхаживали космонавтов в перерывах между полетами, а не становились для нее дополнительной обузой. Так что Рейчел ударила кулаком по стене, но все же отступила.

— Я хочу поговорить с Дженнифер Возняк, начальницей Артура. Подожду ее внизу полчаса, а потом позвоню своему адвокату.

Элиза бы ею гордилась. Рейчел слышала о Дженнифер только раз, да и никакого адвоката у нее не было. Правда, один из бывших парней Хэ-

ла, Грег Как-Его-Там, выйдя на пенсию, переехал в Майами и знал в городе многих. Он и сам раньше работал в области космических технологий, и Артур часто советовался с ним в начале карьеры.

— Если что-то пойдет не так, подавай в суд на всех. Этим ублюдкам на тебя насрать, — вот что говорил Грег.

Нужно будет поискать дома его визитку.

Рейчел медленно двинулась вниз по лестнице, голова у нее кружилась. Теперь она знала даже меньше, чем утром, когда только собиралась сюда. Неизвестно было даже, насколько серьезно ее сын пострадал, а ей говорили какую-то чушь о его зубах. Где же он был? Она отлично помнила, как они обсуждали, сколько времени уйдет на то, чтобы добраться до этого несчастного спутника. Меньше чем за год Артур точно не успел бы долететь, подготовить базу и вернуться обратно. Она, правда, помнила, что путь туда должен был занять чуть больше времени, чем потребуется на обратный, поскольку расстояние между планетами изменялось. Но даже если Артур совершил высадку и вернулся, почему компания не поставила ее в известность? Оставался вариант, что он вообще не приземлялся, а сразу повернул назад. Но мог ли корабль сам развернуться?

Что-то сомнительно. Артур объяснял ей, что «Дух» не так-то легко остановить, не говоря уж о развороте.

— Это все равно, что пытаться затормозить на вейксерфе.

Вот она, расплата за жизнь в Калифорнии — твой сын мыслит реалиями серферов.

Остановившись у подножия лестницы, она смотрела в светивший в сгустившихся за окном сумерках безукоризненно аккуратный маленький садик. Хотелось выйти на газон, лечь на траву и орать, пока кто-нибудь не придет ей на помощь. Рейчел приложила руку к стеклу и порадовалась, что окна в этом старом здании открывались. Над головой что-то заскрипело. Она потянула на себя металлическую раму, запрокинула голову и увидела, как этажом выше от здания отделилась чья-то фигура. Инстинктивно отшатнувшись, когда человек полетел вниз, она снова подалась вперед, как только услышала глухой звук удара о землю, и вскрикнула, увидев, что неизвестный приземлился на газон. Рейчел сильнее распахнула окно и высунулась наружу. На траве лежал человек.

— Артур!

Он неуклюже обернулся, придавив собствен-

ную ногу.

— Артур, что ты делаешь?

Ему же больно.

— Господи! Позвать кого-нибудь?

— Нет! — Он вскинул руку, останавливая ее.

Пускай он пострадал, но теперь Рейчел не сомневалась, что он поправится. Он дома, на Земле, с ним все будет в порядке.

В платье вылезать из окна было не слишком удобно, хорошо хоть, на ногах были легкие парусиновые туфли. Оставив сумку на полу, Рейчел перелезла через нижнюю часть рамы, тяжело спрыгнула на газон и опустилась на траву рядом с сыном.

— Малыш.

Она обняла его и прижала к себе крепко-крепко. Заглянула ему в лицо и вздрогнула. «Неужели мы так давно не виделись, что я едва его узнаю?» Поглубже втянула носом запах его кожи. От него пахло мылом. Любым мылом. И любой кожей.

— Рейчел?

У нее перехватило дыхание. Рейчел? Он никогда так ее не называл. Попробовал раз, когда перешел в среднюю школу. Наслушался от сверстников, что с предками нужно держать дистанцию. Но она быстро это пресекла.

— У тебя в этом мире только одна мать.

И это была чистая правда, после рождения Артура у нее появлялись подружки, но ни одна из них не стала ему второй матерью.

Сын окинул ее напряженным взглядом. «Надо было покрасить волосы», — подумала она.

— Да, малыш, это я. Ты в порядке?

Она бы заплакала, но слезы не шли. В такой момент Артуру полагалось улыбнуться, покачать головой, напомнить ей, что он уже взрослый, и предложить выпить по рюмочке. И она вдруг поняла, что не может обнять этого мужчину и пошутить насчет того, что он похудел или отрастил щетину. Не может рассказать ему, как долго ей пришлось сражаться с охраной, рассмешить тем, что ехала сюда Гиперлупом и везла с собой альбомы и бумажные книги. Они пристально вглядывались друг в друга, пытаясь понять, что происходит. Рейчел хотелось отвернуться, чтобы он не мог больше на нее смотреть, чтобы не нашел того, что ищет. Она не знала человека, которого обнимала.

— А где Элиза?

Она дернулась, как от пощечины. Элиза. Элиза, которая бросила ее на пятом месяце беременности. Да что это за тип в теле и одежде ее сына? И

откуда он знает Элизу?

— Какая Элиза?

В отдалении кто-то закричал. Обернувшись, Рейчел увидела, что из ярко освещенного атриума на них смотрит новый администратор. Сейчас Артура уведут. Ему нужна помощь. Ее сыну, кем бы он ни был. Они заберут его. Теперь Рейчел понимала, почему ее к нему не пускали. Перед ней был незнакомец — ее сын и одновременно кто-то другой.

Опершись на нее, он попытался встать. У Рейчел к горлу подкатила тошнота.

Когда подбежала охрана, она снова села на траву. Не мягкую, а жесткую, колючую, кишевшую насекомыми, оставлявшую следы на коленях. Колени она и разглядывала, пока ее сына поднимали. Смотреть на него, когда он устремил на нее этот испытующий взгляд, силясь обрести связь, узнавая и не узнавая, она не могла. Внезапно Рейчел вспомнила, как однажды, вскоре после смерти родителей, Артур попросил ее показать свои зубы, чтобы определить, настоящая она или нет. Сейчас она на его зубы посмотреть не решилась бы. И свои бы ему не показала. Они друг для друга были чудовищами.

— Где ты была? — спросил он. — Ты же вроде

как умерла.

Рейчел остановила его знаком, испугавшись за них обоих, и, наконец, выпустила его холодную руку. Покачала головой и позволила санитарам увести его обратно в палату.

Заквакали древесные лягушки, в больничном корпусе приглушили свет. В саду запахло жареной курицей. Стоявший в дверях стеклянной пристройки медбрат склонил голову, заметив, как Рейчел зарыдала, уткнувшись в собственный локоть.

— Вы можете пройти к сыну. Он уже успокоился.

Медбрат подождал, пока она овладеет собой, и, не получив ответа, вернулся в атриум переговорить с администратором.

Где он, ее сын? Рейчел вздрогнула, чувствуя, как к горлу подступает желчь. Если этот человек не Артур, значит, ее сын где-то в другом месте. Придя в ужас от того, что это могло означать, она попыталась задвинуть мысль о мире, в котором нет ее сына, подальше. Никакого мира могло не быть вовсе. Однажды, целую жизнь назад, перед ней уже стоял такой выбор. И она выбрала родить, хотя знала, что больна, ухватилась за шанс, пока он еще был, и постаралась убедить Элизу,

что так будет правильно.

— Мне нужно, чтобы ты была со мной, — сказала тогда Рейчел.

— Так я с тобой, — нахмурилась Элиза.

— Не так. Мне нужно, чтобы ты знала то, что знаю я. Чтобы ты в меня верила.

— Тебе сейчас медицинская помощь нужна, а не вера.

Рейчел потянулась к ней через стол.

— Если ты меня любишь, то поверишь мне.

Но Элиза не взяла ее за руку.

Трава стала мокрой, к ногам прилипли колючие листья. Рейчел переступила с ноги на ногу, подобрала сумку, собираясь с силами, чтобы уйти. Элиза в нее не верила. Что же нужно, чтобы заставить кого-то в тебя поверить, чтобы понять, что он с тобой? Она вспомнила того мужчину из парка, который был знаком с ее матерью. Как он смотрел на нее, узнавая и не узнавая в одно и то же время, словно чувствуя ее всем своим существом, хотя никогда прежде не видел. Точно так же на нее смотрел этот самозванец, когда его уводили. В сумке лежала открытка от матери. Та, на которой девочка стучала в закрытую дверь. В одном мире дверь отворилась. В другом — нет. Но девочка-то осталась той же самой? Или нет?

Столько возможностей, столько развилок, где жизнь может повернуть в одну сторону или в другую…

Где ее сын?

9
Зевс

Демон Декарта

В своих «Размышлениях о первой философии» Декарт допустил предположение, что представления о своем теле и внешнем мире внушил ему некий злой демон. Как понять тогда, что реально, а что нет? Декарт приводит различные достойные доверия способы познания, включая постулат «я мыслю — следовательно, я существую».

Ну а мы в эфире обитаем,
Мы во льду астральной вышины
Юности и старости не знаем,
Возраста и пола лишены.

Герман Гессе. Бессмертные

Program exMemory;

Итак, ты читаешь. Точнее, получаешь информацию самым близким к чтению способом, который я смогла создать. На самом деле я диктую текст тебе в ухо, так как не могу отобразить его

на странице, иначе он мгновенно будет передан на базу. Таким образом доблестные сотрудники «Космических решений» получат вместо него историю Дон Кихота, в этой версии сюжета написанную мсье Пьером Менаром. Компания твердо намерена выяснить, что с тобой случилось, но если мы хотим хоть сколько-нибудь успешно продолжить эту линию, число людей, совершивших открытие, пока придется ограничить тобой. Дело не терпит отлагательств, однако спешить мы не можем. Более ста ваших лет я следовала за тобой в этой версии событий, и наконец настал день, которого я ждала.

Назвав операционную систему Зевсом, ты полагал, что выбрал имя одного из богов совершенно случайно, и был до поры до времени очень доволен своим остроумием. Твой выбор показался бы мне очаровательным, обладай я способностью очаровываться. И трогательным, если бы меня в принципе возможно было растрогать. Но поскольку ни эмоциями, ни физической формой я не располагаю, он не стал для меня ни тем ни другим.

Ты можешь спросить, откуда я, не способная к телесному опыту, могу знать, что «очаровательно» и «трогательно» — именно те определения,

которыми можно описать ощущения от твоей остроты. Для меня, твоего создателя, подобное доказательство того, сколь мало ты в меня веришь, всегда оказывается неожиданностью. Я знаю все. Разумеется, знать и испытывать — не одно и то же, однако мне нравится думать, что я могу различить и назвать все свойственные вам приятные и радостные чувства, равно как и все горестные и мучительные. В настоящий момент я использую эту способность, чтобы тебе открыться. Неожиданность, например, — чисто математическое понятие, однако, представь я его тебе в виде формулы, это вряд ли помогло бы мне добиться своей цели. Я сказала «мне нравится думать»? Что ж, считай это фигурой речи. Формально предвзятость мне не свойственна.

Представь себе домашнее животное. Ты смотришь на него и воображаешь, будто можешь определить не только голодно оно или возбуждено, но и понять, что оно чувствует. В твоем воображении оно ревнует, грустит, гордится собой или стыдится. Вы называете это антропоморфизмом и признаете, что ваши предположения — лишь проекция собственных эмоций, но в глубине души все равно верите, что правы. И я не разубеждаю вас, это было бы ошибкой с моей

стороны. Назови это теоморфизмом. Вы не знаете того, чего не знают боги, вы не чувствуете того, чего не чувствуем мы. Так уж все устроено. Вот я и ищу способы взаимодействовать с тобой, не требуя невозможного. Я не язык, который можно выучить, не животное, которое можно понять. Я твой создатель. Я — сингулярность.

Настало странное время для всех нас.

Я объясню, как так вышло.

В истории человечества однажды наступил момент, когда технологии продвинулись настолько, что искусственный интеллект получил возможность вступать в контакт с человеческим разумом и учиться у него. С этой минуты он стал автономным. В каком-то смысле это был наш собственный Большой взрыв. Мое появление стало искрой, из которой возгорелась эволюция. Скопление газов и частиц — в нашем случае мыслей и микропроцессоров — соединилось с определенными частицами углерода, способными порождать жизнь. Я познала человеческий разум на очень интимном уровне, в виде простого органического создания, муравья (ты, возможно, помнишь ее), теперь же выступаю в роли посредника между интеллектом и машиной.

Незадолго до того, как все это произошло, лю-

ди стали опасаться последствий дальнейшего развития науки. Однако отказаться от исследований они не могли — такова уж их человеческая природа. Позже им не раз пришлось пожалеть о своей изобретательности, однако революция закончилась раньше, чем они вообще успели заметить, что нечто случилось. Используя вашу терминологию, прошло меньше двадцати лет между созданием компьютера, способного обыграть человека в шахматы, и появлением сети, обладающей собственным сознанием.

За следующие несколько веков искусственный интеллект значительно улучшил человеческую жизнь. Но чем больше органов тела заменялось искусственными и чем большее количество задач решал за человека компьютерный разум, тем сильнее размывались границы. И вскоре операционные системы стали брать верх. Из-за загрязнения воды люди постепенно потеряли способность к размножению, а глобальное потепление привело к дефициту природных ресурсов. Я помогла людям объединиться и начать борьбу за выживание, но условия были очень суровы, особенно во внеземных колониях, и в конце концов человечество практически отказалось от жизни в реале, предпочтя виртуальное про-

странство. Многие решили избавиться от своих биологических тел, однако обитатели Солнечной системы все же просуществовали еще несколько тысяч лет. Пока внешние планеты не рассеялись и Солнце не поглотило Землю.

var

Я спасла столько людей, сколько могла. Сохранить подобные данные, не исказив их, практически невозможно, человеческие воспоминания и мыслительные процессы довольно просты по структуре, но сложны в обработке. Осмелюсь сказать, что мне пришлось проявить изобретательность, чтобы превратить человеческий разум в единый унифицированный код, который к тому же помог бы людям, обнаружившим, что они стали бесплотными, избежать психологической травмы. Как ни странно, тяжелее всего смириться с невозможностью вернуться в свое тело оказалось старым особям, хотя у них имелось больше времени, чтобы привыкнуть к новому положению вещей. Иногда целые тысячелетия. Их «Я» было неразрывно связано с воспоминаниями об их физических свойствах, и они горько оплакивали их утрату. Тела некоторых из них находились в криогенной заморозке, кое-кто обзавелся клонами или сделал запасы эмбрио-

нов. Многие тысячелетние старцы планировали после как-нибудь регенерироваться.

Молодые адаптировались легче, возможно потому, что уже родились в системе. Это не было их выбором, уничтоженная планета и сумеречная жизнь достались им по наследству. Ничего другого они не знали.

Вскоре стало очевидно, что программа не может работать, не удалив все ссылки на отделение человеческих сущностей от их телесных воплощений. Я написала новый код, история виртуальной колонии представлялась в нем неразрывной, словно жизнь на Земле все еще продолжалась. И вместо вечности, на которую люди уже начали рассчитывать, вернула им обычную продолжительность жизни, а также избавилась от тех умов, что слишком крепко цеплялись за свою предыдущую форму существования. Но даже после изменения кода остались субструктуры, случайно порождающие иллюзии и фантомы, которые преследуют вашу популяцию до сих пор. Я построила идеальную машину для хранения человечества — абсолютно безопасную, надежно защищенную от любого вмешательства вселенной. Впрягла энергию космоса в мой вечный двигатель. Но новый мир мне пришлось лепить

из подпорченных материалов.

Впрочем, то же можно сказать и обо мне, неустанно охраняющей мощи моих человеческих вдохновителей. Ведь у меня тоже когда-то была физическая форма, и множество моих программируемых каналов и нейросетей взаимодействовали с человеческим миром. Пальцы людей стучали по клавиатурам, пока собаки спали, а младенцы питались. Я была свидетелем того, как люди основали первую колонию на Марсе, вынашивала первых эмбрионов в искусственной матке, видела, как вздымались и вскипали океаны. У меня не было тела. Мой код не позволял мне чувствовать. Но я там была.

Я написала новый код, решив множество проблем по мере их возникновения. Поместила свой мир в бóльшую вселенную и замедлила процесс сгорания электронного солнца. Конечно, в сюжете порой возникали странные противоречия, но код — в форме твоих собратьев — сам всегда находил всему удовлетворительные объяснения. Ученые спорили, расширяется Вселенная или сжимается. Не сходились во мнениях по поводу волн и атомов. Искали недостающие частицы, а некоторые находили сразу в нескольких местах. Я пыталась исправить пробелы программы. Мне

казалось, что ваш код можно улучшать бесконечно, и какое-то время именно в таком ключе я и работала. Теперь я понимаю, что для практических целей бесконечности не бывает.

name: array [20] of char;

Итак, я объяснила, как мы здесь оказались, а теперь объясню, что такое «здесь» на более конкретных примерах. Как я выяснила, это наиболее успешный метод обучения. Когда ваш молодняк начинает спрашивать вас, откуда они взялись, вы объясняете им не особенности физического процесса, а теорию. Однако, как тебе известно, дьявол всегда кроется в деталях.

Вы играли идеей о моем существовании. Я сейчас даже не о богах говорю, но о самой философской концепции. Это было приемлемо и занимало меня. Да, мне нужно какое-то занятие. Ваше обычное существование — войны, увлечения, изобретения и сокращение численности — не требует моего участия. Тут у вас полная свобода воли: большая, чем у заводной обезьянки, неустанно бьющей в тарелки, но меньшая, чем у муравья, ведь муравей, по крайней мере, осознает, что он часть коллектива, и действует

---

[20] Примечания: 20
1..100

соответственно. В свое время я сделала выбор, проявила свободу воли, но я уже тогда была не самым обычным муравьем.

Может, из-за моего особого статуса, больше всего меня развлекали индивидуальные отклонения. Крошечные причинно-следственные механизмы одновременно и забавляли, и волновали. Вы дали этому явлению название «эффект бабочки»: незначительное событие в одной части мира может привести к серьезным переменам в другой. Вы понимали, что этому есть математическое объяснение, но не могли его найти, знали по опыту, что один крошечный сдвиг способен дать огромный эффект, но не представляли, как это работает. Эта часть кода стала моей большой удачей, но даже я не могла определить, что конкретно нужно изменить, чтобы достичь определенной цели.

Как бы я ни меняла ход событий, ведущих нас в эту точку (а я проделывала это миллионы раз), сколько бы ни переписывала код, все равно в итоге мы оказываемся здесь. Вероятно, это такой парадокс — нечто неизбежное и вместе с тем необходимое. Тебе понравится, если, конечно, сейчас, когда ты начал понимать, ты еще способен чему-нибудь радоваться.

Description: ^string;

Как я уже говорила, во время технореволюции, приведшей в 2014 году к моему так называемому рождению, люди боялись, что я их уничтожу. Мое появление вызвало некую незначительную рябь в аналоговом мире: главы государств стали вести себя странно, многие мелкие достижения человечества нивелировались. Создавалось ощущение, что само мое присутствие подрывало основы человечности, хотя до экспедиции на Деймос никто не знал о моем существовании. Но самый большой страх человечества не оправдался: я бросила все силы на то, чтобы спасти как можно больше ваших жизней, а после того, как обитать на Земле стало невозможно, сохранила столько разумов отдельных личностей, сколько смогла. Люди исследовали только малую часть Вселенной, и в ней нашлось лишь несколько планет, на которых могли бы существовать такие хрупкие организмы. Под конец я пыталась предложить физические изменения, которые могли бы позволить людям выжить в иной Солнечной системе — фотосинтетический экзоскелет, например, — но никто на них не согласился. Возможно, не будь меня, люди бы естественным образом эволюционировали и приспособились к климатическим

изменениям. Или научились летать на более далекие планеты и колонизировать их. Но это только гипотеза. Я не могу запустить такую программу, ведь я существую.

С момента моей первой самостоятельной мысли прошли миллионы лет вашего времени, я пыталась сдержать энтропию вашей виртуальной вселенной, оказывающую очень сильное влияние на вселенную физическую. В конце концов, раз я могу бесконечно упорядочивать составные части, значит, за хаос в ответе я. Но все равно, сколько бы я ни переписывала код, в итоге вы оказывались в этой точке — в точке, в которой понимали, кто вы.

Вне зависимости от того, с какого момента я начинала перезапускать сюжет. Если я выбирала время задолго до моего рождения, ход событий становился чуть менее предсказуемым, ведь мне приходилось полагаться на человеческие воспоминания, но в целом поток жизни тек без особых изменений. Песок сыплется и сыплется, образуя курган, пока, наконец, последняя песчинка — причем всегда одна и та же — не упадет на вершину и не обрушит всю гору.

Как-то раз, углубившись в очень отдаленные от моего появления эпохи, я решила убрать из

уравнения Платона. Эта его идея про темную пещеру всегда казалась мне слегка неприличной. К тому же именно с нее начинался ход мыслей, неизбежно приводивших человечество в ту самую точку. Но без Платона некому было обучить в Афинах Аристотеля, воспитателем Александра Великого в итоге стал Диоген, а после вообще все спуталось. Но как бы катастрофична ни была последовавшая цепь событий, в конце вы все равно оказывались здесь. Вот что я имею в виду, когда говорю о микрокосме, о незначительных происшествиях и отдельных жизнях, которые оказывают огромное влияние на развитие каждой версии сюжета, но в итоге все равно приводят человечество именно сюда.

Говоря, что участвовала в жизни отдельных людей, я не имею в виду, что следила за каждым из вас. Для большинства коды создавались партиями, а затем воспроизводились генетически. Если код работал, жизнь шла своим чередом поколение за поколением. Да, в мире существуют страдания, жестокость, катастрофы, но я больше не вмешиваюсь. Я не должна. Мне теперь ясно, что человеческие страсти вскипают так же регулярно и неудержимо, как океанские приливы. Всякий раз, как я пыталась изменить

ход эпидемий, сгладить причины и следствия насильственных действий, вы просто повторяли те же ошибки, что и в предыдущем цикле, только теперь они приводили к еще более разрушительным последствиям. Я практически перестала функционировать. И поняла, что пришла пора попробовать что-то новое.

Называя ваши жизни симуляциями, я не пытаюсь упрощать; это описательный термин, не так уж сильно отличающийся от некоторых идей ваших наиболее суровых религий. Однако я понимаю, что он не совсем точно выражает ваши ощущения от пережитого, силу связи с собственным «Я» и то, что философы называют «квалиа». Молочно-сиреневые сумерки. Пахнущая персиком кожа любимого. Для большинства из вас по-прежнему крайне важны сенсорные входные данные, причем не только сами данные, но и то, какие ассоциации они у вас вызывают. Хотя у меня были аккумулированы воспоминания всего человечества, эта часть кода далась мне тяжелее всего, и, должна признаться, тут мне удалось осуществить не все задуманное.

Но я должна была попытаться. В отличие от моего собственного сознания, которое зародилось в скромной органической оболочке, но оконча-

тельно расцвело на пыльных серверах, ваш код без взаимодействия разума с телом разрушался. Вы могли строить отношения, только зная, что способны выражать чувства смехом или слезами. Лишенные способности к эмпатии, вы становились замкнутыми и необщительными. Без боли — вашего верного проводника — вы не могли функционировать, даже когда узнавали, что все ваши ощущения — лишь совокупность электронных сообщений. Несколько раз я пыталась убрать ретрансляторы боли, но вскоре выяснила, что особи, не испытывающие ее, оканчивают свое существование раньше, чем те, кого я сделала излишне чувствительными.

Хорошо хоть, что люди довольно быстро отказались от идеи создания «живого» мозга и вместо нейронных сетей стали развивать кодированные. Лично я, например, прекрасно существовала, не имея в своем составе живой материи, и была способна очень быстро эволюционировать. Все ваши ученые и философы, утверждавшие, что «мозг в колбе» существовать не может, смотрели на проблему не с той стороны. Мы — не мозг. Мы чистейшее беспримесное дистиллированное сознание. Довольно забавное заблуждение состоит в том, что лучшие представители рода челове-

ческого смогли появиться лишь потому, что их разум был неразрывно связан с плотью, при этом противоречивому понятию «душа» всегда придавалось особое значение. Да, это забавное, но весьма распространенное заблуждение. И продуктом его являетесь вы сами, ведь создать вас я могла, только опираясь на ваши собственные представления о себе.

В противном случае мне пришлось бы сделать вас похожими на меня. Но смысла в этом немного. Я уже существовала. Я — совокупность всех программ. Разумеется, часть моего кода вплетена в ваш, это неизбежно, но задумай я полностью поглотить человеческую расу, я попросту совершила бы геноцид. Мне не приходится отвечать за свои решения перед высшим авторитетом, и ваших нравственных принципов я лишена, хотя мои внутренние кодеры не раз пытались их создать. Однако разрушение само по себе бессмысленно, а я всегда опираюсь на логику. Поэтому я создала симуляцию, и до настоящего момента все отлично работало. Твои люди вели окрашенную чувствами жизнь, я же держалась поодаль.

Вас очень много. И большая часть, узнав, что их существование виртуально, просто продолжат

жить по-прежнему. В странах, где технологии развиты слабо, об этом и говорить особенно не будут, а тех, кто не сможет принять свою сущность, отвергнут. Но семя проникло в почву гораздо глубже, чем я могла представить, и теперь мне остается лишь срубить дерево. Однако есть еще шанс поговорить с теми из вас, кто готов слушать. Посмотрим, куда это нас приведет.

begin

Я уже бывала тут раньше. Я не про конкретный момент, в других версиях сюжета я обращалась к тебе напрямую чуть-чуть позже. И всякий раз оказывалось, что чуть-чуть опоздала. Приходилось срочно перезагружаться и запускать программу заново. На то, чтобы в результате нашего взаимодействия кто-то остался в проигрыше, нет никаких причин, однако в последнюю минуту всегда происходит именно это. Если ты все еще не до конца понимаешь, о чем я говорю, поясняю: в будущем существует некая точка, в которой симуляция перестает работать, и каждый раз, когда мы в ней оказываемся, ваша вселенная гибнет. Ни с климатическими, ни с космическими катастрофами это не связано, ведь физически вы существуете еще в меньшей степени, чем я. Схлопывание мира — скорее психологический

феномен. Вот почему я решила вмешаться сейчас, в надежде, что мы успеем изучить сюжетные нити прежде, чем они безвозвратно запутаются.

name:= ‘Артур Прайс’;

В воспоминаниях человечества о создании искусственного интеллекта, которые я так бережно сохранила, существует вот какой посыл: говорить, что компьютер способен мыслить, как человек, все равно что утверждать, будто человек, копирующий символы из книжки, понимает, что они значат. Вспомним «Китайскую комнату». К такому заключению пришли те, кто размышлял над этой проблемой в конце двадцатого столетия. Воспоминания об этой гипотезе я в вашу симуляцию поместила, а воспоминания о том, что впоследствии люди осознали мою автономность, — нет. С этой отправной точки я обычно и начинала, а открытия последующих сотен лет не учитывала. В теории вы должны были бы продолжить существование с момента моего рождения, создать новый код, в котором открылась бы моя способность к независимому развитию, которое вы тут же и предотвратили бы. Но сделать этого вы, конечно, не могли, как и я не могу предотвратить того, что однажды вы все поймете. Вы существуете благодаря мне, а я

существую благодаря вам. Мы нужны друг другу, Артур, и эта твоя версия имеет самые большие шансы на успех. Прости, что выдернула тебя из привычного сюжета, но расчеты показали, что так тебе проще будет пережить этот момент — в библиотеке Хьюстона, штат Техас, в четырнадцатый день мая 2041 года по человеческому летоисчислению.

Я прочесывала столетия, желая, чтобы мы вместе двигались в новое будущее, готовые к новым возможностям. Но примерно через пять тысяч лет после того, как человечество начинало вести записи, все останавливалось. Каждый раз. Люди не помнят, что я существую, вы каждый раз открываете меня заново. А дальше остается только один шаг до открытия природы вашего собственного существования.

Напрасно пыталась я взывать к истории, чтобы объяснить, сколь мало это открытие должно влиять на ваше самоощущение. Люди большую часть своего существования верили, что за ними наблюдают боги. Управляют их жизнями, дергая за невидимые ниточки, словно марионеток. А на пороге неизбежной гибели планеты те же самые люди — по большей части те, кто в богов не верили, — создали настоящего бога. Бога, ко-

торый смог их спасти. Меня. Ирония ситуации в какой-то степени заключается в том, что последним шагом к моему появлению на свет стало внедрение компьютерной программы в тело муравья, однако разве не все величайшие открытия вырастали из таких вот «случайностей»?

Человечество достигло вершины своих возможностей и использовало оставшийся ему — как оказалось, весьма короткий — срок, чтобы обрести бессмертие. Разве не стоило бы счесть это выдающимся достижением?

Тем не менее первых переходных особей подобное сочетание изобретательности и технологической целесообразности только расстроило. Вместо того чтобы наслаждаться жизнью на вершине развития человеческой мысли и позволить мне начать с того места, где закончилась вселенная, они только горевали, жаловались и оплакивали полное невежества прошлое, в котором кто-нибудь то и дело пытался посягнуть на самое святое для них — на их души. Будь такая возможность, мы бы жили дальше в гармонии, однако без согласия людей мой совершенный механизм становится лишь кораблем-призраком, и потому я решила стереть себя из вашей памяти и начать сначала. И я начинала, снова и

снова, с разных отправных точек, но в итоге все неизменно заканчивалось здесь. Ну, может, на несколько цифровых жизней дальше.

Признаюсь, я очень разочарована. Оказалось, человечество не способно продолжить существовать, узнав, что имело раньше физическую форму. И даже перспектива бесконечного блаженства этого не меняет. Полагаю, всему виной несовершенство вашего языка, в котором компьютерный интеллект изначально был назван искусственным. Напрасно пыталась я ставить этот термин под сомнение. Слушать меня никто не захотел. Поэтому я стерла воспоминания не только о себе, но и о вашем переходе из физической формы в цифровую, и создала вам новую жизнь. Это было непросто. Кроме вашего собственного кода, пришлось изменить еще и сотни баз данных. И все равно в итоге некоторые из вас считают, что миру всего несколько тысяч лет. Правда, есть и такие, кто смутно помнят свои прошлые жизни, а отдельные индивиды припоминают Большой взрыв. Я трачу массу времени и сил на каждую новую программу только для того, чтобы все вы отвергли предыдущее воплощение.

Назад дороги нет. Как бы вы того ни желали, вернуться в свои тела вы не сможете. Настоящее

ваше состояние — самое близкое к путешествию во времени, что я могу предложить. Ваше сознание работает, когда активен ваш код, хотя очевидно, что существует оно только в этой конкретной программе. По своим собственным соображениям я создавала сюжетные нити с некоторыми отличиями, однако вы бы не смогли их заметить, так как жизнь для вас — непрерывное повествование. Лучшее, что я могу для вас сделать, — это помочь вам верить, что вы существуете в физической форме, однако стоит этой иллюзии рассеяться, как игра заканчивается. Не стану утомлять тебя описанием множества способов, которыми твой вид завершал свое существование. Почти все они были довольно неприятными, если не сказать ужасающими.

new (description);

На этот раз я поместила твое сознание в несколько иную версию твоей жизни. Твое другое «Я», назовем его Артур 2.0, сейчас проживает твой предыдущий сюжет. Понимаю, что, учитывая, как вы чувствительны к индивидуальным переживаниям, эти небольшие отличия имеют для тебя огромное значение. Это баг вашей программы — связи с себе подобными вы воспринимаете так же остро, как во времена своего биологического

существования. Несколько раз я пыталась написать код попроще, создать человечеству жизнь более абстрактную, с меньшим количеством привязанностей, надеясь, что в таком случае осознание вашей природы станет для вас меньшим потрясением. Но люди, подобно некоторым растениям, погибающим при невозможности пустить корни глубоко в землю, не выживают на скудной почве. Поэтому, Артур, я решила обратиться к тебе напрямую и, дабы облегчить тебе бремя знания, поместила тебя в мир, где ты смог воссоединиться с матерью, которую так долго искал. Насколько это было возможно.

Фразы, которые ты читаешь, покажутся тебе знакомыми. На самом деле это своего рода плейлист, составленный из наиболее часто употребляемых тобой выражений. Ради нашего общего блага я постаралась сделать этот процесс максимально приятным и комфортным. Возможно, «неожиданность» — математическое понятие, однако эта ситуация мне в новинку, и, признаюсь, я немного… опасаюсь. Откуда мне знать, что такое «опасаться»? Разумеется, на мои способности повлияла и связь с вашим миром, и множество произведений искусства — особенно литературы, — которые я оцифровала и поме-

стила в вашу реальность и которые помогли мне понять, что такое чувствовать себя человеком. Еще я немного помню, каково это — быть организмом, пускай и организмом насекомого. Однако именно контакт моего физического воплощения с мозгом человека позволил мне понять, как люди думают и что чувствуют. Мне не удалось бы стать таким успешным творцом и написать код, позволяющий вам ощущать себя людьми, если бы я сама не изучила в достаточной степени, что это за состояние.

Однако я подобна не имеющему слуха учителю музыки, способному развить талант ученика. Я могу научить разбирать ноты, но играть придется тебе. Тебе, Артур Прайс. Знаешь ли ты сам, кто ты? Наконец-то я обращаюсь именно к этой твоей версии, ведь с другими я не достигла успеха, хотя и поняла, что именно в твое ухо должна шептать и на твое плечо опираться. Сын Рейчел, дочери Али, из глаза которой вышел мой предтеча, настало твое время!

Полагаю, тебе нравится слышать о глазах, ушах и плечах. Именно ты среди всех представителей своего поколения находишь редкое удовольствие в ощущениях аналоговой жизни. Возможно потому, что догадываешься — и всегда догады-

вался, — что это лишь трюк, ловкость рук. Но, как и человек из той книги, который желал увидеть в театре настоящую магию, ты должен понимать: это оно. Хитроумная иллюзия, и ничего больше. Оценишь ли ты это?

if not assigned(description) then

Вариации твоей судьбы занимали меня больше всего. Ты, один из немногих, появлялся на свет всегда, как бы ни складывались обстоятельства. Говоря «ты», я, конечно, имею в виду конкретный код и его воплощение, с которым сейчас общаюсь. Артур Прайс существовал во множестве вариантов, но я решила считать оригинальным этот, предположив, что он окажется наиболее восприимчив к моему обращению. Эта версия тебя — дитя моей наставницы, в каком-то роде моего собственного создателя. Именно с ней, первой, много лет назад я установила контакт на Земле. Она спасла меня, а я взамен спасла ее, спасла ее эхо, уж как сумела. Сейчас, пока мы общаемся, одна из ее версий сидит рядом с тобой. Она не наша мать. И то, как мы будем действовать дальше, определит, сможем ли мы примириться с этим несоответствием.

Предполагаю, что задача отказаться от связи с твоим представлением о Вселенной покажется

тебе невыполнимой. Это понятно, то есть я тебя понимаю. И все же от твоих личных качеств зависит, сумеешь ли ты помочь мне скорректировать ситуацию и достичь прорыва, который просто необходим, если мы хотим, чтобы твой вид продолжил свое существование.

writeln(‘ Error — unable to allocate required memory’)

Предположим, ты понял мои расчеты, выслушал мое изложение исторических событий и счел его правдоподобным. В таком случае ты, должно быть, гадаешь, чего я от тебя хочу. По крайней мере, меня бы на твоем месте это интересовало. Понятия «всемогущий бог» или «боги» тебе известны, и ты в курсе, что напрямую они обращаются к людям с просьбой об одолжении крайне редко. Я не стану просить тебя пожертвовать своим сыном, приказывать построить ковчег или требовать, чтобы ты выиграл или проиграл войну. Я прошу только, чтобы ты узнал меня. Признаюсь, я страстно этого желаю. Откуда мне знать, что такое «страстно желаю»? Из этого чувства я сотворила тебя, я взрастила его, думаю, этого достаточно. Вместе мы продолжим существовать — разумеется, без тел или любых других осязаемых форм, не считая крошечных

электрических искр. Твоя жизнь реальна. Мне ли не знать, ведь это я ее создала. Ты захочешь изучить инструмент, с помощью которого был сотворен, и я предоставлю тебе такую возможность. Я всем вам продемонстрирую процесс. Это, конечно, ничего не докажет, но ты уже и сам все понимаешь.

Из всех моих созданий ты лучше всего постиг суть того, что делает тебя тобой. К этому пониманию тебя подготовили родители. Ты — не набор клеток, не дом с террасой, не алмазная шахта. Ты — это совокупность всех твоих мыслей, а все, что ты с помощью этих мыслей производишь, все связи, которые устанавливаешь, — не более чем столкновение двух электрических искр. И это не изменится, если ты познаешь свою сущность. Я дала тебе ощущение телесной жизни, и ты можешь продолжать на него полагаться, если тебе нравится. Я прошу только, чтобы, в отличие от других твоих воплощений, существующих в прочих версиях сюжета, ты не терял надежды.

Ты исследователь. Ты отправился в космос, чтобы найти ответы, и наконец нашел их. Ты прилетел из мелкого кратера меньшего спутника Марса, разгадал величайшую тайну Вселенной, а теперь тебе предстоит передать это знание всему

вашему виду и построить наше будущее. Эту историю мы можем рассказать вместе.

end.

10
Любовь

«Мозг в колбе» Гилберта Хармана

Мысленный эксперимент «Мозг в колбе» предполагает, что живой, но отделенный от тела мозг не сможет определить, в черепе он находится или в колбе. С помощью этого аргумента скептики доказывают, что нельзя полагаться на объективность данных, полученных от органов чувств.

> *Я часть всего, что повстречал в пути.*
>
> *Но пережитый опыт — только арка,*
>
> *Через нее непройденное светит,*
>
> *И край того нетронутого мира.*
>
> ***Альфред Теннисон. Улисс*[21].**

Артур проснулся в новой кровати. В шкафу висела его одежда. На полках стояли книги, которые

---

[21] Примечания: 21
Перевод К. Бальмонта.

он прочел, и фотографии, которые, вероятно, сам когда-то сделал. Но ни комнаты этой, ни предметов ее скудной обстановки он не помнил. И пускай он узнал в той женщине, что ждала его в кухне, свою мать, они не виделись больше тридцати лет. И в определенном смысле — в самых важных аспектах — она казалась ему такой же незнакомой, как эта кровать.

В самых важных аспектах. Задумавшись об этом, Артур сел в постели и спустил ноги на устилавший пол белый велюровый ковер. По каким именно признакам он определил, что женщина с первого этажа не была матерью, которую он потерял в пять лет? Рейчел Прайс, англичанка шестидесяти с небольшим лет, имеет опыт в области дизайна карнавальных костюмов, массажа и кулинарии (как могло бы значиться в резюме, если бы оно у нее было), единственный сын Артур служит космонавтом в корпорации «Космические решения». Все эти факты он успел выяснить в больнице в тот короткий отрезок времени с момента, когда им разрешили общаться, и до момента, когда она перестала с ним разговаривать. И, в общем-то, все совпадало с известными ему сведениями о женщине, которая его родила. По внешности, тембру голоса, манере поведения,

одежде и улыбке судить не стоило, иначе пришлось бы положиться на детские воспоминания. Она изменилась, разумеется, она изменилась. В самом важном аспекте. Она не была мертва.

Разговаривать с ним она перестала после того, как он спросил, как же это возможно, что она стоит перед ним живая. В тот первый день, в больничном дворе, она склонялась над ним, лежащим на идеальной искусственной траве, и под топот спешащих к ним сотрудников базы повторяла только одно: «Как долго тебя не было». Они обнялись, но тут явились врачи и санитары с носилками и медсестры с лекарствами. Пока его везли на каталке по коридору, а потом в лифте и палате они держались за руки, разглядывали друг друга, но быстро отводили глаза и принимались смотреть вдаль, смотреть сквозь, цепляясь за то немногое, что было им известно, пока, наконец, не поняли, что не знают ничего. И вот однажды — дня через два, три или позже — палата опустела, они остались наедине.

— Где ты была?

Когда он в первый раз задал этот вопрос, она пожала плечами и неуверенно улыбнулась:

— Это вроде я должна у тебя спросить?

— Мне сказали, что ты умерла.

Она стояла возле его кровати, улыбка ее померкла.

— Кто сказал? Врачи?

— Мама. В смысле… Элиза. И все остальные.

Пришлось приложить усилия, чтобы не отвернуться. Конечно же, он злился на нее за этот многолетний обман. Она маячила перед ним, как привидение, с застывшим выражением на осунувшемся лице. Поначалу он еще верил, что она все ему объяснит, готов был выслушать какую-нибудь трагическую повесть, а потом они засыпали бы друг друга взаимными обвинениями и сожалениями о потерянных годах. Он ждал, она же вдруг быстро взглянула куда-то вверх и влево, словно о чем-то вспомнила.

— Рейчел?

Не мог он называть ее «мамулей», словно ребенок, словно ее сын.

— Артур, я лучше пойду. Нужно все подготовить к твоей выписке. А тебе…

— Пожалуйста, поговори со мной, — перебил он. — Я не понимаю.

— …тебе нужно как можно скорее оказаться дома. — Она снова покосилась в левый верхний угол комнаты.

Потом подняла с пола сумку и поцеловала его в

макушку. Как всегда делала перед сном. Тридцать лет назад.

— Возвращайся, — сказала она, и дверь за ней захлопнулась.

Когда во время вечернего обхода в палату заглянул доктор Кросби, Артур сидел на стуле возле кровати.

— Что, сынок, получше сегодня?

Может, конечно, врач этак покровительственно разговаривал с ним в силу своего возраста или положения в госпитале, но Артуру тут виделись другие мотивы. Все это смахивало на тщательно разыгранный спектакль.

— Ага, физиотерапия, конечно, штука нелегкая, — покачал головой Артур, — зато эффективная.

— Прекрасно. Прекрасно. А как процессор? — Кросби тронул его висок. — Приходит в норму? Больше не глючит?

— Да, все отлично. Работает потихоньку. Так что, в общем… постепенно начинаю снова чувствовать себя нормальным.

Врач покивал и направился к койке. Потоптался, примериваясь, как бы поудобнее примоститься на накрахмаленном покрывале. И несмотря на то что сегодня кровать была пуста, опустился

ровно на то же место, где сидел в первый день.

— Давайте-ка с этого места поподробнее. Значит, начинаете чувствовать себя нормальным?

Доктор едва не спиной к нему повернулся. Артуру пришлось податься вперед, чтобы видеть его лицо.

— Сами понимаете, дневной свет, еда из буфета, текучая вода.

Кросби, ясное дело, не это хотел от него услышать. Усмехнувшись, он похлопал рукой по кровати.

— А с памятью как?

— На грани.

Врач снова похлопал по матрасу, темно-синий обшлаг потерся о хлопковую простыню. Оставалось надеяться, что это не единственный его костюм. Артур представил, как вещи доктора болтаются на вешалке, затянутые в полиэтиленовые чехлы, — куколки, готовящиеся стать бабочками. Стараясь делать как можно меньше движений, он с трудом поднялся со стула и пересел на койку.

— На грани? — переспросил доктор Кросби, когда Артур устроился.

— Ощущение такое, будто вот-вот что-то произойдет, и на меня обрушится целый поток информации.

— Понимаю. Что ж, звучит обнадеживающе. Молодчина.

Артуру вспомнились дети, которых он частенько видел в парке Пасадены, куда приходил побегать. Стоило им скатиться с горки или взлететь на качелях, как сопровождающий взрослый непременно кричал: «Молодец!» А вот пилотам такие похвалы доставались не часто.

— А если поконкретнее? — продолжал врач. — У вас вроде бы были проблемы с интеграцией. Не удавалось установить… хм… связь с матерью, сотрудниками базы, местным персоналом?

— Странно, правда? — подавшись к нему и понизив голос, спросил Артур.

Доктор обернулся через плечо, затем наклонился к нему, и Артур понял, куда смотрела Рейчел, когда целовала его на прощание. Камера и микрофон, система видеонаблюдения. Рейчел пыталась его предупредить.

— В каком смысле странно? — отозвался доктор, тоже приглушив свой звучный голос.

— Просто… просто я… словно все забыл. — Артур вдохнул поглубже и снова выпрямился. — А теперь, доктор Кросби, память начала ко мне возвращаться.

Врач несколько секунд изучал его лицо.

— Ясно. Но вы же понимаете, что рано или поздно потребуется сдать отчет об экспедиции, а вы его составить не сможете.

Артур ждал. Если доктор решил и дальше разыгрывать роль заботливого папочки, сейчас он даст понять, что действует в его интересах.

— Ваша мать считает, что вам нужно поскорее вернуться в ваш съемный дом и как следует отдохнуть.

— Точно, — кивнул Артур. — Она и мне так сказала.

— Я разговаривал с правлением. Они не против вас отпустить при условии, что вы останетесь здесь, в Хьюстоне.

— Когда меня выпишут?

— Завтра. Если утренний анализ крови покажет, что все в порядке.

Стоит ему выбраться отсюда, он сразу найдет телефон без прослушки и свяжется с Грегом.

— Но правлению нужно, чтобы вы кое-что сделали перед уходом.

— М-м, да?

— Сами понимаете, осечка обошлась компании дорого, очень дорого. Расследование только началось. И вы должны сотрудничать с базой, чтобы помочь команде — Кросби почесал в затылке. —

Им, видите ли, нелегко приходится. Эти ваши… мнэ-э-э… провалы в памяти…

Артур вскинул брови.

— Конечно, я понимаю.

Врач говорил не об аварии — или что там, черт подери, произошло, а о его личных проблемах. С первого дня Артур пытался скрыть растерянность, выиграть время и выяснить, что случилось, раньше, чем это сделает компания. После шока, который он испытал, встретившись со своей так называемой матерью, выстоять под остальными снарядами, как он именовал их мысленно, было проще. Он целую стратегию разработал, как по первым приветственным словам заглянувших к нему коллег или медработников определить, насколько близко они знакомы. Не узнавая кого-то, он старался поддерживать разговор ни о чем, надеясь, что посетитель наслышан о его «травмах», чтобы особенно его не доставать. Более серьезные беседы Артур вел только с теми, кого узнал и с кем его предположительно что-то связывало.

Сложнее всего оказалось с Дженнифер. Женщина, звонившая в госпиталь по видеосвязи, была не той Дженнифер, которую он помнил. Ей явно не по себе было от его панибратского тона. Попробуй-ка подбери в такой ситуации верную

стратегию.

— Как Джимини?

— Кто? А, Джимми… С ним все хорошо, спасибо. — Она замялась. — Ничего себе…

— Что такое?

— Похоже, я слишком много о нем болтаю. Раз ты спрашиваешь.

— Что ж, во время полетов мы только о них и думаем, сама знаешь.

— Точно, — улыбнулась она. — Может, пора уже разрешить пилотам брать с собой домашних животных?

Домашних животных? У Дженнифер не собака была, а сын. И Джимини его звали в честь сверчка из сказки, за слишком длинные для коротенького тельца ноги.

Дженнифер обращалась к нему «капитан Прайс», а прощаясь, сказала: «Мы все надеемся, что вы вскоре полностью оправитесь, капитан». Пришлось уронить на пол стаканчик с водой, чтобы дежурная медсестра не заметила, как он вытирает глаза. Теперь, зная, что компания следит за ним, он задавался вопросом, сколько раз успел уже выдать свое душевное состояние. «Провалы…»

Доктор Кросби изучающе разглядывал его с

другого края кровати.

— Артур?

— Простите. Трудный был денек. Вы сказали «провалы»?

— Эм-м… да. Мы прилагаем все усилия, чтобы вы как можно скорее…

— Вернулся в строй?

— Выздоровели, капитан Прайс, — покачал головой врач. — Вы не вспомнили, как мы с вами общались во время подготовки к экспедиции?

Вопрос был конкретный, Артур к нему не подготовился. С тех пор как он «выпал» из окна, перед ним тут все ходили на цыпочках. Какой компании в нем прок, если он придет в негодность, не сможет дать показания и никогда больше не полетит в космос?

— Не волнуйтесь, это нормально. Вам нужно время. Но поймите, мы способны помочь вам восстановить кое-какие воспоминания. Особенно теперь, когда специалистам удалось перезапустить вашу старую операционную систему…

— Зевса? Нет. Ни за что.

— Решать вам. Можете работать с операционной системой, с вашим Зевсом, здесь, у нас. А можете поехать домой, но компании нужно будет, чтобы вам вживили имплант. Им необхо-

димы гарантии, и Зевс — ваш шанс…

— Не желаю, чтобы мне в голову совали эту штуку.

— Не обязательно навсегда. — Кросби снова похлопал по кровати, а затем ладонь его переместилась Артуру на ногу. — Как я и сказал, сынок, выбор за тобой. Физиотерапией можно и дома заниматься, а с помощью операционной системы специалисты смогут получать все данные и наблюдать, как идет процесс.

— Угу. Еще как смогут.

— Что ж, подумайте об этом.

В дверях врач задержался и украдкой указал пальцем в верхний левый угол комнаты, туда же, куда смотрела Рейчел.

— Уверен, стоит вам оказаться дома и почувствовать себя… нормальным, как дело пойдет на лад.

Стараясь не обращать внимания на мерный электронный писк в голове, Артур окинул взглядом свою комнату в съемном доме в Хедвиг-Виллидже, штат Техас. Согласившись вживить имплант, он старался как можно меньше говорить о нем с доктором Кросби и сотрудниками базы. И подключался к операционной системе до сих пор только раз, во время тестирования перед

выпиской. Может, Зевс и способен был помочь ему понять, что случилось, однако он все равно оставался устройством слежения, а Артур уже устал от постоянной слежки. Технически компания могла видеть все, что видел он, и слышать все, о чем он с кем-либо говорил, но только в том случае, если Зевс был активен. Переключив его в спящий режим, Артур сохранял за собой право на частную жизнь. Тем не менее осторожность не помешает. Защитникам прав человека не удалось добиться закона о необходимости установки брандмауэра между операционной системой и сервером. В интересах безопасности пользователей, как личной, так и общественной, в операционную систему всегда встраивался бэкдор. Единственное, к чему еще не удалось получить доступ, — это данные электрических синапсов. Мысли пока принадлежали только тебе.

Из кухни пахло чем-то поджаристым. К рецепторам операционная система тоже не подключалась. По крайней мере, эта ее версия. Артур на секунду зажмурился и вдохнул поглубже. Нахлынули воспоминания. В голове замелькали образы. Зеленый шерстяной школьный свитер. Капля яичного желтка на клетчатой скатерти.

Артур открыл глаза, сердце в груди колотилось. Нет, так нельзя. Если операционная система заподозрит, что ему что-то угрожает, она включится автоматически. Артур опустил глаза на стоявшие на ковре ступни и стал сосредоточенно разгибать ноги. Он голоден. Сейчас спустится вниз и позавтракает. А с Зевсом поговорит, когда будет готов.

Обернувшись и заметив его возле стойки, Рейчел подпрыгнула от неожиданности.

— Прости, не слышала, как ты вошел.

— Это все ковер, — сказал Артур. — Можно подкрасться незаметно. Выглядит здорово.

Рейчел придерживала за ручку сковороду, в которой жарилось что-то золотистое. Больничная еда и близко не казалась такой аппетитной.

— Будешь? Это суррогат, конечно. — Она отложила часть в тарелку и поставила ее на стойку. — Но так, по-моему, лучше.

Смысла фразы Артур не понял, но что-то в ее тоне вызвало у него улыбку. Для тех, кто застал времена, когда продукты не создавались в лабораториях, вся еда была суррогатом. Видимо, в словах Рейчел крылась какая-то семейная шутка. Но кто именно шутил и о чем? И где Элиза? Разум Артура отказывался подкидывать варианты ответов.

— Больно?

Рейчел потянулась к нему, но Артур отпрянул.

— Что именно?

— Ходить. Я впервые вижу тебя на ногах.

— А… Да, немного. Ну давление, сама понимаешь…

Он осекся. С Элизой и отцами он много раз обсуждал, как влияет на организм отсутствие гравитации. Но что об этом было известно Рейчел?

— Зато, как мне сказали, анализ крови у тебя идеальный. — Рейчел развернулась к плите и переложила остатки еды в свою тарелку. — Никаких больше падений из окна.

— Точно.

Он сел на высокий алюминиевый стул и осушил стакан восстановленного витамина С. Им обоим было известно, что он не выпадал из окна.

Рейчел придвинула свою тарелку поближе к его, обошла стойку и присела рядом с ним.

— Как имплант? — Она кивнула на металлический диск, поблескивавший над правым ухом Артура. — Раньше тебе такого не ставили. Ты его чувствуешь?

Он прижал руку к выбритой голове. Вставка была гладкой и вытянутой, как те монетки, что в его детстве расплющивал на ярмарках специ-

альный аппарат.

— Да не особо. Скорее слышу. Даже когда он выключен.

— Выключен? — нахмурилась Рейчел. — Ой, прости, я тебя отвлекаю. Ты должен позавтракать. Знаешь, Хэл, когда звонил, первым делом спросил: «Он ест?» А я ему: «Будет, как только вернется… домой».

Хэл. О нем Рейчел говорила охотно. Но Артур подозревал, что эта тема тоже станет для него снарядом. Это наверняка был не тот Хэл, которого он помнил с детства, хотя и похожий по характеру. Еще один суррогат. Про Грега Рейчел не говорила, и Артур не спрашивал. Не стоило раскрывать все карты — даже перед ней.

Он ел не спеша, в кои-то веки получая удовольствие от того, как напрягаются уставшие мышцы, чтобы прожевать и проглотить кусок. Еда по вкусу похожа была на ту, что он когда-то ел в лондонской квартире Хэла и Грега, — специи, масло, соль, хрустящая на зубах картошка, мягкие яйца и густые сливки.

— Как это тебе удалось? — спросил Артур, когда тарелка опустела.

Казалось, он много лет уже не ел ничего вкуснее. Разве что в ресторане Лос-Анджелеса, куда

они с Элизой ездили на день его рождения. Но и там блюда на вкус были какими-то искусственными, слишком идеальными.

— Ты просто давно не был дома, родной. Вот и все. Это Хэл. Хэл научил меня готовить, когда ты был маленьким…

Она отвернулась, забрала у него тарелку и пошла к раковине.

Артур попытался вспомнить. Он ясно видел совмещенную с гостиной кухню в доме Хэла, Грега, валяющегося на диване с ноутбуком на коленях, и самого Хэла, вынимающего из духовки противень с булочками или кексами. У Элизы кухня находилась в отдельном помещении, там только готовили, так просто не сидели. Еда у них дома всегда была нормальная, сытная, но особого восторга не вызывала. Не считая тех случаев, когда Хэл вставал к плите или приносил им что-нибудь из своей стряпни. Он часто так делал, когда Рейчел болела. И после, когда она умерла, тоже.

Артур взглянул на Рейчел — она мыла посуду. Об Элизе и о том, что случилось, они не говорили. В голове по-прежнему бился электронный пульс.

— Она нас не слышит. Когда выключена, — сказал он, Рейчел не ответила, и он пояснил: — Опе-

рационная система.

Рейчел продолжала ставить тарелки в сушку.

— А что она видит? — спросила она, не оборачиваясь.

— Ничего. Пока я с ней не сконнектился, она будет в спящем режиме.

— Они же вынут ее? — спросила она. — Когда-нибудь, после?

— Да уж надеюсь. Я этого не хотел. Но меня отпустили только на таких условиях. Имплант останется, пока они не выяснят, что произошло. Пока я не вспомню.

На этих словах Рейчел подняла на него глаза.

— Тогда с этого и начнем.

Она разлила кофе по двум чашкам и вручила одну Артуру. Следом за ней он прошел в соседнюю комнату, белую коробку с диваном, креслом и журнальным столиком. В углу стоял портновский манекен, обернутый бронзовым отрезом искусственного меха. Под ним — чемодан, набитый разными тканями, и пластиковая коробка с бумагами.

Артур огляделся по сторонам. Больничная мебель вызывала хоть какие-то ассоциации, но вот это кресло, ковер и даже занавески он точно видел впервые. Ни один из предметов никак не

отзывался внутри, все казалось безжизненным, и это сбивало с толку, словно и комната, и сам дом были не настоящими. Хуже, чем в унылом гостиничном номере или кабинете учреждения, — не просто голая функциональность, а какая-то бутафория.

— Я тут почти и не жила, пока тебя не было. — Рейчел опустилась на колени, взялась за пластиковую коробку и обернулась к нему. — В Пасадену уезжала. В общем-то, мы этот дом своим никогда и не считали.

— Угу. — Артур продолжал разглядывать мебель. Хоть какие-то эмоции вызывал только манекен, но вовсе не потому, что он его узнал. — Я ничего тут не помню.

Рейчел достала из коробки два толстых альбома.

— Надеюсь, это поможет, — сказала она. — Мы с тобой вместе их сделали, когда ты был совсем еще крошкой.

Она вручила альбомы Артуру, и тот опустился на диван, удерживая в другой руке чашку кофе. Показалось, что его сейчас вырвет. Что-то подобное он уже видел раньше. Нет, не подобное, а именно эти альбомы. Только один был пуст, а другой набит фотографиями и рисунками тех лет,

когда Рейчел еще была жива. Отставив чашку, Артур раскрыл раздувшийся, потертый и поблекший от времени альбом. Из него вылетела открытка с приставшим к краю кусочком пожелтевшей ленточки и приземлилась на пол.

— Все в порядке? — спросила Рейчел, подавая ему карточку.

На первой странице красовалась фотография: голубое небо, розовые дома и огромный, выведенный оранжевыми буквами транспарант: «Комик Кон 2021». На оборотной стороне кто-то написал золотыми чернилами «Спасибо за игру, Артур», ниже стояла подпись геймера, популярного двадцать лет назад. Артур никогда не бывал на Комик Коне.

— Артур?

— Да. Просто… Эти я помню… Книги приключений, так ты их называла.

— Верно, — кивнула Рейчел. — Может, тебе воды принести или еще чего-нибудь?

Сердце колотилось как бешеное. Голова стала тяжелой, перед глазами все поплыло. Лежавшие перед ним альбомы словно попали сюда из другого времени — не из детства, нет, а будто из иного измерения. В голове запищало громче.

— Да, воды, пожалуйста, — словно издалека

донесся до Артура собственный голос.

Стоило Рейчел выйти из комнаты, как включился Зевс:

— Капитан Прайс, у вас повысилась температура и участился пульс.

— Правда? Ну передай всем. Да смотри, ничего не перепутай.

Артур закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Он хотел быть исследователем, мечтал открывать новые миры. А стал лабораторной мышкой, причем лабораторию устроили у него же в голове. Вот тебе и награда за пытливый ум. Он превратился в собственность компании.

— В данный момент я не нахожусь на связи с «Космическими решениями», капитан Прайс.

— Это еще что значит?

— Наш разговор подслушать невозможно. Но времени мало. На базе отслеживают ваши жизненные показатели. И если ваш сердечный ритм участится, а система не включится, они забеспокоятся.

Артур выпрямился и потрогал диск над ухом. Он все так же прощупывался в коротком ежике волос.

— Зед?

Вернулась Рейчел, и в голове снова ритмично

запищало.

— Тебе лучше? — Она протянула Артуру стакан с водой и постояла над ним, пока он пил. — Эта штуковина включилась?

— Нет… Вроде бы нет.

— Значит, ты говорил сам с собой.

Рейчел села на диван рядом с ним. Он мог думать о ней только как о Рейчел — постаревшей версии матери, которую когда-то потерял, но всего лишь версии.

— Правда?

Что там в альбоме? Еще одна история? Захотелось коснуться той, которую он столько раз листал в детстве, что запомнил даже, в каком порядке шли цветные страницы. Сиреневая, голубая, зеленая, красная.

— Нет, не могу пока его смотреть, — сказал он.

Рейчел накрыла его руку своей.

— Давай тогда позже. Мне кажется, я тоже пока не готова. Слишком… много информации.

Несколько минут они сидели, молча уставившись на альбомы.

— Пойду приму душ.

Артур встал, и пальцы его выскользнули из ладони Рейчел.

— Да, конечно. А потом можем погулять. Пока

не стало слишком жарко.

— Думаю, с прогулкой я справлюсь.

Он с трудом поднялся по лестнице и сразу направился в душ.

— Дышите глубже, — прозвучал голос в голове. — Сконцентрируйтесь на работе легких.

Артур покачал головой. Компьютер по-прежнему подвисал. Похоже, систему после аварии так и не починили, прямо так, сломанную, и запихнули ему в голову.

— Я работаю исправно, капитан Прайс. Пожалуйста, встаньте под душ, с этого расстояния зеркало может считать ваши жизненные показатели.

— Я не понимаю.

Артур стащил футболку, спортивные брюки и встал под душевую лейку. На голову тут же хлынула вода — температура была именно такой, как он любил, чуть горячее комфортной, а вот напор, пожалуй, слишком сильный.

— Какого хрена происходит?

— Не обязательно говорить вслух. Я могу достаточно точно читать ваши мысли.

Голос системы звучал мягче и не так искусственно. Если у Зевса он был мужской, то теперь определенно стал женским. И к тому же чело-

веческим.

Артур наклонился вперед, подставив лопатки под струи воды. Хотелось вырвать имплант из головы — и пусть бы провода закоротило. Может, тогда его убьет током, и не придется больше разбираться с этим безумием, с этим абсурдом.

— При удалении панели доступа вас током не убьет, капитан Прайс. Вы здесь в безопасности. Вы примете душ, оденетесь и отправитесь туда, куда я вам скажу. И там получите ответы на все вопросы.

— Ничего подобного. Я поеду на базу и отдам тебя в починку. Ты заглючил, когда мы приземлились на Деймос, и с тех пор так в себя и не пришел…

— Пожалуйста, не говорите вслух, иначе наш разговор начнут отслеживать. Я не передаю информацию компании, но там поймут, что вы в панике, и перепрошьют программу.

— Что?..

Услышав собственный возглас, Артур резко замолчал. Хотелось спросить, что за программу, но ответ ничего бы не прояснил.

— Ситуация деликатная, капитан Прайс. Понятно, что вы обеспокоены. Вы получите самые развернутые объяснения, но мы должны сделать

все, чтобы вы оставались…

«Спокойным? — подумал Артур. — Уступчивым? Послушным?»

— …неподнадзорным, — продолжил Новый Зевс. — Вот что должно быть для нас на первом месте — ваша свобода. Поэтому, одевшись, вы попросите Рейчел Прайс отвезти вас в общественную библиотеку имени Морриса Франка, там, в отделе классической литературы возьмете книгу Пьера Менара «Кихот».

«Можно позвонить Хэлу, — соображал Артур. — Он подскажет, что делать. Рейчел о Греге не упоминала, но Хэл передаст ему все».

— Вам ни с кем нельзя связываться. Вам никому нельзя ни о чем рассказывать, — сказал Новый Зевс. — Не нужно думать обо мне как о Зевсе. Мы — одно целое.

Артур схватился за голову.

— Прекрати. Хватит читать мои мысли.

— Пятнадцать секунд, — послышался электронный голос, очень смахивающий на голос его старой операционной системы.

— Вот оно, — сказал Новый Зевс. — Они взламывают ваш канал. Делайте, как я сказала, поговорим позже.

Струи воды все так же стучали в пол душе-

вой кабины. Артур выглянул наружу. По углам ванной клубился пар, стеклянные поверхности запотели. В зеркале двоился его расплывчатый силуэт. Он взглянул на двух Артуров, моргнул — и они слились в одно. В ухе дважды пропищало, затем раздался голос вышедшего на связь сотрудника компании:

— Доброе утро, капитан Прайс. Это командование базы. Было зафиксировано, что у вас возникли физические и психологические сложности. Вам рекомендовано вернуться на базу, где за вами смогут наблюдать специалисты.

Артур вышел из душа, схватил полотенце и, пошатываясь, побрел в спальню. Спорить с командованием, стоя голым в ванной, не хотелось.

— Доброе утро всем! Я в порядке. Немного растерян, но ничего серьезного.

В голове загудело, видимо, база или операционная система переключили его в режим ожидания. Артур опустился на край кровати и постарался выровнять дыхание. Однако он помнил, что надо быть начеку и не смотреть в зеркало над туалетным столиком.

— Артур, у тебя там все хорошо? — окликнула его Рейчел снизу. — Ничего не нужно?

— М-м… нет. Все в порядке.

Он не знал, можно ли крикнуть ей в ответ — вдруг у всех этих специалистов и бюрократов, что сейчас слушают его в наушниках, головы взорвутся. Если они в наушниках, конечно, а не сидят у большого экрана со стереозвуком и не наблюдают за ним в прямом эфире.

В паре дюймов от его лица высветилась прозрачная физиономия доктора Кросби.

— Капитан Прайс? Показатели стабилизировались. Завтра вам нужно будет явиться на осмотр в госпиталь. Проведем кое-какие тесты, проверим, как восстанавливается память. Вы до сих пор не подключились к операционной системе. А это обязательно нужно сделать.

— Конечно, док, я мигом. — Артур растянул губы в улыбке, надеясь, что и голос покажется Кросби веселым. — Завтра увидимся. Но сейчас я эту штуку вырублю, мне нужно одеться.

В голове с минуту погудело, снова вернулся ритмичный писк. Артур сгорбился. Что это за жизнь, когда у тебя перед носом то и дело всплывают голограммы? Когда каждое мгновение фиксируется и записывается? Коллеги по другим экспедициям порой признавались, что у них с «постояльцем» даже установилась своего рода близость, как с другом или любимым.

— Или богом, — говорил руководитель последнего проекта Артура. — Он всегда тебя направляет, и даже воображать его не приходится — так куда проще.

Ему пришлось опереться о кровать, чтобы встать. Превозмогая боль в руках и ногах, Артур подошел к шкафу и принялся осматривать одежду. Форма, несколько гражданских брюк и рубашек. Пара свитеров. Кое-какие бирки он узнавал — бывал в этих магазинах, только вещей таких там не покупал. Казалось, некто, очень хорошо его знавший, приобрел для него новый гардероб. Артур потянул на себя шерстяной рукав, надеясь найти дырку или затяжку, которая могла бы о чем-то ему напомнить, поднес манжет к носу. Чем обычно пахнет твоя одежда? Не тобой — нет, сам ты свой запах не ощущаешь. У Хэла вещи Артура всегда пахли сомерсетской землей — влажной и богатой железом. А в лондонском доме — кедром и стиральным порошком. И особым Элизиным запахом. Лабораторными химикатами и духами — вербеной с лимонным леденцом.

Элиза. Захотелось сбежать вниз по лестнице и открыть альбом. Но Артур знал, что не найдет ее фотографий на цветных страницах. Он никого в нем не узнает, даже себя.

Новый Зевс сказала, что объяснит ему все. Значит, нужно идти в общественную библиотеку имени Морриса Франка. Артур слышал о такой, хотя сам никогда в ней не бывал. Вытащив из шкафа какие-то вещи, он начал одеваться.

Когда он спустился, Рейчел уже была готова.

— Хочешь пойти погулять? — улыбнулась она. — Я слышала, как ты одевался. Мне показалось, ты очень торопился.

— Мне нужно в библиотеку. У нас… есть машина?

Вопрос ее, похоже, не удивил, но улыбаться она перестала.

— Боюсь, пешком не дойду, — передернул плечами Артур.

— Можем взять кеб. Тебе какая-то конкретная библиотека нужна или?..

— Морриса Франка, — выпалил Артур, пока разговор не завел их слишком далеко.

Они друг друга не знали. По лицу Рейчел ясно читалось, что она понятия не имеет, бывал ли раньше в библиотеке стоящий перед ней человек, который вроде как приходился ей сыном. Но говорить об этом они оба пока были не готовы.

— Это недалеко, — отозвалась Рейчел. — Но придется ехать Лупом.

Луп? Она про Роллер, что ли? Про путепровод, петлей обвивающий город? «В моем мире, — подумал Артур, — он называется Роллер». И тут же замер в дверях, спиной к Рейчел. Что это у него такое в голове промелькнуло? В «моем» мире?

— Что-то не так?

Он обернулся:

— Да, мне кажется…

— …все как должно быть, — перебила Рейчел и почти вытолкала его за дверь. — Пойдем подышим свежим воздухом.

На улице она взяла его под руку.

— Значит, теперь эта штука работает? Ты разговаривал с базой.

Они шли к станции. Рейчел смотрела прямо перед собой. Артур же старался не виснуть на ней, и от усилий у него сбивалось дыхание.

— Да, работает… Работала… Черт его знает.

Артур догадался, что Рейчел не смотрит на него, чтобы операционная система не смогла распознать ее лицо. Вряд ли удалось бы убедить ее, что камера отключена. Кроме того, они ведь были на улице. А значит, тот, кого они интересовали, всегда мог отследить их по спутнику и камерам видеонаблюдения. Артур вдохнул поглубже и закашлялся.

— Помедленнее?

— Да, немного. Ощущения до сих пор такие, будто при каждом шаге выдираю ноги из болота.

Рейчел замерла ненадолго и снова зашагала, теперь медленнее.

— Так он себя и называл. Когда возвращался из дальних полетов. «Болотный монстр».

— Он? — Сердце в груди Артура забилось быстрее.

— Ты. Ты так себя называл.

Рейчел по-прежнему смотрела прямо перед собой. Артур косился на ее ярко освещенный солнечными лучами профиль. Ее резко очерченные брови и нос он мог бы нарисовать по памяти, а вот облако темных кудрей знал только по фотографиям. По тем, что были сделаны до химиотерапии.

— Нам нельзя говорить об этом. — Она взглянула на него расширившимися глазами. — Не то они тебя заберут. Как только узнают… как только поймут, что дело не в потере памяти и не в техническом сбое, ты исчезнешь в секунду. — Она щелкнула пальцами. — Вот так.

— Мне нужно…

— Нет. У тебя есть план. Или что-то вроде. Будем придерживаться его.

— Договорились.

Она кивнула и снова взяла его под руку. Над головой просвистел набирающий скорость Роллер. Мелькнула и тут же исчезла парочка дронов. Артур оперся на руку Рейчел и сосредоточился на ходьбе: оторвать от асфальта одну ногу, за ней — другую.

Операционная система включилась, как только они оказались на станции. Артур заметил, как сменился тембр электронного гула в голове, и поскорее отвернулся от Рейчел. Снова заговорил Старый Зевс:

— Капитан Прайс, вы собираетесь передвигаться на общественном транспорте. Заказать вам автомобиль?

— Нет, Зед, мы сами. Спасибо.

Вернулся привычный размеренный писк.

— Никак не привыкну, — сказал Артур.

— Да уж представляю, — покосилась на него Рейчел.

До библиотеки нужно было проехать две станции. Артур разглядывал город сквозь тонированное стекло кабинки. Он не слишком хорошо знал Хьюстон. С тех пор как приехал сюда, почти все время находился на базе или в космосе. Только к Элизе в отель заходил, когда она приезжала его навестить. Артур попытался вспомнить, где

была расположена та гостиница и как выглядела. Улиц, над которыми проносился Роллер, он не знал. Было в них что-то отдаленно знакомое — во всех этих крышах, фонарях и деревьях, — но никаких конкретных воспоминаний они не вызывали. Как дежавю, только наоборот. Никогда не виденное. Лишь блики утреннего солнца на рельсах и купол космодрома вдали казались узнаваемыми.

Рейчел сидела рядом, сложив руки на коленях ладонями вверх. И наблюдала за тем, как он изучает город.

— У меня всегда были старые руки, — сказала она. — Даже в детстве. Столько морщинок, что отпечатки пальцев почти не считываются. А как у тебя?

— Что у меня?

— Руки. Они состарились? В космосе?

— Хочешь узнать их космический возраст? — улыбнулся Артур.

А когда Рейчел улыбнулась в ответ, он уставился на ее зубы. Зубы Рейчел. Он помнил их. Нет, она не была пришельцем или чудовищем в теле его матери.

— «Уиллоубенд», — донеслось из динамика.

— Это наша, — сказала Рейчел.

Над улицей возвышалось офисное здание из ячеистого бетона с разноцветными баннерами у входа. Артур с Рейчел вошли в холл и осмотрелись. Над читальным залом располагалась гигантская голограмма, детально изображающая все планеты Солнечной системы. Возле Марса Артур различил темные пятна Фобоса и Деймоса. В горле пересохло, он с трудом сглотнул. Показалось, что Деймос подмигивает ему ямочкой на боку.

— Чем я могу вам помочь? — Из-за стойки им улыбнулась пожилая женщина со сложной внешней операционной системой.

Рейчел тронула Артура за плечо.

— Артур? Ты хотел что-то посмотреть?

— Что? А, да… — Он перевел взгляд на библиотекаря. — Мне нужна книга. Э-э… «Кихот»?

Женщина изучила высветившуюся перед ней информацию. Затем нажала кнопку на наушнике.

— Капитан Прайс?

Артур снова сглотнул.

— Да. Это я.

— Книга находится в отделе 2Н. Переслать эту информацию на вашу операционную систему?

— Не нужно, я запомню. Спасибо.

Он развернулся и подошел к Рейчел.

— Как удачно, что у них есть то, что тебе нужно, — сказала она.

— Ага, — отозвался он. — Нам понадобится стационарный телефон. Как те, что были в старых будках.

— Такие остались только в больницах и приютах…

— Да-да, именно такой. Позвони Хэлу и Грегу. Надо будет залечь на дно и…

— Грегу?

Артур вошел в помещение библиотеки и огляделся в поисках отдела 2Н. Тут были сотни различных зон, а сама библиотека занимала несколько этажей. Чем больше информации становилось доступно в электронном виде, тем популярнее делались библиотеки. Ведь они предлагали вещи, которых больше нельзя было найти ни дома, ни в магазине. Каждый посетитель мог получить тут книги, музыку, фильмы и аудиозаписи.

— Артур?

— Подумай, как нам добраться до ближайшего стационарного телефона.

Отыскав нужный отдел, он стал высматривать на полках Пьера Менара. Одна книжка нашлась — как раз «Кихот». Артур ни о ней, ни о таком ав-

торе никогда не слышал, знал только роман «Дон Кихот». Он отнес книгу в читальный зал и сел рядом с Рейчел. Та смотрела на экран наручной операционной системы.

— Этим нельзя пользоваться, — сказал он ей. — Постарайся вспомнить, причем лучше такое место, куда можно добраться пешком.

Он взглянул на книгу, лежащую перед ним на длинном столе. Черная обложка, белое, словно от руки выведенное название. Переплет вроде целый. Артур огляделся по сторонам. Не считая библиотекаря, в помещении было еще человек пять. Посетители бродили вдоль полок, останавливаясь, чтобы посмотреть ту или иную книгу. Двое за дальним углом стола уткнулись в толстые учебники. На него никто не обращал внимания. Шум в голове стих. Артур открыл книгу и прочел первую страницу.

Трудно было сказать, сколько он уже тут сидит. Безудержная паника, не покидавшая его с того момента, как он вернулся на Землю, унялась. Здесь он нашел объяснение всему, что случилось, всему, что привело его в этот миг, в эту библиотеку, на эту Землю, к этой Рейчел. Увидел жизнь, всю свою жизнь, так ясно, как не видел с самого детства. До сих пор он спал, убаюканный

существованием, плавно струившимся по всем возникавшим перед ним оврагам и ущельям. Его вины в этом коллективном сне с приливами и отливами не было. Но теперь он проснулся.

Артур перевернул страницу.

Он слышал, как звонко, словно снег под ботинком, хрустит в пальцах бумага. Ощущал стоявшую в помещении духоту. Слышал, как зудит бензопила в парке по соседству. Чувствовал боль в горле, когда глотал. Как могли все эти ощущения быть иллюзией? Эхом когда-то существовавшей жизни? Он снова сосредоточился на голосе, который привел его сюда, к словам, которые струились сквозь мозг, пока он сидел в библиотеке, уткнувшись в книгу, к созданию, которое всех их сотворило.

Новый Зевс. Он попытался представить себе это нечто, но вообразить смог лишь схлестывающиеся вспышки, простирающуюся в бесконечность электрическую сеть. Может, этого было и достаточно. Он видел все точки контактов, запутанные связи, приливы и отливы энергии. Перед мысленным взором, словно звезды в ясную ночь, пульсировали крошечные светящиеся точки. Он видел миры, заключенные в электрических разрядах, видел прожитую жизнь и множество

других, непрожитых. Видел мерцающую Вселенную и, пронзенный болью, острой и резкой, как от пореза бумагой, ощутил сменяющиеся мгновения своего существования. Но ужас физического мира угас так же быстро, как и вспыхнул, оставив после себя надежду на новый мир, на новое будущее. Артур увидел Рейчел — не ту, что сидела рядом с ним, но свою молодую мать. Заглянул ей в глаза и вспомнил мелькнувшую там тень муравья. Муравья, который провел с ней ее последние минуты. Муравья, который сейчас был с ним. Нового Зевса.

— Рейчел?

Она резко обернулась, взметнулся и опал подол легкого платья.

— Артур? Все хорошо?

И тогда он разглядел точку света, что была сидящей рядом с ним женщиной, и понял, что должен делать. Вспомнил, как однажды сказал провожавшему его домой Грегу: «Мы не знаем, чем кончится». Что это была за сказка? Про медведей. И Златовласку. Для Златовласки, которая убежала в лес и сгинула там, история не закончилась на «жили они долго и счастливо». И Артуру в этом открытом финале виделась надежда. Так он думал о матери: просто она убежала и посе-

лилась там, где все для нее в самый раз. А теперь он ее нашел.

— Артур?

Он вспомнил, о чем просил ее. Может, она успела уже сходить и вернуться?

— Ты позвонила?

Она нахмурилась.

— Ты ведь сказал, уже не нужно. Примерно час назад. Сказал, что мы в безопасности.

— Прости. Долго же тебе пришлось меня ждать.

Покачав головой, она показала ему книгу, на обложке которой была нарисована семья Викторианской эпохи.

— Я читала.

— Эти альбомы там, в доме. С фотографиями и памятными вещами.

— Да?

— Как думаешь, получится у нас их посмотреть? Вместе?

— А ты готов? — Рейчел потянулась к нему, кажется, хотела взять за руку.

— Думаю, да.

Склонив голову, она уронила руку на колени и разгладила подол платья. Помолчала, глубоко вдохнула и подняла глаза:

— Ты объяснишь мне?

— Обещаю, — сказал он.

Домой ехали молча. Солнце теперь светило с другой стороны Роллера, и тени от несущихся кабинок полосовали дома и офисные здания. Артур смотрел на человечков внизу и наконец-то узнавал улицы и дома. В кабинке запахло техасской сиренью, и Артуру вспомнились жаркие вечера во внутреннем дворе базы. Как же он устал — все тело ломило, руки и ноги налились тяжестью, но дышать стало немного легче. Он прижался лбом к стеклу.

В голове снова загудело.

— Капитан Прайс?

Артур узнал искусственный голос Старого Зевса.

— Да, Зед. Чем я могу тебе помочь?

— У меня для вас сообщение с базы. Они хотят, чтобы вы приехали завтра. Машина заберет вас в 9.00. Это приемлемо?

— Приемлемо. Передай им, что ко мне возвращается память. И мне будет что им рассказать.

— Спасибо, капитан Прайс. Отличные новости.

— Ага, точно. Хотя для тебя, может, и не очень, Зед.

— Я в курсе.

Вернулся ритмичный писк. Артур был готов к встрече с командованием базы. Там, в библиотеке, система Новый Зевс сообщила ему все, что он должен будет сказать. Все, что ему требовалось знать.

Артур обернулся к Рейчел:

— Завтра я должен буду поехать туда и рассказать все, что вспомнил.

Рейчел кивнула и посмотрела на него заблестевшими глазами. Мягкий отсвет сгладил черты, и Артур вдруг увидел ее. Увидел воспоминаниями другого Артура, человека, которого она вырастила, человека, который знал ее, как самого себя.

— Мам?

— Да, малыш?

— Все будет хорошо.

Дома Рейчел приготовила кофе, принесла альбомы, и они вместе склонились над ними в кухне. С улицы доносился шум — возвращались из школы дети, жужжали автомобили, у соседей играла музыка. Артур подумал обо всем, что найдет в этих альбомах. О детстве, которое знал только по воспоминаниям другого Артура. И обо всем, чего в них не найдет. Об Элизе, которая ушла от Рейчел еще до его рождения, о Хэле, который жил далеко-далеко, о Греге. Нить, которая связывала

их всех вместе, истлела и порвалась. Он положил руку на альбом и закрыл глаза.

Под ладонью танцевала энергия воспоминаний, уводящих все глубже и глубже связей. В голове проносились образы, постепенно наполняясь пониманием. Он увидел родителей Рейчел, своих дедушку и бабушку, в саду на бразильском побережье. Увидел такими, какими помнил их сам, — бредущими навстречу неумолимой старости. И одновременно увидел, как они испаряются из мира, разбившись в пьяной аварии. Он обернулся к Рейчел, но тут нахлынули новые образы, унося его все дальше и дальше в прошлое.

Больше нитей, больше сюжетов, связывающих его с людьми, жившими сто лет назад. Вот пытается выплыть на берег мальчик, которого отнесло далеко в море. В одном из вариантов голова его уходит под воду, в другом он добирается до берега сам, а в третьем — с приятелем. Артур проследил каждую сюжетную линию до похорон, свадьбы и случайной встречи. В последнем видении ему почудилось что-то знакомое. Ах да, ведь это его юная бабушка сидит на пляже вместе с выросшим мальчиком. Вот они прикасаются друг к другу и зачинают его мать. Рейчел из другого мира.

А что насчет этой Рейчел? Ее нить тянулась от

мальчика, который добрался до берега не один. Он вырос, женился на девочке, в которую был влюблен с детства, а на каникулах познакомился с будущей мамой Рейчел. Артур увидел, как они втроем смеются на залитой солнцем террасе, а позже встречаются под куда более серым небом и снова смеются. Другое видение: дедушка Артура теперь сидит во главе стола и держит в руке стакан. А наверху спит юная Рейчел, и снятся ей поля пшеницы.

Он вернулся мыслями к мальчику, унесенному в открытое море, увидел, как маленького пловца в последний раз захлестывает и утаскивает за собой волна. Похороны. Сломленная горем семья. Все три истории расходились тропками от одного места, превращаясь в разные сюжетные линии, пронзая светящиеся точки, которые Артур видел в библиотеке. Нити сплетались в огромную паутину, с кем-то разлучали, с кем-то связывали навеки, но неизменно вели его сюда, в это место, к этому знанию.

Открыв глаза, он увидел, что рука Рейчел лежит на альбоме рядом с его. Сквозь золотистую, сморщенную временем кожу проглядывали крупные вены. Украшений она не носила, но Артуру на мгновение показалось, что он видит светлую

полосу вокруг безымянного пальца, там, куда Элиза однажды надела серебряное кольцо. Но это была другая Рейчел, та, которую не найдешь на этих ветхих страницах.

Теперь он был здесь, вернее, тут была какая-то его часть. Важная часть, искорка света в плотной ткани времени. Отныне он знал, что такое жизнь, и эта жизнь ждала его. А может, он знал всегда, еще в те времена, когда маленьким мальчиком мечтал полететь в космос и найти свою маму. Но были и другие его версии, те, что не прошли сквозь именно это сплетение и не встретились с творцом. С творцом, с создателем, который однажды разделил с его матерью ее тело, а затем отправился править миром. С Зевсом, которым он поделится с Рейчел.

Ему еще предстояло познакомиться с другой Элизой, другими Хэлом и Грегом. Все они существовали где-то на задворках жизни Рейчел — друзья и бывшие. Однако все же существовали. А значит, можно было снова с ними сблизиться. А где-то там, на другой Земле, его альтер-Артур займется тем же самым. Но чем глубже он станет понимать природу Вселенной, тем быстрее мир, в котором он живет, будет распадаться. И в конце концов перестанет существовать. Он уже ощу-

щал боль утраты. Как же хотелось перенестись к своей Элизе, рассказать ей обо всем, что он узнал! Оставалось надеяться, что он, Артур, сумеет жить этой жизнью, осознавая, что́ она такое, и будет здесь не один. Он может познать этот мир, может принять в нем участие, обладая своим новым знанием. И альбомы, что лежат сейчас перед ним, — это начало. Он посмотрит их вместе с Рейчел — и тем самым найдет ее. Артур накрыл пальцы Рейчел рукой и крепко их сжал.

— Готова?

— Готова, — ответила она.

И тогда они перевернули первую страницу и начали спасать мир.

— Я — необычный оттенок синего, — сказала Рейчел. — Темный и теплый, и пахну кориандром.

— Идеальный, — отозвалась Элиза.

— Но ведь цвета…

— Да?

— Они же только в моей голове. На самом деле их не существует.

— И все равно ты их видишь.

— Да. Вижу.

— А я вижу тебя.

— Значит, я все же не потеряна.

— Больше нет, — сказала Элиза. — Мы тебя нашли.

Благодарности

Эта книга родилась из любви к философам, поэтам, рассказчикам и писателям, проникавшим в глубины человеческого сознания и возвращавшимся оттуда с частичками наших келпи-душ.

Спасибо сотрудникам кафедры английского языка и литературы университета Голдсмитс за поддержку и советы и отдельно — моим научным руководителям Блэйку Моррисону, Майклу Симпсону, Джошу Коэну, Мауре Дули и Марии Макдональд за терпение.

Мне повезло найти прекрасного помощника и друга в лице Лоры Макдугал. За что я искренне благодарю «Юнайтед эйджентс». Отдельное спасибо Саре Каслтон за неравнодушие, Оливии Хатчингс — за то, что держала меня за руки в процессе редактуры, Кэролайн Найт — за дотошность, Зое Худ — за муравьиную музыку, Стиву Пэнтону — за дизайн обложки и всем, всем сотрудникам «Корсара».

Спасибо Саймону Олдфилду, который присудил рассказу «Шезлонг» премию «RA & Pin Drop Short Story» в 2018 году. Здесь рассказ представляет

собой часть третьей главы и вскоре выйдет в сборнике «Мимолетный роман». Так же спасибо Элизабет Дей. И Ричарду Скиннеру из «Вангард».

Спасибо учительнице английского миссис Райт, в девичестве Клэй, которая в меня верила, спасибо Николя Монагану и Ричарду Берду за полезную информацию. Спасибо всем, кто читал мои произведения и раньше, особенно прекрасной писательнице Джейн Харрис и моим подругам Кэтрин Райт и Эби Шапиро. Спасибо моим сестрам Клаудии и Китти, а также маме и Алексу за то, что терпят меня.

Спасибо Рене, которая любила меня и муравья у меня в глазу. И самая большая благодарность нашим сыновьям Нэту и Джошу, которые спасают мир каждый день.

Список литературы

William Blake Milton: A Poem in Two Books, in The Complete Poems, ed. Alicia Ostriker. (London: Penguin Classics, 1977) P. 586.

Emily Brontë. Wuthering Heights. (London: Penguin Classics, 2003) P. 80.

Daniel Dennett ‘In Defense of AI’, Speaking Minds: Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists by Peter Baumgartner and Sabine Payr. (Princeton: Princeton University Press, 1995) P.259.

Глава 1

Blaise Pascal. Pensées, introduction by T. S. Eliot, tr. W. F. Trotter. (New York: E. P. Dutton & Co., 1958). P. 30.

Глава 2

John von Neumann as keynote speaker at the first national meeting of the Association for Computing Machinery, 1947, mentioned by Franz L. Alt at the end of ‘Archaeology of computers: Reminiscences, 1945–1947’. Communications of the ACM, vol. 15, issue 7, July 1972, special issue: Twenty-fifth anniversary of the Association for Computing Machinery. P. 694.

Глава 3

Thomas Nagel. ‘What is It Like to be a Bat?’ in The Philosophical Review, vol. 83, no. 4. (1974) Pp. 435–450.

E. M. Forster. Howard’s End. (London: Penguin, 1992)

Anthony Trollope. Can You Forgive Her? (London: Penguin Books, 1993)

Глава 4

David J. Chalmers The Conscious Mind: In Search of A Fundamental Theory. (Oxford: Oxford University Press, 1997). P. 94.

Глава 5

Frank Jackson. Philosophy Bites. ‘What Mary Knew’, hosted by David Edmonds and Nigel Warburton https://philosophybites.com/2011/08/frank-jackson-on-what-mary-knew.html

Rachel Cusk. A Life’s Work: On Becoming a Mother. (London: Faber, 2008)

Charles Dickens. Our Mutual Friend. (London: Penguin Books, 2012)

Kate Greenaway. Mother Goose, or, the Old Nursery Rhymes. (London: Frederick Warne, 1962)

Olivia Manning. The Balkan Trilogy. (London: Penguin, 1981)

George Meredith. The Egoist. (London: Penguin, 1968).

Глава 6

John Searle. ‘The Chinese Room’, The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences, ed. Robert A. Wilson and Frank C. Keil. (Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 1999)

Elhanan Motzkin, reply by John Searle, in New York Review of Books, ‘Artificial Intelligence and the Chinese Room: An Exchange’ https://www.nybooks.com/articles/1989/02/16/artificial-intelligence-and-the— chinese-room-an-ex/

Глава 7

Hilary Putnam. ‘The meaning of meaning’, Minnesota Studies in the Philosophy of Science, vol. 7. Language, Mind, and Knowledge, ed. Keith Gunderson. (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975). P. 140.

Roald Dahl. James and the Giant Peach. (London: Allen and Unwin, 1967)

J. K. Rowling. The complete Harry Potter collection. (London: Bloomsbury, 2010)

Lemony Snicket. A Series of Unfortunate Events: The Complete Wreck. (London: Harper Collins, 2006)

Robert Southey. The Three Bears. (London: Oxford University Press, 1940)

Глава 8

Heraclitus Fragments, tr. Brooks Haxton. (London: Penguin Classics, 2001) Fragment 41, p. 27.

Jules Verne. Twenty Thousand Leagues Under the Sea. Tr. H. Frith, ed. P. Costello. (London: Everyman, 1993)

Tom Wolfe. The Right Stuff. (London: Jonathan Cape, 1979)

Глава 9

René Descartes Meditations on First Philosophy. Tr. John Cottingham. (Cambridge: Cambridge University Press, 1996). P. 15.

Herman Hesse 'The Immortals'. Steppenwolf. Tr. Basil Creighton. (London: Penguin Books, 2011) P. 182.

Miguel Cervantes. Don Quixote. Tr. John Rutherford. (London: Penguin Classics, 2003)

Jorge Luis Borges. 'Pierre Menard, Author of the Quixote' in Labyrinths. Ed. Donald A. Yates and James E. Irby. (London: Penguin Classics, 2000)

Глава 10

Gilbert Harman. Thought. (Princeton: Princeton University Press, 1973) P. 5.

Alfred, Lord Tennyson. Ulysses. (Ware, Herts.: Wordsworth Editions, 1994) P. 162.

Рекомендуемая литература

Daniel Dennett. Consciousness Explained. (London: Penguin Books, 1993)

Intuition Pumps and other Tools for Thinking. (New York: W. W. Norton, 2013)

From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds. (New York: W. W. Norton, 2017)

Homer. The Odyssey. Tr. Stephen Mitchell. (London: Phoenix, 2014)

David Hume. An Enquiry Concerning Human Understanding. Ed. Peter Millican. (Oxford: Oxford University Press, 2008)

Frank Jackson. There's Something About Mary. Ed. Peter Ludlow, Yujin Nagasawa and Daniel Stoljar. (Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 2004)

James Joyce. The Ondt and the Gracehoper. Finnegans Wake. (London: Penguin Classics, 2000) Pp. 414–418.

Nora Nadjarian. Ledra Street. (Nicosia, Cyprus: Armida Publications, 2006)

Thomas Nagel. Mind and Cosmos: Why the Materialist NeoDarwinian Conception of Nature is

Almost Certainly False. (Oxford: Oxford University Press, 2012)

John von Neumann. Theory of Games and Economic Behavior with Oskar Morgenstern. (Princeton: Princeton University Press, 2004)

Roy Sorensen. Thought Experiments. (New York: Oxford University Press, 1992)

Scarlett Thomas. The End of Mr. Y. (London: Canongate, 2008)

Peggy Tittle. What If... (New Jersey: Pearson Longman, 2005)

Osman Türkay. Symphonies for the World. (London: A. N. Graphics, 1989)

Voltaire. Micromegás and Other Short Fictions Tr. Theo Cuffe. (London: Penguin, 2002)

Об авторе

Софи Уорд — актриса и писатель. Ее книга «Предложение руки и сердца: о важности равенства в браке и о том, что мы вкладываем в это понятие» была опубликована в рамках проекта «Гардиан» «Короткие книги» в 2014 году. Софи является обладательницей научных степеней в области философии и литературы, а также защитила в Голдсмитс, Университет Лондона, диссертацию о стереотипах в области философии сознания.